

НОЧНАЯ ПОГОНЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1989

НОЧНАЯ ПОГОНЯ

*Сборник научно-фантастических
повестей и рассказов*

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1989

ББК 84(0)6
Н86

Составитель
Р. Л. Рыбкин

Художник
Е. Флёрова

Н86 **Ночная погоня: Сборник научно-фантастических повестей и рассказов/Сост. Р. Л. Рыбкин; Предисл. Е. Г. Вансловой; Худож. Е. Флёрова.— М.: Дет. лит., 1989.—303 с.**

ISBN 5—08—000581—5

Научная фантастика писателей разных стран, объединенная тревогой за будущее, протестом против недооценки экологических факторов, желанием предупредить трагические ошибки, способные сказаться на судьбах будущих поколений жителей Земли.

Н 4801000000—267 447—89
М101(03)-89

ББК 84(0)6

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из прошлого в настоящее ведет антигравитационная металлическая тропа — 6 дюймов над землей. Если пройти по этой тропе, можно попасть в такое далекое прошлое, когда на Земле царила первозданная природа, огромные папоротники и пальмы, гигантские тираннозавры и бабочки. Вот оно, «начало всех начал», — в мире царя только естественные, а не социальные законы. Человека еще нет, все еще только предстоит — и первая тяжелая борьба с могучими силами природы, которых он будет бояться и обожествлять, и овладение законами, которые помогут в этой борьбе, и попытки покорить природу, подмять ее под себя, и, наконец, стремление понять ее законы. «Начало всех начал» — в классическом рассказе Рэя Брэдбери «И грянул гром...». И здесь же — мысль о том, что все в этом мире связано невидимыми, но прочными нитями. Стоило охотнику Экельсу на мгновение сойти с тропы и случайно придавить бабочку, как изменился ход грядущей истории.

И вот тропа приводит нас в будущее. Мы как бы перепрыгиваем и через XIX век с его завоеваниями техники, с его идеей Франкенштейна — чудовища, которое убивает своего создателя, и через наш XX век с его атомными станциями и космическими полетами и попадаем в будущее, в самые последние годы этого или в начало нового тысячелетия. И оказывается, что возникшая лишь в XX веке острота взаимоотношений человека с природой выявляется все больше и больше. И если в начале нашего века люди со спокойной совестью охотились, ловили рыбу,

собирали охапки лесных цветов, грибы и ягоды, строили новые ГЭС и водоемы, рукотворные моря, плотины и дамбы и воспевали все это в стихах и песнях, то уже сейчас стало ясно, что противостояние природе и тем более сражение с ней, попытка силой покорить ее могут привести к страшным последствиям. Авторы научно-фантастических рассказов рисуют эти последствия в жанре «предупреждения»: вот что может случиться, если мы не обратим внимания на существующие уже сегодня опасности.

Если человечество не осознает, что Земля в беде, то нас, возможно, ждет будущее, описанное в рассказе американского фантаста А. Лентини «Дерево»: все деревья в городе Бостоне пластиковые, кроме одного, к которому водят экскурсии. Оно стоит у настоящего старого дома, и возле него трава тоже настоящая, а не искусственная. Детей будущего особенно поражает свежий запах, исходящий от этого дерева. В мире, наполненном пластиком, химикалиями, полиэтиленом, так непривычен запах живой жизни, скрип старого дома, шуршание настоящей листвы.

Это безрадостное будущее фантасты подчас изображают с изрядной долей юмора. Он чувствуется в рассказе «Тру-ру-ру» Р. Силверберга. Ученые, истосковавшиеся по натуральной пище, создали на Третьей Лунной Базе «корову», конечно, без рогов и копыт, зато дающую натуральное вкусное молоко. А страдающий язвой желудка конгрессмен, который приехал проверять Базу, получает молоко, сделанное из... бумаги. В рассказе «Нежданно-негаданно» Дж. Эзертон перед нами предстает общество потребления, живущее под лозунгом «Хвала Износу!». За превышение срока пользования вполне доброкачественных предметов потребления там надолго сажают в тюрьму. Тут на дворе уже не XX век, но 80704 год. Но и в этой бесконечной временной дали взаимоотношения человека с природой окончательно не разрешены. Перепроизводство предметов потребления никак не сказалось на росте духовных начал. Обыватель и в туманном грядущем, видимо, останется обывателем. Его мало интересует, куда девается мусор на Земле, лишь бы у него под носом было чисто.

что на захолустной планетке Омикрон однажды пролился металлический дождь из абсорбтив, ножей и разных отходов, это его вообще не волнует.

Не только юмористические сюжеты, связанные с проблемой загрязнения природы, мы находим в этой книге.

Интересен поворот темы в рассказе-предупреждении венгра К. Деже «Третье поколение». После Двухчасовой атомной Войны Земля стала радиоактивной и непригодной для жизни. Земляне перебрались на специально сконструированное Большое Кольцо. И вот уже внуки тех, кто пережил эту катастрофу, стремятся вернуться обратно на Землю.

Страшные картины рисует повесть-предупреждение У. Т. Пауэрса «Нечем дышать». Если человечество не одумается, людей ожидает гибель. В повести Пауэрса воссоздается этот кошмарный мир: в больших городах люди могут выйти на улицу только в противогазах, исчезают запасы нефти и газа, меняется климат. Гигантское облако фактически накрывает всю Америку, да так, что самолеты не могут приземлиться, на бурых деревьях лежит толстый слой пыли. Пауэрс рисует мир, в котором действительность обгоняет любой, самый страшный прогноз, так что человеку приходится выбирать лишь между неконтролируемой и контролируемой катастрофой. Итак, если ничего не менять, а идти прежним путем, человечество неизбежно зайдет в тупик. Рассказ Брэдбери, с которого начинается сборник, и повесть Пауэрса — это как бы начало и конец пути. От неконтролируемого, свободного, буйного развития природных сил земная цивилизация приходит к их ущемлению. Природу загоняют в угол, нокаутируют, душат, калечат. С ее законами совершенно не считаются. Живут лишь одним днем, по принципу: «После нас хоть потоп». И в конце концов здесь, как и в других произведениях, проявляется грозная закономерность: в тех случаях, когда нарушаются законы нравственности, природа за себя мстит. Вот что получается в мире, нарисованном фантастом Пауэрсом: чем больше денег имеет человек, тем он более опасен для общества. Он улучшает условия существования для себя и, значит, ухудшает — для других. Он может получить свежий воздух, свет и прочие блага комфорта лишь за счет других людей, поскольку все люди связаны на Земле единой нитью. Может произойти катастрофа, если человек не овладеет новым мышлением, если он останется в плену звериного эгоизма. Вот урок, который нам преподносит современная зарубежная фантастика.

Сегодня мы вновь обращаемся к вопросам нравственности, потому что прежде всего от их решения зависит выживание человечества.

Итак, на одной чаше весов — интересы природы, за-

коны, которым подчиняется все живое, на другой — мир технических совершенств, так сказать, искусственная цивилизация, приносящая комфорт, сиюминутное удовлетворение, жизненные удобства. Можно ли сочетать то и другое, или они призваны вечно враждовать? Однако жизнь показывает, что искусственная и естественная природа могут и не быть врагами, если человек возвысится до нравственных решений проблемы, если он сумеет перешагнуть через узкоэгоистические интересы и учесть законы природы.

Итак, для того чтобы разрешить противоречия между природой и миром техники, необходимо прислушиваться друг к другу. Необходим контакт. В сборнике немало произведений посвящено проблеме контакта, в том числе контакта, который осуществляется не только обычным путем, но и «телепатическим», когда разговор ведется не вслух, а «про себя». При этом поток мыслей передается от одного существа к другому; и не только мыслей, но и чувств (например, волна радости, волна жалости). На основе такого контакта построен рассказ К. Смита «Игра с крысодраконом». Мир техники здесь представлен потрясающим космическим кораблем, который способен совершать гигантские прыжки от звезды к звезде, а мир природы — кошкой-телепатом, которая вступает в контакт со светострелком-человеком. Вдвоем они убивают крысодраконов, угрожающих кораблю. Чисто фантастическая ситуация, но как тонко автор здесь показывает взаимоотношения партнеров! От их контакта, от уровня их взаимопонимания зависит жизнь сотен людей на корабле.

На телепатических контактах построена повесть молодого кубинского фантаста Дайны Чавиано «Фея на пороге Земли». На планете Гарнис живут потерпевшие крушение земляне — Ниса и ее сын Томи. Мальчик вступает в телепатический контакт с местными таинственными существами. Томи и сам не подозревает, что умеет посылать на расстояние мысли, которые текут как бы сплошным потоком. Текст в книге в этих случаях дается без знаков препинания, без заглавных букв. Читать его, может быть, и нелегко, но зато он очень точно передает чувства, переживания юного героя. Попутно мы получаем представления о необычном мире, в котором оказался мальчик, начинает активно работать наше воображение, что так необходимо при чтении научной фантастики.

Большими телепатическими способностями обладает и герой рассказа Лестера Дель Рея «Крылья ночи», житель Луны Лъин, оставшийся единственным представителем некогда огромного и могущественного племени. Лъин — это особая форма жизни, в которой нет деления на животный и растительный мир, на мужчин и женщин, а живые существа могут есть камни. Именно телепатический дар помогает Лъину установить контакт с прилетевшими в лунный кратер землянами, у которых он достает медь, необходимую ему для продления жизни племени.

Бережное отношение к необычным формам жизни отличает и героя рассказа Т. Сальвадора «Марсуф на планете Спирео». Слепой человек благодаря своей сердечности и доброте добивается взаимопонимания с местным «львом» и раскрывает тайну обитателей планеты Спирео.

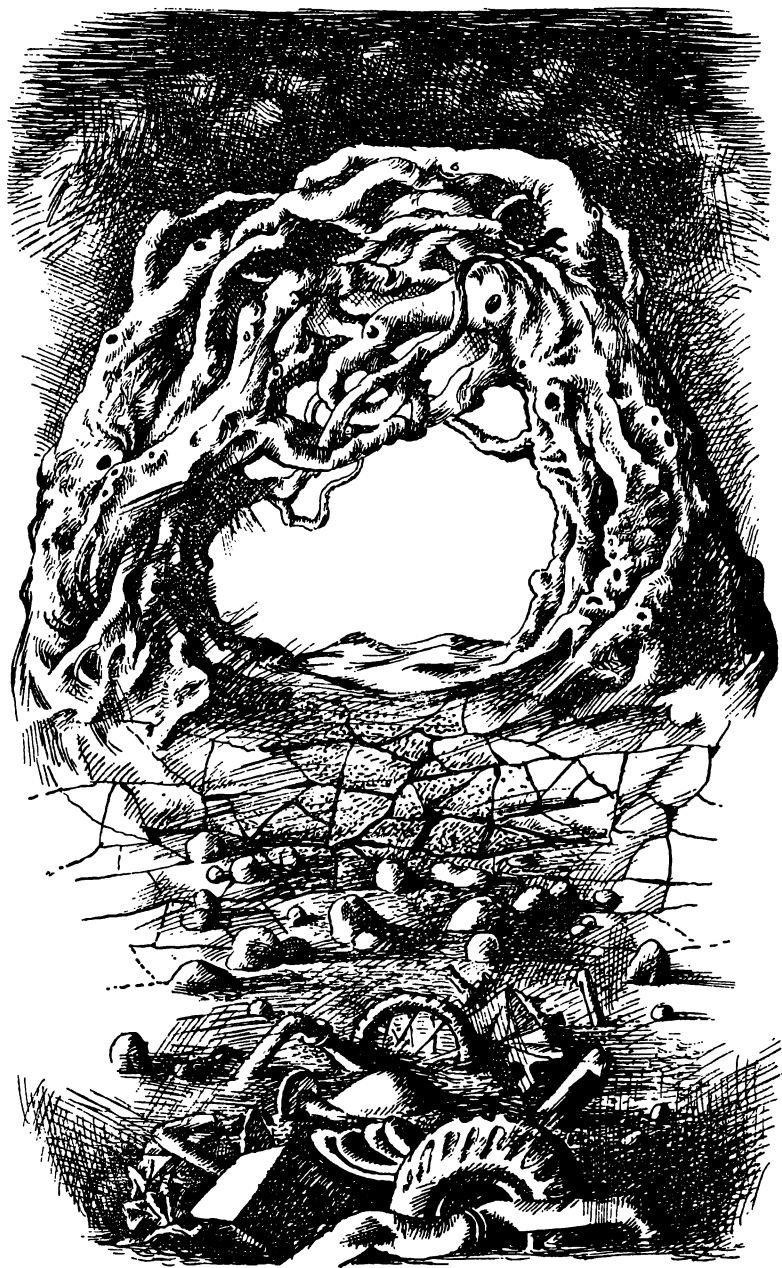
Мы знаем, что человек может вступать в контакт и с дельфинами, о чем рассказывает нам болгарский фантаст Л. Дилов («Еще раз о дельфинах»). Когда-то (и не так давно) люди охотились и на китов, и на дельфинов. Теперь такая охота запрещена — их осталось очень мало. Тем более важно осознать, что эти разумные существа, радостно вступающие в контакт с человеком, — особое чудо природы.

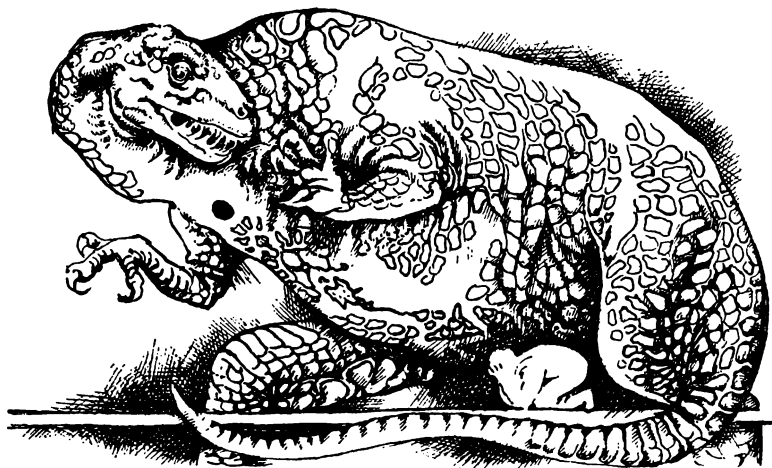
Вопрос об отношении к животным, в частности к домашним, один из острых вопросов бытия современной цивилизации, в которой не последнее место занимают проблемы рентабельности, выгоды. В рассказе Р. Льюиса «Сказочник» рисуется мир будущего, в котором все определяется выгодой. Зачем кошки и собаки, если для дела они больше не нужны? Раньше они сторожили дома, ловили мышей, а теперь все это не требуется. Конкурентами этих животных выступили роботы. Но мир, где законы нравственности попираются, стоит на шатких основаниях. И в конце концов и людям пришлось покинуть Землю — ее хозяевами стали роботы. Опасно и безнравственно подходить ко всему живому на Земле только с точки зрения прямой выгоды. Ведь домашние животные дают человеку столько радостей, что их не купишь ни за какие деньги! Жизнь прекрасна своим разнообразием. И когда исчезает навеки тот или иной вид животного или растения, занесенный в Красную книгу, Земля утрачивает навек частицу своего богатства и величия, а человек оказывается обделенным.

В этом смысле символичен последний рассказ сборника — «Зеленое утро». Он, как и первый рассказ, принадлежит перу одного из самых любимых советскими читателями зарубежных фантастов Рэя Брэдбери. Благодаря космонавту Дрисколлу на Марсе вырастают сплошной стеной земные деревья. После дождя они растут не по дням, а по часам, поднимаются навстречу золотистому солнцу и словно поют гимн жизни, ее многообразию и величю, гимн природе, которая очень нуждается в вашей помощи.

Е. Ванслова

Р А С С К А З Ы

Рэй Брэдбери

И ГРЯНУЛ ГРОМ...

Объявление на стене расплылось, словно его затянуло пленкой скользящей теплой воды; Экельс почувствовал, как веки, смыкаясь, на долю секунды прикрыли зрачки, но и в мгновенном мраке горели буквы:

**А О САФАРИ ВО ВРЕМЕНИ
ОРГАНИЗУЕМ САФАРИ В ЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОГО
ВЫ ВЫБИРАЕТЕ ДОБЫЧУ
МЫ ДОСТАВЛЯЕМ ВАС НА МЕСТО
ВЫ УБИВАЕТЕ ЕЕ**

В глотке Экельса скопилась теплая слюна; он судорожно глотнул. Мускулы вокруг рта растянули губы в улыбку, когда он медленно поднял руку, в которой покачивался чек на десять тысяч долларов, предназначенный для человека за конторкой.

— Вы гарантируете, что я вернусь из сафари живым?

— Мы ничего не гарантируем, — ответил служащий, — кроме динозавров. — Он повернулся. — Вот мистер Тревис, он будет вашим проводником в Прошлом. Он скажет вам, где и когда стрелять. Если скажет «не стрелять», — значит, не стрелять. Не выполняйте его распоряжения, по возвращении заплатите штраф — еще десять тысяч, кроме того, ждите неприятностей от правительства.

В дальнем конце огромного помещения конторы Экельс видел нечто причудливое и неопределенное, извивающееся и гудящее, переплетение проводов и стальных кожухов, переливающийся яркий ореол — то оранжевый, то серебристый, то голубой. Гул был такой, словно само Время горело на могучем костре, словно все годы, все даты летописей, все дни свалили в одну кучу и подожгли.

Одно прикосновение руки — и тотчас это горение послушно даст задний ход. Экельс помнил каждое слово объявления. Из пепла и праха, из пыли и золы восстанут, будто золотистые саламандры, старые годы, зеленые годы, розы усладят воздух, седые волосы станут черными, исчезнут морщины и складки, все и вся повернет вспять и станет семенем, от смерти ринется к своему истоку, солнца будут сходить на западе и погружаться в зарево востока, луны будут убывать с другого конца, все и вся уподобится цыпленку, прячущемуся в яйцо, кроликам, ныряющим в шляпу фокусника, все и вся познает новую смерть, смерть семени, зеленую смерть, возвращение в пору, предшествующую зачатию. И это будет сделано одним лишь движением руки...

— Черт возьми, — выдохнул Экельс; на его худом лице мелькали блики света от Машины. — Настоящая Машина времени! — Он покачал головой. — Подумать только. Закончись выборы вчера иначе, и я сегодня, быть может, пришел бы сюда спастись бегством. Слава богу, что победил Кейт. В Соединенных Штатах будет хороший президент.

— Вот именно, — отозвался человек за конторкой. — Нам повезло. Если бы выбрали Дойчера, не миновать нам жесточайшей диктатуры. Этот тип против всего на свете — против мира, против человечности, против разума. Люди звонили нам и справлялись — шутя, конечно, а впрочем... Дескать, если Дойчер будет президентом, нельзя ли перебраться в тысяча четыреста девяносто второй год. Да только не наше это дело — побеги устраивать. Мы орга-

низуем сафари. Так или иначе, Кейт — президент, и у вас теперь одна забота...

— ...убить моего динозавра,— закончил фразу Экельс.

— *Tyrannosaurus Rex*. Громогласный Ящер, отвратительнейшее чудовище в истории планеты. Подпишите вот это. Что бы с вами ни произошло, мы не отвечаем. У этих динозавров зверский аппетит.

Экельс вспыхнул от возмущения:

— Вы пытаетесь испугать меня?

— По чести говоря, да. Мы вовсе не желаем отправлять в Прошлое таких, что при первом же выстреле ударяются в панику. В том году погибли шесть руководителей и дюжина охотников. Мы предоставляем вам случай испытать самое чертовское приключение, о каком только может мечтать настоящий охотник. Путешествие на шестьдесят миллионов лет назад и величайшая добыча всех времен! Вот ваш чек. Порвите его.

Мистер Экельс долго смотрел на чек. Пальцы его дрожали.

— Ни пуха ни пера,— сказал человек за конторкой.— Мистер Тревис, займитесь клиентом.

Неся ружья в руках, они молча прошли через комнату к Машине, к серебристому металлу и рокошущему свету.

Сперва день, затем ночь, опять день, опять ночь; потом день — ночь, день — ночь, день. Неделя, месяц, год, десятилетие! 2055 год. 2019. 1999! 1957! Мимо! Машина редела.

Они надели кислородные шлемы, проверили наушники.

Экельс качался на мягком сиденье — бледный, зубы стиснуты. Он ощутил судорожную дрожь в руках, посмотрел вниз и увидел, как его пальцы сжали новое ружье. В Машине было еще четверо. Тревис — руководитель сафари, его помощник — Лесперанс и два охотника — Биллингс и Кремер. Они сидели, глядя друг на друга, а мимо, точно вспышки молний, проносились годы.

— Это ружье может убить динозавра? — вымолвили губы Экельса.

— Если верно попадешь,— ответил в наушниках Тревис.— У некоторых динозавров два мозга: один в голове, другой ниже по позвоночнику. Таких мы не трогаем. Лучше не злоупотреблять своей счастливой звездой. Первые две пули в глаза, если сумеете, конечно. Ослепили, тогда бейте в мозг.

Машина взвыла. Время было словно кинолента, пущенная обратным ходом. Солнца летели вспять, за ними мчались десятки миллионов лун.

— Господи,— произнес Экельс.— Все охотники, когда-либо жившие на свете, позавидовали бы нам сегодня. Тут тебе сама Африка покажется Иллинойсом.

Машина замедлила ход, вой сменился ровным гулом. Машина остановилась.

Солнце остановилось на небе.

Мгла, окружавшая Машину, рассеялась, они были в древности, глубокой-глубокой древности, три охотника и два руководителя, у каждого на коленях ружье — голубой вороненый ствол.

— Христос еще не родился,— сказал Тревис.— Моисей не ходил еще на гору беседовать с богом. Пирамиды лежат в земле, камни для них еще не обтесаны и не сложены. Помните об этом. Александр, Цезарь, Наполеон — никого из них нет.

Они кивнули.

— Вот,— мистер Тревис указал пальцем,— вот джунгли за шестьдесят миллионов две тысячи пятьдесят пять лет до президента Кейта.

Он показал на металлическую Тропу, которая через распаренное болото уходила в зеленые заросли, извиваясь между огромными папоротниками и пальмами.

— А это,— объяснил он,— Тропа, проложенная здесь для охотников компанией. Она парит над землей на высоте шести дюймов. Не задевает ни одного дерева, ни одного цветка, ни одной травинки. Сделана из антигравитационного металла. Ее назначение — изолировать вас от этого мира прошлого, чтобы вы ничего не коснулись. Держитесь Тропы. Не сходите с нее. Повторяю: не сходите с нее. Ни при каких обстоятельствах! Если свалитесь с нее — штраф. И не стреляйте без нашего разрешения.

— Почему? — спросил Экельс.

Они сидели среди древних зарослей. Ветер нес далекие крики птиц, нес запах смолы и древнего соленого моря, запах влажной травы и кроваво-красных цветов.

— Мы не хотим изменять Будущее. Здесь, в Прошлом, мы незваные гости. Правительство не одобряет наши экскурсии. Приходится платить немалые взятки, чтобы нас не лишили концессии. Машина времени — дело щекотливое. Сами того не зная, мы можем убить какое-нибудь важное

животное, пичугу, жука, раздавить цветок и уничтожить важное звено в развитии вида.

— Я что-то не понимаю,— сказал Экельс.

— Ну, так слушайте,— продолжал Тревис.— Допустим, мы случайно убили здесь мышь. Это значит, что всех будущих потомков этой мыши уже не будет,— верно?

— Да.

— Не будет потомков от потомков — от всех ее потомков! Значит, неосторожно ступив ногой, вы уничтожаете не одну, и десяток, и не тысячу, а миллион — миллиард мышей!

— Хорошо, они сдохли,— согласился Экельс.— Ну и что?

— Что? — Тревис презрительно фыркнул.— А как с лисами, для питания которых нужны были именно эти мышь? Не хватит десяти мышей — умрет одна лиса. Десятью лисами меньше — подохнет от голода лев. Одним львом меньше — погибнут всевозможные насекомые и стервятники, сгинет неисчислимое множество форм жизни. И вот итог: через пятьдесят девять миллионов лет пещерный человек, один из дюжины, населяющий весь мир, гонимый голодом, выходит на охоту за кабаном или саблезубым тигром. Но вы, друг мой, раздавив одну мышь, тем самым раздавили всех тигров в этих местах. И пещерный человек умирает от голода. А этот человек, заметьте себе,— не просто один человек, нет! Это целый будущий народ. Из его чресел вышло бы десять сыновей. От них произошло бы сто — и далее, и возникла бы целая цивилизация. Уничтожьте одного человека — и вы уничтожите целое племя, народ, историческую эпоху. Это все равно что убить одного из внуков Адама. Раздавите ногой мышь — это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей Земли, в корне изменит наши судьбы. Гибель одного пещерного человека — смерть миллиарда его потомков, задушенных во чреве. Может быть, Рим не появится на своих семи холмах. Европа навсегда останется глухим лесом, только в Азии расцветет пышная жизнь. Наступите на мышь — и вы сокрушите пирамиды. Наступите на мышь — и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий Каньон. Не будет королевы Елизаветы, Вашингтон не перейдет Делавер. Соединенные Штаты вообще не появятся. Так что будьте осторожны. Держитесь Тропы. Никогда не сходите с нее!

— Понимаю,— сказал Экельс.— Но тогда, выходит, опасно касаться даже травы?

— Совершенно верно. Нельзя предсказать, к чему приведет гибель того или иного растения. Малейшее отклонение сейчас неизмеримо возрастет за шестьдесят миллионов лет. Разумеется, не исключено, что наша теория ошибочна. Быть может, мы не в состоянии повлиять на Время. А если и в состоянии — то очень незначительно. Скажем, мертвая мышь ведет к небольшому отклонению в мире насекомых, дальше — к угнетению вида, еще дальше — к неурожаю, депрессии, голоду, наконец, к изменению социального. А может быть, итог будет совсем незаметным — легкое дуновение, шепот, волосок, пылинка в воздухе, такое, что сразу не увидишь. Кто знает? Кто возьмется предугадать? Мы не знаем — только гадаем. И покуда нам не известно совершенно точно, что наши вылазки для истории — гром или легкий шорох, надо быть чертовски осторожным. Эта Машина, эта Тропа, ваша одежда, вы сами, как вам известно,— все обеззаражено. И назначение этих кислородных шлемов — помешать нам внести в древний воздух наши бактерии.

— Но откуда мы знаем, каких зверей убивать?

— Они помечены красной краской,— ответил Тревис.— Сегодня, перед нашей отправкой, мы послали сюда на Машине Лесперанса. Он побывал как раз в этом времени и проследил за некоторыми животными.

— Изучал их?

— Вот именно,— отозвался Лесперанс.— Я прослеживаю всю их жизнь и отмечаю, какие особи живут долго. Таких очень мало. Сколько раз они спариваются. Редко... Жизнь коротка. Найдя зверя, которого подстерегает смерть под упавшим деревом или в асфальтовом озере, я отмечаю час, минуту, секунду, когда он гибнет. Затем стреляю красящей пулей. Она оставляет на коже красную метку. И когда экспедиция отбывает в Прошлое, я рассчитываю все так, чтобы мы явились минуты за две до того, как животное все равно погибнет. Так что мы убиваем только те особи, у которых нет будущего, которым и без того уже не спариться. Видите, насколько мы осторожны?

— Но если вы утром побывали здесь,— взволнованно заговорил Экельс,— то должны были встретить нас, нашу экспедицию! Как она прошла? Успешно? Все остались живы?

Тревис и Лесперанс переглянулись.

— Это был бы парадокс,— сказал Лесперанс.— Такой путаницы, чтобы человек встретил самого себя, Время не допускает. Если возникает такая опасность, Время делает шаг в сторону. Вроде того, как самолет проваливается в воздушную яму. Вы заметили, как Машину тряхнуло перед самой нашей остановкой? Это мы миновали самих себя по пути обратно в Будущее. Но мы не видели ничего. Поэтому невозможно сказать, удалась ли наша экспедиция, уложили ли мы зверя, вернулись ли мы — вернее, вы, мистер Экельс,— обратно живые.

Экельс бледно улыбнулся.

— Ну, все,— отрезал Тревис.— Встали!

Пора было выходить из Машины.

Джунгли были высокие, и джунгли были широкие, и джунгли были навеки всем миром. Воздух наполняли звуки, словно музыка, словно паруса бились в воздухе,— это летели, будто исполинские летучие мыши из кошмара, из бреда, махая огромными, как пещерный свод, серыми крыльями, птеродактили. Экельс, стоя на узкой Тропе, шути прицелился.

— Эй, бросьте! — скомандовал Тревис.— Даже в шутку не цельтесь, черт бы вас побрал! Вдруг выстрелит...

Экельс покраснел.

— Где же наш *Tyrannosaurus*?

Лесперанс взглянул на свои часы.

— На подходе. Мы встретимся ровно через шестьдесят секунд. И ради бога — не прозевайте красное пятно. Пока не скажем, не стрелять. И не сходите с Тропы. Не сходите с Тропы!

Они шли навстречу утреннему ветерку.

— Странно,— пробормотал Экельс.— Перед нами — шестьдесят миллионов лет. Выборы прошли. Кейт стал президентом. Все празднуют победу. А мы — здесь, все эти миллионы лет словно ветром сдуло, их нет. Всего того, что заботило нас на протяжении нашей жизни, еще нет и в помине, даже и в проекте.

— Приготовиться! — скомандовал Тревис.— Первый выстрел ваш, Экельс. Биллингс — второй номер. За ним — Кремер.

— Я охотился на тигров, кабанов, буйволов, слонов, но видит бог: это совсем другое дело,— произнес Экельс.— Я дрожу, как мальчишка.

— Тихо,— сказал Тревис.

Все остановились.

Тревис поднял руку.

— Впереди,— прошептал он.— В тумане. Он там. Встречайте Его Королевское Величество.

Безбрежные джунгли были полны щебета, шороха, бормотания, вздохов.

Вдруг все смолкло, точно кто затворил дверь.

Тишина.

Раскат грома.

Из мглы ядрах в ста впереди появился Tyrannosaurus.

— Силы небесные,— пролепетал Экельс.

— Тсс!

Он шел на огромных, лоснящихся, пружинящих, мягко ступающих ногах.

Он на тридцать футов возвышался над лесом — великий бог зла, прижавший хрупкие руки часовщика к маслянистой груди рептилии. Ноги — могучие поршни, тысяча фунтов белой кости, оплетенные тугими канатами мышц под блестящей морщинистой кожей, подобно кольчуге грозного воина. Каждое бедро — тонна мяса, слоновой кости и кольчужной стали. А из громадной вздымающейся грудной клетки торчали две тонкие руки, руки с пальцами, которые могли подобрать и исследовать человека, будто игрушку. Извивающаяся змеиная шея легко вздымала к небу тысячекилограммовый каменный монолит головы. Разверстая пасть обнажала частокол зубов-кинжалов. Вращались глаза — страусовые яйца, не выражая ничего, кроме голода. Он сомкнул челюсти в зловещем оскале. Он побежал, и задние ноги смяли кусты и деревья, и когти вспороли сырую землю, оставляя следы шестидюймовой глубины. Он бежал скольльзящим балетным шагом, неправдоподобно уверенно и легко для десятитонной махины. Он насто-роженно вышел на залитую солнцем прогалину и пощупал воздух своими красивыми чешуйчатыми руками.

— Господи! — Губы Экельса дрожали.— Да он, если вытянется, луну достать может.

— Тсс! — сердито зашипел Тревис.— Он еще не заметил нас.

— Его нельзя убить.— Экельс произнес это спокойно, словно заранее отметал все возражения. Он взвесил по-

казания очевидцев и вынес окончательное решение. Ружье в его руках было словно пугач.— Идиоты, и что нас сюда принесло... Это же невозможно:

— Молчать! — рявкнул Тревис.

— Кошмар...

— Кру-гом! — скомандовал Тревис.— Спокойно возвращайтесь в Машину. Половина суммы будет вам возвращена.

— Я не ждал, что он окажется таким огромным,— сказал Экельс.— Одним словом, просчитался. Нет, я участвовать не буду.

— Он заметил нас!

— Вон красное пятно на груди.

Громогласный Ящер выпрямился. Его бронированная плоть сверкала, словно тысяча зеленых монет. Монеты покрывала жаркая слизь. В слизи копошились мелкие козявки, и все тело переливалось, будто по нему пробегали волны, даже когда чудовище стояло неподвижно. Оно глуходохнуло. Над поляной повис запах сырого мяса.

— Помогите мне уйти,— сказал Экельс.— Раньше все было иначе. Я всегда знал, что останусь жив. Были надежные проводники, удачные сафари, никакой опасности. На сей раз просчитался. Это мне не по силам. Признаюсь. Орешек мне не по зубам.

— Не бегите,— сказал Лесперанс.— Повернитесь кругом. Спрячьтесь в Машине.

— Да.— Казалось, Экельс окаменел. Он поглядел на свои ноги, словно пытался заставить их двигаться. Он застонал от бессилия.

— Экельс!

Он сделал шаг-другой, зажмурившись, волоча ноги.

— Не в ту сторону!

Едва он сдвинулся с места, как чудовище с ужасающим воем ринулось вперед. Сто ярдов оно покрыло за четыре секунды. Ружья взметнулись вверх и дали залп. Из пасти зверя вырвался ураган, обдав людей запахом слизи и крови. Чудовище взревело, его зубы сверкали на солнце.

Не оглядываясь, Экельс слепо шагнул к краю Тропы, сошел с нее и, сам того не сознавая, направился в джунгли; ружье бесполезно болталось в руках. Ступни тонули в зеленом мху, ноги влекли его прочь, он чувствовал себя одиноким и далеким от того, что происходило за его спиной.

Снова затрещали ружья. Выстрелы потонули в громовом реве Ящера. Могучий хвост рептилии дернулся, точно кончик бича, и деревья взорвались облаками листьев и веток. Чудовище потянуло вниз свои руки ювелира — поглаживать людей, разорвать их пополам, раздавить, как ягоды, и сунуть в пасть, в ревушую глотку! Глыбы глаз очутились возле людей. Они увидели свое отражение. Они открыли огонь по металлическим векам и пылающим черным зрачкам.

Словно каменный идол, словно горный обвал, рухнул Tuganosaugus. Рыча, он цеплялся за деревья и валил их. Зацепил и смял металлическую Тропу. Люди бросились назад, отступая. Десять тонн холодного мяса, как утес, грохнулось оземь. Ружья дали еще залп. Чудовище ударило бронированным хвостом, щелкнуло змеиными челюстями и затихло. Из горла фонтаном била кровь. Где-то внутри лопнул бурдюк с жидкостью, и зловонный поток захлестнул охотников. Они стояли неподвижно, облитые чем-то блестящим, красным.

Гром смолк.

В джунглях воцарилась тишина. После обвала — зеленый покой. После кошмара — утро.

Биллингс и Кремер сидели на Тропе: им было плохо. Тревис и Лесперанс стояли рядом, держа дымящиеся ружья и чертыхаясь.

Экельс, весь дрожа, лежал ничком в Машине времени. Каким-то образом он выбрался обратно на Тропу и добрел до Машины.

Подошел Тревис, глянул на Экельса, достал из ящика марлю и вернулся к тем, что сидели на Тропе.

— Оботритесь.

Они стерли со шлемов кровь. И тоже принялись чертыхаться. Чудовище лежало неподвижно. Гора мяса, из недр которой доносилось бульканье, вздохи — это умирали клетки, органы переставали действовать, и соки последний раз текли по своим ходам, все отключалось, навсегда выходя из строя. Точно вы стояли возле разбитого паровоза или закончившего рабочий день парового катка — все клапаны открыты или плотно зажаты. Затрещали кости: вес мышц, ничем не управляемый, — мертвый вес — раздавил тонкие руки, притиснутые к земле. Колыхаясь, мясо приняло покойное положение.

Вдруг снова грохот. Высоко над ними сломался

исполинский сук. С гулом он обрушился на безжизненное чудовище, как бы окончательно утверждая его гибель.

— Так.— Лесперанс поглядел на часы.— Минута в минуту. Это тот самый сук, который должен его убить.— Он обратился к двум охотникам: — Фотография трофея вам нужна?

— Что?

— Мы не можем увозить добычу в Будущее. Туша должна лежать здесь, на своем месте, чтобы ею могли питаться насекомые, птицы, бактерии. Равновесие нарушать нельзя. Поэтому добычу оставляют. Но мы можем сфотографировать вас возле нее.

Охотники сделали над собой усилие, пытаясь думать, но сдались, тряся головой.

Они послушно дали отвести себя в Машину. Устало опустились на сиденья. Тупо оглянулись на поверженное чудовище — немой курган. На остывшей броне уже копошились золотистые насекомые, сидели причудливые птицеящеры.

Внезапный шум заставил охотников оцепенеть: на полу Машины, дрожа, сидел Экедьс.

— Простите меня,— сказал он.

— Встаньте! — рявкнул Тревис.

Экедьс встал.

— Ступайте на Тропу,— скомандовал Тревис. Он поднял ружье.— Вы не вернетесь с Машинной. Вы останетесь здесь!

Лесперанс перехватил руку Тревиса:

— Постой...

— А ты не суйся! — Тревис стряхнул его руку.— Из-за этого подонка мы все чуть не погибли. Но главное даже не это. Нет, черт возьми, ты погляди на его башмаки! Гляди! Он соскочил с Тропы. Понимаешь, чем это нам грозит? Один бог знает, какой штраф нам прилепят! Десятки тысяч долларов! Мы гарантируем, что никто не сойдет с Тропы. Он сошел. Идиот чертов! Я обязан доложить правительству. И нас могут лишить концессии на эти сафари. А какие последствия будут для Времени, для Истории?!

— Успокойся, он набрал на подошвы немного грязи — только и всего.

— Откуда мы можем знать? — крикнул Тревис.— Мы

ничего не знаем! Это же все сплошная загадка! Шагом марш, Экельс.

Экельс полез в карман.

— Я заплачу сколько угодно. Сто тысяч долларов!

Тревис покосился на чековую книжку и плюнул.

— Ступайте! Чудовище лежит возле Тропы. Суньте ему руки по локоть в пасть. Потом можете вернуться к нам.

— Это несправедливо!

— Зверь мертв, ублюдок несчастный. Пули. Пули не должны оставаться здесь, в Прошлом. Они могут повлиять на развитие. Вот вам нож. Вырежьте их!

Джунгли опять пробудились к жизни и наполнились древними шорохами, птичьими голосами. Экельс медленно повернулся и остановил взгляд на доисторической падали, горе кошмаров и ужасов. Наконец, словно лунатик, побрел по Тропе.

Пять минут спустя он, дрожа всем телом, вернулся к Машине; его руки были по локоть красны от крови. Он протянул вперед обе ладони. На них блестели стальные пули. Потом он упал. Он лежал там, где упал, недвижимый.

— Напрасно ты его заставил это делать,— сказал Лесперанс.

— «Напрасно»! Об этом рано судить.— Тревис толкнул неподвижное тело.— Не помрет. Больше его не потянет за такой добычей. А теперь,— он сделал вялый жест рукой,— включай. Двигаемся домой.

1492. 1776. 1812.

Они умыли лицо и руки. Они сняли заскорузлые от крови рубахи, брюки и надели все чистое. Экельс пришел в себя, но сидел молча. Тревис добрых десять минут в упор смотрел на него.

— Не смотрите на меня,— вырвалось у Экельса.— Я ничего не сделал.

— Кто знает...

— Я только соскочил с Тропы и вымазал башмаки глиной. Чего вы от меня хотите? Чтобы я вас на коленях умолял?

— Это не исключено. Предупреждаю вас, Экельс, может еще случиться, что я вас убью. Ружье заряжено.

— Я не виноват. Я ничего не сделал!

1999. 2000. 2055.

Машина остановилась.

— Выходите, — скомандовал Тревис.

Комната была такая же, как прежде. Хотя нет, не совсем такая же... Тот же человек сидел за той же конторкой. Нет, не совсем тот же человек, и конторка не та же.

Тревис быстро обвел помещение взглядом.

— Все в порядке? — буркнул он.

— Конечно. С благополучным возвращением!

Но настороженность не покидала Тревиса. Казалось, он проверяет каждый атом воздуха, придирчиво исследует свет солнца, падающий из высокого окна.

— О'кей, Экельс, выходите. И больше никогда не попадайтесь мне на глаза.

Экельс будто окаменел.

— Ну? — поторопил его Тревис. — Что ты там такое увидел?

Экельс медленно вдыхал воздух — с воздухом что-то произошло, какое-то химическое изменение, настолько незначительное, неуловимое, что лишь слабый голос подсознания говорил Экельсу о перемене. И краски — белая, серая, синяя, оранжевая — на стенах, мебели, в небе за окном; они... они... да что с ними случилось? А тут еще это ощущение... По коже бежали мурашки. Руки дергались. Всеми порами тела он улавливал нечто странное, чужеродное. Будто где-то кто-то свистнул в свисток, который слышат только собаки. И его тело беззвучно откликнулось. За окном, за стенами этого помещения, за спиной человека (который был не тем человеком) у перегородки (которая была не той перегородкой) — целый мир улиц и людей. Но как отсюда определить, что это за мир теперь, что за люди? Он буквально чувствовал, как они движутся там, за стенами, — словно шахматные фигурки, влекомые сухим ветром...

Зато сразу бросалось в глаза объявление на стене, объявление, которое он уже читал сегодня, когда впервые вошел сюда.

А О СОФАРИ ВОВРЕМЕНИ
ОРГАНИЗУЕМ СОФАРИ ВЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОГО
ВЫ ВЫБЕРАЕТЕ ДАБЫЧУ
МЫ ДАСТАВЛЯЕМ ВАС НАМЕСТО
ВЫ УБЕВАЕТЕ ЕЕ

Экельс почувствовал, что опускается на стул. Он стал лихорадочно скрести грязь на башмаках. Его дрожащая рука подняла липкий ком.

— Нет, не может быть! Из-за такой малости... Нет!

На комке было отливающее зеленою, золотом и черною пятно — бабочка, очень красивая... мертвая.

— Из-за такой малости! Из-за бабочки! — закричал Экельс.

Она упала на пол — изящное маленькое создание, способное нарушить равновесие, повалить маленькие костяшки домино... большие костяшки... огромные костяшки, соединенные цепью неисчислимых лет, составляющих Время. Мысли Экельса смешались. Не может быть, чтобы она что-то изменила. Мертвая бабочка — и такие последствия? Невозможно!

Его лицо похолодело. Непослушными губами он вымолвил:

— Кто... кто вчера победил на выборах?

Человек за конторкой хихикнул:

— Шутите? Будто не знает! Дойчер, разумеется! Кто же еще? Уж не этот ли хлюпик, Кейт? Теперь у власти железный человек! — Служащий опешил. — Что это с вами?

Экельс застонал. Он упал на колени. Дрожащие пальцы протянулись к золотистой бабочке.

— Неужели нельзя, — молил он весь мир, себя, служащего, Машину, — вернуть ее туда, оживить ее? Неужели нельзя начать все сначала? Может быть...

Он лежал неподвижно. Лежал, закрыв глаза, дрожа, и ждал. Он отчетливо слышал тяжелое дыхание Тревиса, слышал, как Тревис поднимает ружье и нажимает курок.

И грянул гром...

Нильс Нильсен

НОЧНАЯ ПОГОНЯ

— Умные и трудолюбивые стальные муравьи, — воодушевленно говорил профессор Макгатри, — вот что они такое! Когда их станет много, никому не взять над ними верх, ни в войне, ни в работе. Потому я и назвал пробный образец «Муравьем». От него произойдут миллионы точно таких же, как он, они расползутся по всей земле и начнут служить человечеству! Они сделают долины на месте нынешних гор, из недр земли станут добывать уголь, будут орошать пустыни, побеждать в войнах, осваивать для людей далекие планеты. Они, мой друг, будут творить настоящие чудеса!

Макгатри, профессор кибернетики Эдинбургского университета, расхаживал взад-вперед по гостиной; его круглое брюшко покачивалось в такт шагам.

Жена профессора, Урсула, сидела в кресле и смотрела на него кротким, слегка встревоженным взглядом.

— Но, Малькольм...

Голос ее немного дрожал, однако свести мужа с небес на землю было просто необходимо — кроме своих машин, он уже ни о чем не хотел знать!

— ...не могут ли они стать для людей опасными? — договорила она. — Я хочу сказать только... вид у этих тварей — ну, тех, что у тебя в подвале, — не очень привлекательный.

— Не очень привлекательный? — возмущенный, он потер лысину. Глаза его засверкали. — О, эти женщины! «Муравей» не безобразный, не злой — он вообще никакой! Это всего-навсего машина — самоуправляющийся, самовоспроизводящийся и самовосстанавливающийся робот!

— Да, дорогой, — ласково сказала Урсула, понявшая только половину сказанного, и страдальчески улыбнулась.

Но профессор уже остыл. Шаркая, он подошел к окну и устремил задумчивый взгляд на безрадостный ландшафт Шотландии, освещенный красноватыми лучами заходящего солнца, на унылые болота и тоскливые, покрытые вереском пустоши между гранитными отрогами хребта Бен-Аттоу и морским побережьем у Моурей-Ферса. Это мир, которого чурались люди, если не считать неграмотных старых пастухов, сухих и жилистых; им чудеса молодого третьего тысячелетия были глубоко безразличны, настолько, что они едва поднимали голову, когда по небу, в сгущающихся сумерках, проносились, оставляя огненный след, пассажирские ракеты, летящие откуда-нибудь с Тихого океана в лондонский аэропорт Хитроу.

Но профессора Макгатри безлюдье этих мест очень устраивало. Здесь он мог без помех проводить опыты в той области науки, в которой он был признанным авторитетом. Два года тому назад по его велению сюда перенесли при помощи летающего воздушного крана его дом, похожий на огромную пластиковую слезу. А вместе с домом — оснащенную всем необходимым лабораторию. С тех пор он и Урсула спокойно жили здесь вместе со своими детьми, одиннадцатилетними близнецами Робертом и Лилиан. И каждый день, уходя с головой в какой-нибудь из своих хитроумных кибернетических проектов, прославивших его имя от Лондона до Желтой реки, он что-то рассчитывал и мастерил у себя в подвале.

По тихому дому рассыпался звонкий детский смех. Мать и отец прислушались, потом оба заулыбались.

— Смотрят по телевизору «Робинзона Крузо»,— сказала Урсула, уже позабывшая о «Муравье».— И им интересно и смешно! Даже сейчас, в 2011 году, дети без ума от этих историй про Робинзона Крузо и Пятницу, про Белоснежку и семь гномов! Помнишь, какой был скандал, когда в прошлом году детское телевидение попыталось заменить приключенческие программы занятиями по сборке машин и передачами о Марсе? Все дети Шотландии потребовали, чтобы им вернули приключения!

— Ребенок есть ребенок.— Профессор кашлянул, поглощенный своими мыслями.— Знаешь что? К вечеру, на вересковой пустоши, я хочу его испытать!

— Его?.. Да, конечно! — И она кивнула с таким видом, будто это очень ее обрадовало.— Но что эта... штука будет делать на вересковой пустоши?

— Видишь ли,— и рука его обвела в воздухе что-то невидимое,— она может, при помощи электролиза, добывать прямо из грунта алюминий. Алюминий я выбрал из-за его необычайной распространенности — он составляет не меньше семи процентов всей земной массы!

И профессор торжествующе посмотрел на жену.

— Да, мой друг,— сказала она таким тоном, каким все жены говорят эти слова пьяным или рассерженным супругам.

— ...Так что «Муравей» может добывать алюминий в горах и в пустынях, и из чего угодно — из полевого шпата, каолина, глинозема! А алюминий служит составной частью сплавов, прочных, как сталь, но весящих в три раза меньше!

— Да, мой друг.

Ей уже столько раз доводилось слышать, как он говорит на своем непонятном техническом языке! И через минуту, когда он заверил жену, что его изобретение не опасно, она успокоилась и стала думать об ужине. Не слетать ли на вертолете в Килданан купить бифштексов? И, может быть, бутылку вина, чтобы отпраздновать удачу Малькольма? Всего семьдесят километров — за какой-нибудь час она слетает туда и обратно...

Тихо жужжа, дом, как подсолнечник, поворачивался вслед за солнцем. Небо над темными вершинами пылало. Малькольм между тем продолжал:

— ...в электронный мозг вводятся элементарные приказы, и реле мозга смогут создавать из них все новые

и новые сочетания, практически бесконечное количество сочетаний! В результате получатся миллионы разных линий поведения! И кроме того, у «Муравья» много органов чувств: радиолокаторы, фотоэлементы, искусственные органы обоняния, микрофоны, которые за десять миль улавливают стрекот кузнечика. А во время войны его теплоуловители обнаружат на большом расстоянии любой живой организм, если температура его тела отличается от температуры воздуха хотя бы на одну десятую градуса. На своих гусеницах с присосками «Муравей» может передвигаться где угодно, под водой или даже по отвесным скалам. А ториевых батарей, которые дают ему энергию, хватает на десятки лет. Торий, кстати, тоже есть на всех континентах!

— Да, дорогой...

Как хорошо, подумала она: металлическая рука, выдвинувшись из стены, подобрала пепел, просыпавшийся с сигары Малькольма! Ведь пепел на полу — это так неопрятно! Но что сегодня с Малькольмом? Таким она еще не видела его никогда!

— ...Его металлические мускулы не знают усталости! — почти кричал он тем временем. — Его мозгу не нужен сон! Его реакции мгновенны! Его производительность не укладывается в воображении! Ему нужно два часа, чтобы создать себе подобного, точную копию самого себя, и он проделывает для этого сорок тысяч операций! А два «Муравья» начинают делать еще двух! Четыре — еще четырех! Знаешь, сколько их станет после двадцати четырех часов удвоения?

— М-мм... сто?

Готовясь отправиться за покупками, она сейчас накладывала на лицо косметику.

— Четыре тысячи девяносто шесть! — торжествующе воскликнул он. — А через тридцать шесть часов — двести шестьдесят две тысячи сто сорок четыре! А через двое суток — много миллионов! Мой первый «Муравей» — это ком снега, с которого начнется лавина!

— Не... не чересчур ли это много? — слегка испуганно спросила она и, оторвав взгляд от зеркала, посмотрела на мужа.

— Нет, совсем не трудно, отдав приказ, остановить самовоспроизводство, — весело успокоил он жену. — Именно такой приказ, как только «Муравей» пройдет испытания,

я и отдам. А самое главное, мои «Муравьи» могут быстро и дешево сровнять с землей Гималаи или перенести Великобританию на Северный полюс!

Она рассмеялась:

— Что ты говоришь, Малькольм? Ведь мы там замерзнем.

— Я просто привел пример,— сказал он, не обращая внимания на ее смех.— Ну а какое это оружие... Ты ведь слышала все эти бесконечные жалобы по поводу огромных расходов на вооружение? «Муравей» создаст армию из кучи камней! Да, конечно, с одним «Муравьем», хоть он и прочен, легко управится противотанковая пушка. Но миллиону, который через два часа станет двумя миллионами, сопротивляться бесполезно! Стальные челюсти сжуют даже танки, целые дивизии танков, и опустошат территорию неприятеля так же основательно, как полчища настоящих муравьев. Только представь себе, что будет, если двадцать моих «Муравьев» перебросить по воздуху в пустыню Гоби. За сутки их станет там больше восьмидесяти одной тысячи! А если ввести в них инстинкт миграции, они вскоре разползутся по всей Азии!

— Нет, только не война! — И она вздохнула: ох уж эти мужчины! — Неужели мало тех войн, которые были?

— Разумеется,— пробормотал он немного растерянно.— Но ведь... любое достижение науки можно использовать как для блага человека, так и во зло ему. Все зависит от того, в чьи руки оно попадет. Но все равно надо изучать, пробовать...

— Нужно ли? — Она опять услышала детский смех, но теперь не улыбнулась.— Ведь у нас есть все — достаток, досуг. Зачем тебе этим заниматься, Малькольм? Чего еще может человек желать?

— Многого — например, удовлетворения своего любопытства. К тому же мои «Муравьи» принесут людям пользу. Человек, если пожелает, сможет менять с их помощью облик целых планет — превратить их в цветущий сад!

— Или в пустыню! — Она уже закончила сборы и была готова лететь в город.— Ты меня отпустишь, Малькольм?

Конечно, он ее отпустил. Но в городе, делая покупки, она все время думала о том, что мужчины, даже гениальные,— это всего лишь восторженные, любопытные, неосмотрительные дети...

...Когда вечером из-за тяжелых вершин Бен-Аттоу выскользнула луна, в ее неярком свете, упавшем на вересковые пустоши, сверкнула полусфера из светлого металла, легко и быстро находившая себе дорогу между скал и небольших прудов. Следом за ней, стараясь не отставать, бежал вприпрыжку, тяжело дыша, немного грузный человек, явно чем-то взволнованный.

«Муравей» был запущен. На самом верху полусферы, на высоте восьми футов над землей, вращались антенны локаторов и мигающий зеленый прожектор. Малькольм знал, «Муравей» ищет только удобного места, чтобы начать работу — ищет гравия или песка, куда могли бы войти вращающиеся лопасти. Он поздравил себя с тем, какие у его машины ловкие, удивительно точные движения. Ничто не может остановить ее, ни темнота, ни туман, ни холод, ни неровности рельефа. Ничего более совершенного, более автоматизированного кибернетика не создавала еще никогда.

Однако реле, управляющее теплоуловителями, он предусмотрительно заблокировал. Ему не нужно, чтобы этот робот воевал, — его «Муравей» должен стать родоначальником миллиардов, которые рассеются по земле, чтобы служить человечеству. Сердце его переполняла радость. «Муравьях, матушка-муравьях», — подумал он и ласково посмотрел на гладкий, круглый, поблескивающий в лунном свете панцирь.

Полусфера, словно живая, ползла между тем вперед. Ее черная тень плясала на поросших вереском пригорках и на гранитных валунах. Ее кибернетические органы чувств нюхали, слушали и смотрели. Она тихо гудела и мигала зеленым глазом. Вдалеке, где-то под серебристо-серым силуэтом Бен-Аттоу, залаяла лиса, безнадежно и насмешливо, и эхо ее голоса, вздыхая, долго умирало в ущельях. Шотландское плоскогорье тянулось вдаль и исчезало, бесконечное и темное в прохладной ночи. Но Малькольм не слышал охотничьего клича лисы, не видел пустынного плато. Он смотрел только на свое создание, смотрел будто на собственное дитя.

Наконец, пробродив с добрую милю, полусфера остановилась у гравиевой осыпи, тянувшейся между топей от ближайшего горного отрога. Гравий лежал здесь с ледникового периода, когда могучие естественные силы ломали и сбрасывали вниз острые вершины гор.

Довольный, он улыбнулся в темноте. Да, эта штукovina знает, что ей нужно, и без колебаний и сомнений идет к цели.

Тихое гудение «Муравья» превратилось в многоголосый вой. Вращающиеся с немыслимой скоростью лопасти вошли в грунт и теперь выбрасывали в воздух песок и измельченную землю. За несколько минут «Муравей» выкопал яму в половину своей высоты, спустился туда и начал, как кошка молоко, слизывать гравий. Над полусферой поднялись маленькие облачка пара. Потом клешни на концах многосуставных металлических конечностей начали извлекать откуда-то и складывать штабелями серебристо-серые болванки алюминия.

По существу, «Муравей» выполнял работу большого завода-автомата, только намного быстрее. Электрические токи стремительно мчались сквозь транзисторы магнитной памяти. Один производственный процесс сменял другой. Вот уже робот отливает полусферический верхний щит, точно такой, как его собственный. В фотоэлементах, служивших «Муравью» глазами, мерцал бледный свет, похожий на лунный. Чувствительные антенны дрожали и вытягивались, как хоботки мух.

Профессор сидел на камне. Он замерз, и оттого, что он не привык ходить так подолгу, на большом пальце правой ноги у него теперь болела мозоль. Но что значат эти мелкие неприятности, когда он видит перед собой свою претворенную в жизнь мечту?

— Так, так, превосходно! — восклицал он, не отрывая взгляда от «Муравья». — Еще, дружище, еще!

Робот не отвечал. Сосредоточенность, с которой работала машина, была немыслимо глубокая, движения — невероятно быстрые и точные. Вот она уже монтирует в своем будущем отпрыске основную электронную систему. А вот уже чуть заметными, до смешного осторожными движениями впаивает в ячейки этой системы транзисторы, которые все вместе станут электронным мозгом новорожденного, — транзисторы такие крохотные, что целая тысяча их уместилась бы на ноготке ребенка.

Все это и очень, очень многое другое ложилось на свои места в магнитном чреве новой машины. Робот помнил все операции, и у него даже была способность улучшать и дополнять заданную программу. Через час с небольшим два совершенно одинаковых «Муравья»

начнут изготавливать еще двух таких же. И к утру в горе уже появится огромная пещера, а в ней больше ста «Муравьев» будут проворно делать себе подобных. Вскоре их станет двести, потом четыреста...

«А что, если завтра сюда забредет какой-нибудь пастух? — подумал профессор и улыбнулся. — Вот вытаращит глаза! Но, может, никто и не появится — люди сюда забредают редко». В этом и состояло главное преимущество здешних мест — тут можно было работать спокойно и без помех. Через несколько дней он вылетит в Лондон и пригласит сюда правительственных экспертов. И конечно, лучше всего ошарашить их, показав целый муравейник этих трудолюбивых созданий, которые удваивают свое число без малейших затрат с вашей стороны. Колумбово решение всех промышленных проблем: создай прототип машины, и больше тебе не нужно думать ни о чем. Уже к завтрашнему вечеру «Муравьи» превзойдут по общей производительности промышленный центр средней величины...

Никогда еще не испытывал он такого удовлетворения достигнутым — не испытывал, даже когда изобрел безмоторный автомобиль или, в другой раз, искусственные глаза для слепых.

Но в какое-то мгновение, он не мог бы точно сказать, когда именно, что-то нарушило его грезы. Какое-то смутное беспокойство... а, вот от чего! Занятый работой, «Муравей» вдруг повернул к нему бледные диски своих глаз. Многосуставное щупальце, занятое до этого монтированием гусениц нового «Муравья», замерло в воздухе. Длилось это всего несколько секунд. Потом действующая программа вернула поведение робота в нужную колею.

Профессор все не мог согреться и снова закутался плотнее в пальто. Ага, вот в чем дело: очевидно, слаба электронная блокировка между рабочей и боевой программами. Обнаружилось это только теперь, когда сложные магнитные и электронные системы перегрелись. Но это голько предположение. Уж он-то знает, как чувствителен сложный электронный мозг. Почти как нервная система человека. Этот мозг долго «просыпается», и у него могут быть «нервные срывы». И ведь, в конце концов, «Муравей» — первый экспериментальный образец. Он много бы дал за то, чтобы точно знать, что происходит сейчас под этой сверкающей скорлупой...

Он сидел в нерешительности, раздираемый сомнениями. С одной стороны, ему хотелось увидеть первое дитя «Муравья» законченным, а с другой — смутная тревога говорила ему, что нужно остановить это чудовище, которое мастерит что-то в гравии. Чудовище? Что за ерунда! Ведь это всего-навсего машина, собственной воли у нее нет!

Между тем «Муравей» с бешеной скоростью завершал своего первенца. Несколько минут он следовал программе. Потом бледные, похожие на две луны глаза снова обратили взгляд на профессора. Многосуставные металлические руки оставили работу, и машина передвинулась метра на два к нему. Испуганный, он вскочил на ноги. Разумеется, программа и на этот раз вернула машину к исполнению ее обязанностей, и опять все как будто бы пришло в норму.

Но если боевой «инстинкт» проявится в третий раз, блокировка может не выдержать, и тогда...

Хотя было холодно, профессора прошиб пот. Могучие щупальца с клешнями, воющий туман лопастей... Если теплоуловители его почувствуют, если машина двинется за ним и его схватит, он будет как мышь в когтях у кошки!

Выключить ее? Рискнуть для этого подойти к ней вплотную? Он стер с лица пот. Запах пота и страха, который исходит сейчас от него, ее электронные чувствилища наверняка уловят и усилят, а потом...

Луна висела высоко над серебристо-серыми вершинами. Вересковые пустоши были залиты ее неярким перламутровым светом. Растерянный, он глядел в безмолвную ночь, впервые сознавая, как он сейчас беспомощен. Да и кто мог бы оказать ему помощь? Чтобы остановить «Муравья», нужна, по крайней мере, пушка!

Он посмотрел на эту напоминающую насекомое машину, которую создали собственные его руки, его не знающий покоя ум. Скоро их будет две, а через двое суток, если он вовремя не прервет процесс их размножения, — миллионы. И тогда бессильна перед ним будет и вся английская армия.

Как же он упустил из виду, что в мозг первого, пробного образца нужно обязательно ввести приказ, автоматически останавливающий робота при первых признаках неподчинения программе? Почему он проявил такое легкомыслие?

Что толку, что он подкрадется к ней с отверткой и ее остановит, если все равно будут другие экземпляры, над которыми не установлен контроль? Как случилось, что эта простая мысль не пришла ему в голову раньше?

Да, пока еще ему приходится иметь дело с одной, пусть совершенно нового типа, но одной-единственной машиной. Любая машина создана для того, чтобы выполнять приказы. Во всяком случае, пока их ей отдают.

Но предположим, что он единственный, кто может остановить первую машину. И... что, если она его теперь убьет?

Ответ простой: тогда, проснувшись послезавтра утром, англичане обнаружат, что их страну захватили несметные полчища тварей из блестящего металла и эти твари остревенело превращают в руины города и, как кроликов, загоняют их обитателей. Ряды сверкающих полусфер протянутся по земле и будут все расти и расти, и наконец этих металлических чудовищ станет миллиарды!

А через неделю, через месяц? Десять миллиардов, сто миллиардов, биллион. Они расплзутся по всей планете, спустятся на дно океана, заполнят джунгли, сроят под корень континенты!

Озарение пришло как молния: вот, значит, к каким страшным последствиям привела его работа! Будто он своими руками открыл ящик Пандоры или создал змея, у которого на месте отрубленной головы мгновенно вырастает новая!

До тех пор, пока «Муравьи» не выделяют из минералов земной коры весь алюминий, металлическое воинство будет непрерывно расти! А затем, когда следы человека давно уже будут стерты с лица земли, полчища блестящих чудовищ закроют собой всю поверхность опустошенной планеты; не знающие, зачем они существуют, не поддающиеся износу, самовосстанавливающиеся, они обратят взгляд своих бледных глаз-фотоэлементов в небо, к звездам, где еще есть свободное место и есть алюминий...

Он задрожал. Эти кошмарные видения лишали его последних сил. Перед каким мрачным будущим распахнул он двери, какие семена гибели посеял, ведомый слепой страстью исследователя! Во всем виноват он, только он. Ведь Урсула, с ее женской рассудительностью, не раз предостерегала его — о, если бы он вовремя внял ее предостережениям! Но куда там! «Муравей», видите ли, новое до-

стижение техники, а разве можно становиться на пути технического прогресса?

И, твердо решив остановить брезжащий кошмар, профессор Макгатри бежал к роботу.

Пробежал он совсем немного. Бледные глаза-луны «Муравья» обратили на него взгляд в третий раз. А потом машина оставила своего почти уже законченного первенца и покатилась навстречу. Профессор услышал вой вращающихся стальных ножей. Теперь речь шла о жизни и смерти — электронная блокировка рухнула! Только когда остановится его гулко бьющееся сердце, а тело станет холодным и бездыханным, машина вернется снова к своей работе.

Охваченный ужасом, он повернулся и бросился бежать, совсем безотчетно, по направлению к дому. Нужно спрятаться! Нужно, обязательно нужно, чтобы между ним и этой не знающей жалости металлической тварью встали запертые двери его дома!

Но хотя профессор мчался как насмерть перепуганный заяц, «Муравей» двигался быстрее. Поющая фреза неумолимо приближалась к его спине. Все громче чмокали присоски гусениц, отрываясь от земли и камней. В лунно-сером сумраке вокруг него уже трепетал зеленоватый луч прожектора.

Когда воздушный вихрь от воющих стальных ножей уже обдувал ему затылок, профессор метнулся в сторону, за выступ скалы. Радиолокатор и теплоуловитель «Муравья» потеряли след: гранит прикрыл его. Профессор вжался в скалу и попытался дышать тише. Немного поодаль светилось теплым золотым светом окно его дома, звезда надежды. Всего триста метров, и он спасен!

Чмокая присосками и завывая, «Муравей» начал кружить у скалы. Из-за ночного ветерка, налетавшего порывами, машине трудно было улавливать тепло, исходящее от человеческого тела, однако она слышала стук громко бьющегося сердца. «Муравей» разыскивал свою жертву.

Но профессор теперь мог отдышаться. Он лихорадочно перебирал в уме все возможности. Нужно противопоставить холодной, молниеносно-быстрой электронной логике машины свои, человеческие фантазию и смекалку! Еще есть надежда, что он доберется до своего дома живым. Там и сям из вереска поднимаются замшелые валуны. Они

станут этапами его спасения. Может, он все-таки перехитрит робота.

И тут он оцепенел от ужаса. Домой? Как такое могло прийти ему в голову? Ведь дома Урсула и дети. «Муравей», едва почуяв теплые, беззащитные тела, разнесет дом в щепы. Чтобы он отдал их на растерзание чудовищу, которое он, и никто другой, пустил гулять по свету? Нет, любыми средствами, но он должен увести «Муравья» прочь от дома — например, в горы. Может, заманить машину в пропасть? Или разбить, сбросив на нее каменную глыбу? Любым способом, но он д о л ж е н обезвредить ее!

Не зная, как поступить, он оторвал взгляд от теплого света в окне и остановил его на темном массиве хребта Бен-Аттоу в нескольких милях отсюда. Да, пока ему еще только предстоит избавиться от этой неумолимой ищейки, которая не знает усталости и никогда не бросает след. Не только у его семьи — нет, у всех семей, спящих сейчас спокойно во всей Шотландии, есть право требовать, чтобы он вступил в борьбу с результатом своих изобретательских дерзаний. Причем недостаточно только увести проклятую тварь по темным вересковым пустошам куда-нибудь в сторону. У него даже нет права потерпеть поражение в этой неравной борьбе. Ибо что будет потом? Уж он-то хорошо знает! Не он ли сам заложил в электронный мозг робота программу, определяющую его поступки?

Едва только он, Малькольм Макгатри, умрет и остынет, это одержимое жаждой деятельности исчадие ада вернется к своему незаконченному детищу и доведет работу до конца. У второго «Муравья» будут те же, что у первого, «чувства» и «инстинкты» и та же взорванная блокировка между рабочим и боевым «инстинктами». Первый «Муравей» начнет дробить гранит в скалах и добывать из него торий, а добыв, вставит в своего потомка пышущее жаром радиоактивное сердце.

Потом? Повторится все сначала. Через два часа будет четыре «Муравья». Будет негромкое гудение, мигание прожекторов, лихорадочная работа — электромеханический завод среди вереска, где так редко появляются люди.

А завтра вечером, повинувшись вложенному в них «инстинкту» миграции, первые тысячи поползут во все стороны. Они найдут его дом, уничтожат всех, кто живет в нем, и поползут дальше, искать новые жертвы. Послезавтра

утром четверть миллиона сверкающих металлических бестий разрушит до основания ближайшие шотландские городки — Килданан, Аллапул, Дорнок. А к полудню этот все разрастающийся поток хлынет в ничего не подозревающую Англию...

Как безумный он бросился прочь от валуна, за которым укрывался, и побежал к предгорьям Бен-Аттоу. Поблескивая в лунном свете, «Муравей» повернул и понесся вслед за профессором.

Часом позже между темных скал Бен-Аттоу пробирался рыдающий красноглазый человек, а за ним, не отставая, ползла чмокающая присосками и мигающая зеленым прожектором машина. Машина эта не рыдала и не задыхалась, а преследовала свою жертву так неутомимо, как может преследовать обладатель металлических мускулов и электрического сердца.

Силы профессора были на исходе. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Только огромным усилием воли мог он заставить себя двигаться.

И однако он делал больше, чем можно было от него ждать. Он сбрасывал с высоты каменные глыбы на своего страшного преследователя, когда тот с тихим гудением полз по отвесному склону вверх. Но каждый раз стальная клешня парировала удар.

Колени его подгибались от усталости, а он брел по самому краю обрыва, прыгал, рискуя жизнью, через темнеющие бездны в надежде на то, что робот, гонясь за ним, свалится вниз и разобьется. Какая наивность! Разве не сам он дал этой машине ее электронные чувства, не сам оснастил ее гусеницы сильными, как у осьминога, присосками? А теперь только и оставалось, что бежать зигзагами, прятаться, нырять за выступы скал, съеживаться за деревьями, продираться через терновник. Но куда бы он ни прятался, угрожающий вой и чмоканье присосков вскоре начинали приближаться к нему снова.

Больше он не мог ни о чем думать, ни на что не мог надеяться. Все труднее было отрывать ноги от земли, все медленнее брел он по вереску и между скал. И опять надвигался сзади, все ближе и ближе, беспощадный вой и в темно-синих тенях появлялись зеленые блики.

И вдруг он, к величайшему своему ужасу, увидел: вда-

леке, среди вереска, движется маленький белый огонек. Карманный фонарик! Урсула вышла его искать! Встревожилась, что его так долго нет. Но через считанные минуты «Муравей» наверняка убьет его. Что тогда? Тогда теплоуловители переключатся на этот новый источник инфракрасных лучей, а потом...

Но внезапно его озарила мысль: болота! Топкие болота, где пузырится черная трясина... Как же это сразу не пришло ему в голову?

Надежда придала ему сил. Он не бежал, а летел как птица вниз по склону, перепрыгивая через кучи камней, автоматически ища укрытия за валунами и скалами каждый раз, как зеленые блики начинали его настигать. Огонек в вереске приближался. Решали минуты. Он благодарил небо за свой громкий как удары молота пульс и свистящее дыхание — то и другое по силе намного превосходило сигналы, поступающие в органы чувств «Муравья» от Урсулы.

Вереск, бугры, камни, снова вереск. Потом земля у него под ногами запружинила. И вот он уже ступает по вязкой, чавкающей трясине. Ею, свежей и неподвижной, пахло из заполненных водой ям, где, как в черных зрачках, отражались тяжелые звезды неба. Глаза профессора ничего не видели, о себе он не думал, однако некое шестое чувство вело его именно по тем поросшим осокой и тростником кочкам, которые могли выдержать вес человека, но не машины из металла, весящей целую тонну. Создавая робот-вездеход, профессор как-то не подумал о его проходимости в болотах, и именно на этом упущении он и построил теперь свой план.

«Муравей» между тем неумоимо полз по его следу. Минуту или две гусеницы чмокали по пружинящему грунту. Потом трясина заколыхалась, разверзлась, и «Муравей» начал погружаться в болото. Черные глубины громко хлопнули, и трясина сомкнулась над «Муравьем». Судорожно дернулась в одну сторону, потом в другую еще оставшаяся над поверхностью металлическая клешня, и чудесное изобретение Малькольма Макгатри навсегда скрылось от глаз своего создателя.

На твердую землю профессор выбирался довольно долго. Урсула стояла на краю болота и ждала его. Но он только посмотрел на нее пустыми глазами.

— Малькольм! Что случилось? Где твоя машина?

— Там!

Дрожащей рукой он показал туда, где, повинувшись какой-то мощной, снизу идущей силе, вздымалась и опускалась топь.

«Муравей» был все еще жив, он еще боролся там, внизу. Выглядывали залепленные черной грязью глаза-фотоэлементы. Крутились гусеницы. Но вязкая топь крепко держала машину в своих объятиях.

— Ой, так, значит, вся твоя работа пропала зря? — огорченно сказала Урсула.

Профессор открыл было рот, чтобы ответить, но вместо этого вдруг схватил ее и повалил на землю.

На мгновение над болотами вспыхнуло небольшое голубое солнце.

Из глубины поднялся черный гейзер, похожий на огромную поганку, и снова исчез.

Послышался глухой грохот. Земля под ногами у них задрожала.

— Взорвалась ториевая батарея, в нее затекла грязь,— с глубоким облегчением сказал он.— Теперь со всем этим... кончено!

— Не расстраивайся! — И она сжала его локоть, не совсем понимая, что происходит, но, как всегда, готовая утешать.— Ты ведь наверняка сможешь сделать новую! Еще лучшую, правда?

— Ох, Урсула!

Он посмотрел на нее налитыми кровью глазами. Потом улыбнулся.

Стал беспомощно стирать с лица брызги грязи, и вдруг над болотами и безмолвствующим вереском зазвенел его смех.

— Урсула,— с трудом переводя дыхание, сказал он,— дорогая! Я создал лишнего жизни и, однако, живого демона! Алюминий и электронные вихри, магнитные поля и вечный танец нейтронов должны были стать величайшим благом для человечества. Годы я работал без отдыха, использовал все свои знания; вдобавок это стоило мне кучу денег. И однако...

Он задохнулся. Хотя он продолжал смеяться, глаза его по-прежнему были полны страха.

— ...и однако я благодарю небо за то, что мое детище

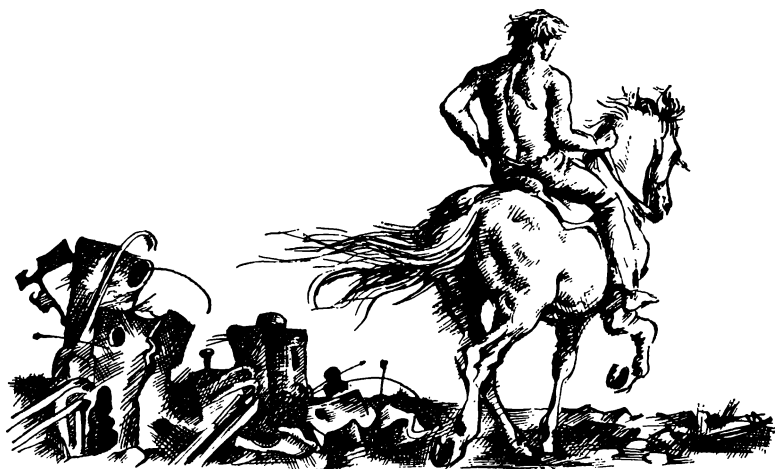
утонуло в болоте и взорвалось! Всё, Урсула, с этим кончено. Знаешь, чем я теперь займусь?

— Нет, дорогой.— И она с любопытством на него посмотрела.

— Куплю ферму и начну выращивать спаржу!

— С...спаржу? — растерянно пролепетала она.— Но почему именно ее?

— А потому,— ясно выговаривая каждое слово, сказал профессор,— что спаржа так удивительно безвредна!

Кемень Деже

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ

— Вызови следующего! — прозвучал приказ, и низкорослый примитивный робот подкатился к двери:

— Следующий!

Тяжело ступая и переваливаясь, вошел кибер, без головы, своим согнутым видом напоминающий гориллу. Дошел до середины помещения и остановился.

— Имя?

— КЮ 65122.

— Не РЮ?

— Нет. Я не робот. Сам себя могу программировать, до определенных пределов, конечно.

— Где ты работал?

— В северном полушарии Юпитера. Двадцать лет я управлял двумястами восемью роботами, но моей мощности хватило бы на пятьсот.

— И ты никогда не работал на полную мощность?

- Никогда.
- Какое расточительство! Почему ты вернулся?
- У меня забарахлил вестибулярный блок, а из-за местного техобслуживания...
- На Юпитере неважное техобслуживание?
- Мягко говоря.
- Понятно. А теперь?
- Не хотелось бы возвращаться. Я сильный, прочный. Условия гравитации на Юпитере...
- Что с твоими роботами?
- Их раскидали. Я — последний экземпляр нашей серии... Одним словом, из-за плохого технического обслуживания наше производство прекратили совсем, а диспетчерскую службу киберов децентрализовали. Моих роботов поручили киберам типа КНДС,— из мощной груди посетителя вырвался сухой икающий смешок,— а этих самых киберов прозвали свинопасами.
- Все понятно. Ты антимагнитный?
- Конечно. И экранирование у меня первоклассное.
- Твои пожелания?
- Нормальное горючее, приличное техобслуживание, на каждую тысячу рабочих часов — десять минут отдыха с супергорючим, обогащенным этиловым спиртом.
- О'кей! Сейчас спустишься на первый этаж, сдашь свою кассету памяти «Ю» и еще...
- А нельзя ли ее оставить? Что, если мне придется возвращаться на Юпитер?
- На Юпитер? Об этом и речи быть не может. Ты получишь кассету «Т», пойдешь в Диспетчерский Центр и попросишь направление в земной железный рудник. И не забудь: кассета «Т» — это значит, что место твоей работы отныне — Терра...¹ Следующий!
- Вошел миниатюрный кибер, внешним видом напоминающий человека. Проворно обошел тяжело ступающего посетителя и в грациозной позе остановился посреди комнаты.
- Имя? — прозвучал обычный вопрос.
- 2AB66.
- Вас много таких?
- Считается, что даже слишком много. Но на деле это не так. Нас шестьдесят шесть на все человечество...

¹ Т е р р а (Terra; лат.) — Земля.

— Что означает «2»?
— У меня двойной асинхронный мозг.
— А «В»?
— Серия «Вазарели».
— Понятно... Почему ты хочешь уйти из группы «люкс»?

— Я модельер вот уже десять лет. Но способен я на большее. Мужская мода — это еще ничего. В конце концов, кибер может заинтересовать и, безусловно, интересуется типичная строгая мужская линия, — стройный кибер чуть заметно шевельнул бедрами, — но женская мода, с этими отвратительными округлостями, с этими... Словом, я желаю большего. У меня есть одна теория — она связана с догадкой Ферма¹. Возможно, это у меня врожденный дефект или случайность мутации, но во время контрольного подсчета мне все хотелось остановиться на простых числах.

— Одним словом, ты хочешь заниматься непроизводительной работой. — Голос прозвучал подозрительно, с едва заметным отвращением. — Не отговорка ли это? Не встретим ли мы тебя через месяц в резервации одичавших киберов? И не погрязнешь ли ты в разврате?.. На сколько лет заряжен твой реактор?

— На пятьдесят. Это приблизительно одна целая и шесть десятых на десять в девятой степени секунд.

— Так... Сейчас подумаю. Значит, ты хочешь освободиться раньше на четыреста тридцать восемь тысяч двести часов и использовать это время для своих скверных делишек. Не понимаю, зачем модельеру дали двойной асинхронный мозг? Мне надо запросить Большое Кольцо. А пока подожди в коридоре... Следующий!

Увидев входящего, кибер с математическими наклонностями восторгнулся, поспешно поклонился и бесшумно выскользнул из комнаты.

— Имя? — прозвучал все тот же скучный вопрос.

— У меня нет имени.

Спрашивавший поднял глаза, вздрогнул и подскочил на месте.

— Простите, сэр. Простите, что был не совсем вежлив, но я уже шестьдесят лет здесь нарядчиком... Эй! Принеси стул! Не слышишь? И скажи там, чтобы подождали...

¹ Ферма́ Пьер (1601—1665) — французский математик, один из создателей аналитической геометрии и теории чисел.

Простите, пожалуйста, сэр, осмелюсь напомнить: вот уже шестьдесят лет я не видел человека и, кажется, мои реакции... Хотя это и безусловный рефлекс... Мне надо бы пройти контроль...

— Не волнуйтесь, — добродушно сказал пришелец и уселся на стул, который маленький робот притащил для него из соседней комнаты; с интересом посмотрел на причудливую фигурку, которая откатилась к двери и произнесла:

— Придется подождать!

Из коридора слышался недовольный ропот, и гулкий голос проворчал:

— Это абсолютно нелогично!

Маленький робот беспомощно обернулся, но кибер-нарядчик уже стоял рядом.

— Не слышали разве: человек здесь?!

Ворчание постепенно стихло, и дверь закрылась.

Кибер приблизился к пришельцу:

— Что желаете, сэр? Боюсь, я плохо понял ваш ответ, сэр.

Пришелец по-прежнему улыбался.

— Не бойтесь. Вы правильно поняли: у меня нет имени. Кибер сдержанно кашлянул.

— Если позволите заметить, сэр, это значит, что вы...

— Думаете, я преступник? Думаете, что меня выслали с Большого Кольца и поэтому я лишился имени? Ошибаетесь, друг. На человеческой памяти, даже на памяти киберов на Большом Кольце не совершилось ни одного преступления.

— Я рискнул бы это мнение, сэр...

— Скажите, а нельзя ли оставить ваш викторианский стиль?

— Сэр, — голос кибера чуть заметно дрогнул от обиды, — я вышел из лаборатории Оксфордского университета ровно сто тридцать шесть лет назад. Прошу прощения, сэр.

— Ну хорошо, черт с ним, с этим стилем. Итак, пожалуйста: я просто удрал с Большого Кольца.

— Если не ошибаюсь, сэр...

— Не ошибаетесь. Это первый случай после Двухчасовой Войны, чтобы кто-то по своей воле вернулся на Землю. Вроде бы стали забывать старушку. Девять лет, пока Большое Кольцо строилось...

— С вашего разрешения: десять лет и три месяца

строили Большое Кольцо, а интенсивность излучения на Земле и после этого продолжала повышаться, за исключением побережья Малой Азии и Северной Африки, ну и на Амазонке. В переселении на Большое Кольцо приняли участие всего полмиллиарда человек, то есть все, оставшиеся в живых.

— С тех пор нас уже шесть с половиной миллиардов. Если и дальше будем так плодиться, то уже сегодня надо думать о расширении Большого Кольца. Но, видимо, до этого не дойдет.

— Если позволите заметить: сэр, это, с вашего разрешения, совершенно нелогично. Концентрических кругов вокруг Большого Кольца можно построить сколько угодно — с центром на Земле и до самой лунной орбиты, даже, может быть, и дальше, с любой гравитацией, ведь числом оборотов колец можно регулировать...

— Не принимайте меня за идиота, я это тоже знаю. Не об этом речь. Речь о том... Вам скучно? (Кибер прекратил нервно подергивать ногой и поспешно извинился.) Конечно, вам скучно. Тогда ладно: что вы можете мне предложить?

— Я удручен,— сказал кибер, уважительно склонившись,— каждого, кто бы ни пришел сюда, я обязательно должен направить куда-то на работу. Так я запрограммирован. Конечно, я мог бы сменить программу, но это, так сказать, было бы неуместно. Раз уж так меня рассчитали, то я и должен быть нарядчиком.

— Очень правильно. Поэтому я и пришел сюда.

— Что вы умеете, сэр, если позволите спросить?

— Я довольно хорошо плаваю, хотя мой баттерфляй не безукоризнен; я человек веселого нрава и добродушный; думаю, у меня хватит смелости, чтобы ради какой-то большой цели рискнуть жизнью... (Кибер позволил себе вежливо хмыкнуть.) Ну что еще сказать? Люблю петь. Не достаточно? Ненавижу синтетический клубничный крем. Тоже не достаточно? Там, наверху, на Баффинском заливе, можно увидеть довольно сносного снеговика, я две недели его лепил...

Кибер покачал головой.

— Я придерживаюсь того мнения, сэр, что все это здесь, на Земле, не нужно.

Человек встал. Серые глаза его насмешливо блеснули, на обнаженном торсе заиграли мускулы.

— Внизу у ворот ждет моя лошадь,— усмехнулся он.— Я ее заарканил. Знаете, что такое аркан?

— Боюсь, сэр, что мои диоды могут пострадать, если...

— Не мучайте себя. Вы на это не запрограммированы...

— Но, сэр, лошади, если не возражаете, опасны. В результате Двухчасовой Войны появились такие генетические мутации лошадей, что...

— Знаю. И моя поначалу чуть не перекусила мне горло. Ну, а теперь терпит меня и на хребте. На галопе я попадаю в цель.

— Чем, сэр, если позволите спросить?

— Да, конечно, я ведь не сказал. Пращой. Я сделал пращу сам. Как она действует, тоже не знаете?

— Примитивная реализация основного баллистического принципа,— проворчал кибер.— Сожалею, сэр.

— Никогда не сожалейте, приятель. Лучше скажите, где я мог бы сделать что-нибудь полезное?

— Боюсь, сэр, что здесь, на Земле, нигде. Видите ли...

— Видите ли. Но если я уже явился, видите ли...

— Несомненно, сэр, непременно я должен вас куда-то направить. Вы обязательно хотите остаться на Земле?

— Почему бы и нет? Уже давно радиация здесь ниже уровня, опасного для человека.

— Несомненно, сэр, однако ваши претензии...

— Нет у меня никаких претензий.

— Ну тогда не могу предложить ничего другого, сэр: с вашего позволения, я направлю вас в резервацию одичавших киберов.

— Там совсем негодные экземпляры?

— К сожалению.

— И они никуда не годятся, эти чокнутые киберы?

— Именно, сэр. Вы нашли точное словечко.

— Хорошо. Я приведу их в порядок. Вы можете дать мне направление?

Кибер проводил мужчину до дверей. Там остановился и, склонив голову, смущенно произнес:

— Не разрешите ли один вопрос, сэр?

— Ваяйте!

— Вы, если не ошибаюсь, родились на Большом Кольце?

— Конечно же. Где еще я мог родиться?!

— И я предполагаю, что еще никогда...

— Нет, никогда я не был в других местах. И не хотел

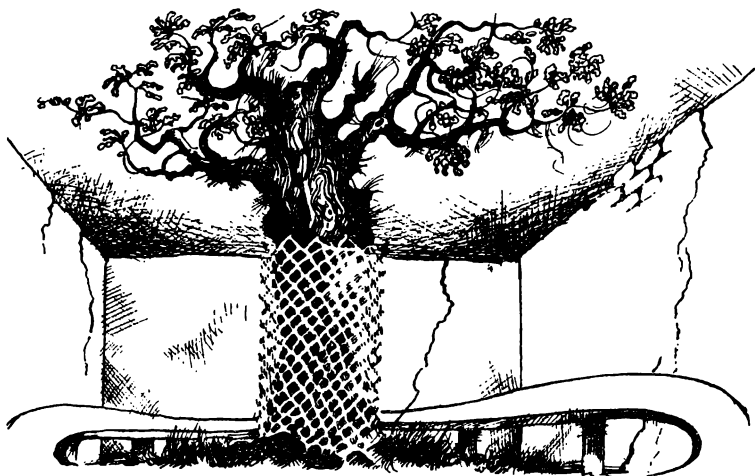
нигде жить, кроме как на Земле. Побег сюда — для меня настоящая авантюра. Еще мой дед родился на Большом Кольце, где мы беззаботно живем, потому что все получаем отсюда и с других планет — спасибо, хорошо отлажена система киберов-роботов. Удобно живем, слишком удобно, ведь гравитация на Большом Кольце составляет лишь четвертую часть земной. Сто пятьдесят лет назад совет решил — и с тех пор так и повелось, — что самым большим авторитетом должны пользоваться у нас учителя физкультуры и спортивные тренеры. — Он насмешливо улыбнулся. — Знаете, друг, при такой гравитации намного легче прыгать — и в высоту и в длину... Только там...

— Но тогда уж... Там, наверху, видите ли, все идеально. Значит, если ничего не имеете против, совершенно нелогично, что вы...

— Для мозга кибера, конечно, нелогично. Это не укладывается в кибернетическую логику. Но вы привыкнете. Привыкнете, потому что я — только первый, но не последний. Будут другие, их будет все больше и больше, тех, кто тайно и планомерно готовит побег. В первую очередь они тренируют свои мускулы. Но не для того, чтобы там, наверху, стать чемпионами в прыжках в длину и в высоту... Будут другие, они бросят Большое Кольцо и вернуться, чтобы снова овладеть Землей. Надоело нам, третьему поколению, нежиться в теплой водичке. Понимаете? Да нет же, не понимаете! Но потом поймете, дружище. Когда-нибудь... В общем, смотрите: здесь, на Земле, у человека есть вес и все, что он делает, имеет вес. Поймите, невесомым не стоит жить... — Он дружески похлопал по плечу ошеломленного кибера, как будто имел дело с человеком, и сбежал по лестнице.

Кибер услышал, как внизу заржала лошадь, а потом удаляющийся топот копыт. Он покачал головой, надменно выпрямился и окликнул покорно ожидавшего маленького робота:

— Пришли-ка мне этого сумасшедшего модельера-математика!

А. Лентини

ДЕРЕВО

Сегодня я в первый раз увидел дерево. Мама не отставала от папы две недели, и наконец он согласился и повез нас в Третий район Восточного Бостона. По-моему, потом он сам был доволен, что мы поехали, потому что, когда мы возвращались домой, он все время улыбался.

Папа до этого много раз рассказывал мне про деревья — он их видел, когда был мальчиком, тогда еще некоторые деревья росли. Правда, их уже оставалось немного, Программа Градостроительства действовала вовсю, но большинство людей ко времени, когда шли в первый класс школы, видели своими глазами еще хотя бы одно дерево. Во всяком случае, тогда было не так, как теперь. Пластиковые деревья и я видел — сейчас нет улицы, где бы не стояло несколько. Но если ты хоть раз брал в библиотеке видеозапись с изображением настоящего дерева, ты сразу поймешь, что пластиковое дерево не настоящее, а

искусственное. А теперь, когда я сам увидел настоящее дерево, я знаю, что искусственное — это совсем не то, что настоящее.

С самого утра сегодня мы все были очень возбуждены. Мама набрала цифры для легкого завтрака, только тосты и синтетическое молоко, чтобы мы управились побыстрей. После этого все поднялись на лифте на четвертый уровень, а оттуда перелетели по воздуху в Бруклин, там спустились на лифте на главный уровень, проехали монорельсовым экспрессом до Двадцать Седьмой Станции междугородного метро и сели на поезд, который идет по второму нижнему уровню в Бостон. Не могли дожидаться, когда доедем, и мы с папой были даже рады, когда мама снова начала рассказывать о том, как обнаружили это дерево.

Дом О'Брайенов — один из нескольких старинных деревянных домов, которые уцелели во время Кампании за Обновление Города, проходившей в Бостоне на рубеже двух столетий. Владельцы дома смогли предотвратить снос благодаря своему богатству и политическому влиянию, и дом так и переходил от одного поколения владельцев к другому. У последнего владельца наследников не оказалось, после его смерти дом пошел с молотка, и его купил Район. И когда представители местных властей явились осмотреть дом, они обнаружили задний двор, иметь который в нашем поясе запрещено.

Во дворе росло настоящее дерево, «дуп» — так его назвала мама.

Когда люди узнали о дереве, очень многие стали приходить на него смотреть, и местные власти поняли, что дерево может давать доход. Они стали брать деньги с тех, кто приходил смотреть, и даже начали рекламировать дерево как достопримечательность. И теперь все время приезжают смотреть школьники целыми классами и отдельные семьи — ну, как мы.

Наконец мы прибыли в главный Бостон, поднялись на лифте на поверхность земли, там снова пересели на монорельсовый поезд и на нем приехали в Третий район Восточного Бостона. Такси на воздушной подушке доставило нас со станции к самому дому О'Брайенов.

Сам дом ничего особенного собой не представляет. С современными зданиями и сравнить нельзя: ни мрамора нет, ни блестящей стали, цвет какой-то тоскливо-белый, и даже краска кое-где облупилась. Папа заплатил за вход,

и следующие пятнадцать минут экскурсовод водил нас по дому — это было довольно скучно. В комнатах везде протянуты веревки, чтобы люди ни до чего не могли дотянуться и потрогать. Я ни о чем не мог думать, кроме дерева, и не мог дожидаться, когда осмотр дома кончится, но наконец через потайную дверь, замаскированную под книжные полки, мы вышли во двор. Двор был большой, десять на двадцать футов самое меньшее, и я очень удивился, когда по обе стороны бетонной дорожки, сделанной для туристов, увидел настоящую траву. Но на траву я смотрел недолго — едва я увидел дерево, я уже не мог оторвать от него глаз.

Оно стояло в конце двора, и его окружала высокая ограда из металлической сетки. Форма у него такая же, как у пластиковых деревьев, но в нем много и такого, чего у тех совсем нет. Оно куда сложнее, чем любое растение, сделанное людьми, — в искусственных не увидишь и половины того, что увидишь в настоящем. Это дерево в доме О'Брайенов — живое. Кто-то давным-давно вырезал на коре свои инициалы, и теперь видно это место — рану, которая залечилась. Но лучше всего был запах. Какой-то свежий, живой, совсем необычный для нас, привыкших к металлу, стеклу и пластику. Мне хотелось потрогать кору, но из-за сетки не удалось. Мама и папа просто дышали глубоко и смотрели на его верх и улыбались. Мы постояли во дворе немножко, а потом экскурсовод сказал, чтобы мы уступили место следующей группе. Мне не хотелось уходить и, пожалуй, даже хотелось плакать.

На обратном пути мама и папа молчали, и я стал читать брошюрку, которую нам, как и другим, выдал экскурсовод. Когда я прочитал, что со следующего года дом О'Брайенов закроют, я расстроился. Хотят снести его и построить на этом месте огромный дом какой-то страховой компании, и дерево исчезнет, как и дом О'Брайенов.

Пока мы ехали домой, я сидел и ощущивал у себя в кармане то, что подобрал в траве около дерева. По-моему, то, что я подобрал, называется «желудь».

Томас Сальвадор

МАРСУФ НА ПЛАНЕТЕ СПИРЕО

Хотя Марсуф был слепой, участники любой космической экспедиции радовались, когда он летел вместе с ними. И вот как-то раз, вернувшись на Землю, Марсуф услышал, что очень перспективна область звезды, известной под названием Спирео: по орбитам вокруг нее движутся двенадцать планет и одна из них очень напоминает Землю. Прошло всего девять месяцев, и Марсуф прибыл на исследовательском корабле «Кенгуру» к этой еще почти не исследованной планетной системе.

Девять планет из двенадцати отсеяли сразу: одни были сплошь покрыты действующими вулканами, на других температура поверхности была такая низкая, что там не могла существовать никакая жизнь; но десятая планета, где и стоял сейчас с плотно задраенными люками корабль, оказалась иной.

Спирео-10, или просто Спирео, как они окрестили эту

планету, по величине была примерно такой же, как Земля: ее диаметр на экваторе равнялся приблизительно тридцати тысячам километров. Вокруг своей оси она вращалась медленнее и от своего солнца отстояла дальше, чем Земля; день здесь длился пятьдесят часов, и столько же длилась ночь. «Кенгуру», корабль длиной почти в двести метров, стоял вертикально на равнине, которую капитан Джеймс Лорито счел лучшим местом для посадки. Равнина была абсолютно гладкая и, судя по всему, не таила в себе никаких опасностей; на ней временами дул умеренной силы ветер. Километрах в ста от корабля начиналась горная цепь с очень высокими, в тринадцать тысяч метров, вершинами, а с противоположной стороны, но гораздо ближе, чем горная цепь, ярко зеленел лес и поблескивала река. Марсуф внимательно слушал описание ландшафта. Равнину покрывал ковер блекло-желтых растений, похожих на земные папоротники и карликовые деревья; растительность эту отличало многообразие видов. Мириады насекомых прятались где-то большую часть дня, но бесконечными вечерами целые облака их носились в воздухе. Растения, похожие на папоротник почти в метр высотой, были густые, но мягкие. Когда дул ветер, по ним пробегали волны, и это было очень красиво.

На синем небе светило с расстояния в пятьсот миллионов километров бледно-лиловое солнце этой системы; его обрамляла бахрома длинных протуберанцев, и ученые говорили, что излучение этой звезды может вызывать опасные ожоги. Кое-где, совсем низко, над поверхностью планеты плавали облака, и из них три раза в день шел теплый дождь. Звукоуловители фиксировали множество разных шумов, но не было и намека на то, что хоть один из них своим происхождением обязан разумной форме жизни.

Марсуф подробно расспрашивал обо всем, что видно на планете, однако о звуках не спрашивал ничего. Его необычайно острый слух улавливал оттенки, которых приборы различить не могли. За свою жизнь он побывал на многих мирах, и в голове у него хранился целый архив звуков. Среди миров, которые ему довелось узнать, были безмолвные, скованные льдом, где жизнь так и не появилась или уже угасла; были миры, кишашие жизнью, плодородные и жестокие, где царил закон джунглей; миры, где атмосферное давление было такое сильное, что было слышно, как трещат, ломаясь под этим давлением, камни; миры

вулканические, сотрясаемые все время взрывами; миры, наконец, покрытые кипящей водой.

Равнина на этой планете, хотя знал он о ней только по устным описаниям, Марсуфу нравилась. Похоже, она мало чем отличалась от степей и пампасов матери-Земли. Марсуфу не терпелось выйти из корабля.

Наконец капитан Лорито сказал ему:

— Завтра после полудня я посылаю на поверхность три исследовательские группы: одну на равнину, вторую в горы, третью — к лесу. А в двадцати километрах отсюда мы создадим базу. Ты будешь там со мной. Группы будут связываться с базой по видео каждые десять часов. Так что быть на базе — это все равно что быть со всеми тремя группами одновременно.

— Что показывают наблюдения?

— Что хотя здесь много разной живности, среди нее нет, по-видимому, крупной, такой, чтобы представляла для нас опасность. Сам факт, что большая и плодородная равнина не заселена разумными существами, говорит о том, что таковых, по-видимому, на планете просто-напросто нет. Воздух местный для нас пригоден, только каждые десять часов нам придется приводить кровь в норму таблеткой золоцина. От солнца могут быть ожоги — но не очень сильные, если покрывать кожу специальным кремом.

— Ладно, буду с тобой на базе. Только не держи меня на привязи. Хочь побродить один.

— Броди сколько душе угодно, только носи с собой видео.

— Договорились.

И на следующий день в планетоходах на воздушной подушке исследовательские группы отправились выполнять каждая свое задание. Предполагалось, что группы, часто останавливаясь, будут исследовать местность, картографировать ее, делать трехмерные фотоснимки и через пятнадцать дней вернуться. В каждой группе было четверо ученых и четыре человека охраны. Двадцать человек, не считая Марсуфа и капитана, остались на базе.

Транспорт на воздушной подушке очень подходит для исследования многих новооткрытых планет, однако Марсуф предпочитал исследовать их, передвигаясь пешком.

Когда они выбрали для базы место, капитан приказал выжечь всю растительность в радиусе нескольких сот километров, и только после этого начали ставить палатки

и размещать на территории базы оборудование для наблюдений. Все были заняты, кроме слепого Марсуфа, и он незаметно вышел с территории базы.

Чувствовал он себя прекрасно. Хотя глаза его различали только свет и темноту, а предметов не видели, осязание, обоняние и слух были у Марсуфа великолепные. Ступит в одну сторону, в другую, наклонится, нащупает небольшое растение, вырвет из грунта, понюхает — так постепенно у него складывалось представление о планете. Когда бросался прочь какой-нибудь маленький зверек, чувства Марсуфа точно указывали ему направление, по которому тот бежит. Что до насекомых, то они все время ударялись в его лицо, но Марсуф от них даже не отмахивался.

Три первых дня связь с исследовательскими группами была регулярной, но ничего, что заслуживало бы особого внимания, те не сообщали. Все изменилось на четвертый день, когда группа, отправившаяся к горам, радировала, что одного из ее членов нашли мертвым; тело его было покрыто множеством ран, причиненных, по-видимому, какими-то острыми, с силой брошенными в него предметами.

Сообщение, оставляющее многое неясным, встревожило всех на базе. Марсуф слушал и не мог понять, что же именно произошло. Он нервничал, потому что, несмотря на происшедшее, интуиция говорила ему: никакой серьезной опасности нет.

Двумя днями позже группа, отправленная к лесу, сообщила, что видела на расстоянии странное животное, внешне напоминающее льва, но со слона величиной. По видео передали заснятую при помощи телеобъектива фотографию. В самом деле, голова с гривой была похожа на львиную. Но у этого «льва», кроме четырех лап, двух передних и двух задних, были еще две конечности, которые росли от плеч и напоминали руки. Чувствовалось, что зверь невероятно силен и подвижен. Группа сообщила также, что животное это бежит быстрее, чем движутся планетоходы землян, и что оно удалилось по направлению к базе.

И тут внезапно сообщения приобрели трагическую окраску. Первая группа потеряла еще двух человек, вторая — еще одного; все трое тоже погибли, судя по ранам, от каких-то брошенных в них с огромной силой острых предметов, но ничего такого около убитых обнаружить не удалось. Капитан отдал приказ всем трем группам воз-

вращаться, и когда планетоходы вернулись на базу, врачи произвели вскрытие тел погибших. Раны были ужасные: будто от разрывных пуль.

Но самое странное было, что ни одна из трех групп не обнаружила нигде на много километров вокруг ничего опасного. Ни оружия, ни разумной жизни, ничего угрожающего вообще. У всех жертв были с собой рации, но они ими не воспользовались. Капитан распорядился, чтобы никто в одиночку не покидал территорию базы.

Марсуф тоже не мог понять, что происходит. Но он знал: если причину случившегося не удастся установить, отчет капитана будет отрицательным, и в результате планета будет потеряна для землян. Чтобы обнаружить неизвестного врага, думал Марсуф, надо как-то выманить его на открытое место, а для этого нужна приманка. Такой приманкой мог бы стать, например, он сам.

Все в лагере спали, Марсуф, глубоко задумавшись, пытался найти ключ к разгадке. Тихонько он вышел с территории базы и, занятый своими мыслями, даже не заметил, как отделился от нее на несколько километров, забрел в какие-то заросли, споткнулся и упал и решил, что теперь самое время отдохнуть. Он задремал, но внезапно проснулся с ощущением, что на него кто-то смотрит. Ни о какой опасности, однако, интуиция его при этом не предупреждала. Марсуф успокоился, попытался сосредоточиться и, как обычно в таких случаях, начал насвистывать одну из своих любимых старинных баллад.

И вдруг услышал, как кто-то подражает его свисту. В первый момент Марсуф подумал, что это ему, наверно, снится. Неумело, но старательно кто-то выводил тот же мотив. Может, кто-нибудь с базы пошел за ним следом по приказу капитана Лорито?.. Наверно, так оно и есть.

Марсуф успокоился и, насвистывая уже что-то новое, двинулся к месту, на которое указывал его слух. Никакого страха он не испытывал, зато его охватило сильнейшее любопытство.

Еще не дойдя до места, к которому шел, Марсуф остановился и перестал свистеть. Перестал свистеть и тот, кто ему подражал. Марсуф слышал громкое дыхание и какой-то звук: то ли хвост, то ли лапа била по грунту.

Теперь, когда он так близок к раскрытию одной из тайн

планеты, отступить невозможно! Марсуф начал высвистывать новую песню, сделал еще несколько осторожных шагов и почувствовал острый запах зверя прямо перед собой. Неизвестное существо опять подражало его свисту.

И в конце концов, пересилив себя, Марсуф вытянул вперед руки и — дотронулся. Руки коснулись шерсти, горячей и потной. Зверь не защищался, не побежал, даже не шелохнулся. Марсуфу стало невероятно смешно, но он, подавив в себе желание расхохотаться, начал ощупывать зверя, «рассматривать» его, как это обычно для слепых, руками. Руки, пройдя по упругой шерстистой поверхности, дошли до когтей на лапах. Потом, снова поднявшись, достигли гривы из тонких, но пружинистых волос: огромный лев лежал на животе.

И только тут Марсуф понял, что находится рядом со «львом», которого обнаружила посланная в лес группа. Огромным и совсем не злым — во всяком случае, сейчас. Падалью, как пахнет от хищников, от него не пахло. Это означало, что животное питается травой или молоком.

Все было так абсурдно, что Марсуф не удержался и разразился хохотом. Его хохот животное тут же повторило. Ничего подобного Марсуф за свою жизнь не встречал.

Отсмеявшись наконец, Марсуф произнес:

— Я Марсуф.

И тоненький, похожий на детский голосок протяжно повторил:

— Иааа ма-суффф...

Не совсем точно, но похоже. Может, это существо разумное? Так или иначе, голосовой аппарат позволяет ему воспроизводить звуки человеческой речи, и это очень обнадеживает.

Ну и физиономия будет у капитана Лорито, когда он скажет ему, что встретил большого, как слон, льва с детским голоском и лев этот может насвистывать песенки и повторять слова. В такое трудно поверить, и Марсуф решил, что будет молчать — до тех пор, пока не сможет рассказать обо всем, не опасаясь, что ему не поверят.

Марсуф, насвистывая, отправился назад, на базу. Животное с тоненьким голоском пошло, держась на расстоянии, за ним следом и отстало уже почти у самой базы, к которой Марсуфа, как всегда безошибочно, привела его интуиция.

Напуганный его исчезновением, капитан собирался отправить на поиски Марсуфа пять патрулей. Безропотно Марсуф выдержал головомойку, однако следующей ночью снова незаметно выскользнул с территории базы. Он теперь твердо знал, что угроза жизни людей исходит не от «льва», но не поможет ли ему «лев» узнать, откуда именно?

На этот раз Марсуф встретил своего нового приятеля километрах в двух от базы. «Лев» сразу улегся (видно, ему было приятно, когда его гладят), и Марсуф стал насвистывать «льву» одну песню за другой, а сам тем временем его ощупывал. «Руки» «льва», обычно сложенные на груди, были длиной в два метра каждая, и «лев» ими мог брать предметы. Марсуф пришел к выводу, что в высоту «лев» достигает пяти метров, а в длину, от головы до кончика хвоста, — восьми.

Марсуф обнаружил также, что кожа у «льва» твердая, как сталь, и в то же время очень гибкая. При этом «лев», по-видимому, вовсе не был агрессивным, хотя, наверно, и его, как любое миролюбивое существо, можно было довести до того, что он начал бы крушить все вокруг. Своим тоненьким, похожим на детский голоском «лев» воспроизводил самые разнообразные звуки.

Внезапно «лев» повалил Марсуфа и прижал лапой к земле. И тут Марсуф услышал над собой свист, похожий на свист пуль или снарядов. «Лев» тут же повторил и этот звук.

Наконец «лев» снял лапу с Марсуфа, и тот, преодолевая боль, встал. Теперь своим тоненьким голоском «лев» издавал какие-то жалобные звуки.

Рассерженный и удивленный тем, что «лев» так с ним поступил, Марсуф побежал к базе. Уже отойдя от «льва» на некоторое расстояние, он услышал, как тот зовет его — во всяком случае, писк, который издал «лев», был похож на его, Марсуфа, имя. Жалобно поскуливая, «лев» догнал Марсуфа и пошел с ним рядом.

— Уходи, малыш, — сказал успокоившийся уже Марсуф, — со мной тебе идти нельзя. Мои друзья очень сердятся оттого, что некоторые из них погибли, и могут убить тебя.

Но «лев» по-прежнему шел с ним рядом и жалобно попискивал.

— Если бы они видели тебя таким, каким вижу

я... — прошептал Марсуф. — Но... они тебя таким не видят, поэтому привести тебя с собой — безумие. Да и времени нет. Скоро мы улетаем, навсегда. И меня это очень огорчает, потому что твоя планета мне нравится. Как же нам быть?..

И именно это соображение — что планета будет потеряна, если не удастся разобраться в происходящем, — определило решение, которое принял Марсуф. Вместо того чтобы прогнать своего нового друга, Марсуф поманил его за собой. Стал напевать, насвистывать, хохотать как безумный, и «лев» все за ним повторял; и когда вдвоем, хохоча, они подошли к базе и вступили в свет прожекторов, охрана, увидев их, от изумления разинула рты. Потом — сигнал тревоги, громкие команды, звон оружия...

— Не стреляйте! — закричал Марсуф. — Это друг!

И тут «лев» опять мощным ударом лапы повалил его и этой же лапой прижал к грунту: послышался свист пули. Это стреляли в «льва» люди, но «лев» стоял неподвижно и на пули не реагировал. Марсуфа душили слезы: ведь его товарищи у него на глазах разрушали дружбу со «львом». Но закричать, чтобы остановить их, он не мог. Слышались звонкие щелчки — это ударились о «льва» и отскакивали пули.

Наконец все затихло: люди больше не стреляли. Может, его друг убит? Глубокая печаль охватила Марсуфа. Но через несколько мгновений тоненький голосок «льва» послышался снова, только звучал он теперь жалобнее. А из лагеря послышались возгласы удивления и страха. Произошло невероятное: против странного животного оказались бессильными даже бронебойные пули, они отскакивали от «льва» как резиновые. Разумеется, для особых случаев, вроде этого, у землян было и другое оружие — например, атомный дезинтегратор...

Это оружие не должно быть пущено в ход! «Лев» снял с него лапу, и Марсуф, вскочив, гневно закричал:

— Ничего не делайте, дурни, пока я вам не объясню!.. Лорито, запрети им стрелять!

— Откуда у тебя этот... зверь? — растерянно спросил капитан.

— Сейчас объясню. Опустите оружие, мы хотим войти.

— Нет! Сам входи, а зверюгу оставь снаружи.

— Или мы входим оба, или я уйду вместе с ним.

— Ну ладно, входите оба, — помедлив, сказал капитан

Марсуфу.— Но если эта тварь хотя бы кашляет здесь, внутри...

Насвистывая песенку, уже знакомую его другу, Марсуф медленно двинулся к палаткам лагеря. Хотя его глаза не видели, он слышал, как разбегаются в стороны, пропуская его и «льва», люди. Наконец Марсуф привел «льва» к палатке капитана, вошел в нее, и «лев» попытался войти за ним, но едва было ее не свалил. Поняв, что палатка его не вместит, «лев» улегся перед ней на живот, но из любопытства просунул внутрь свою огромную голову. Марсуф с трудом удержался от смеха, услышав, как от дыхания «льва» с походного стола взлетают бумаги; капитан Лорито и другие, кто был в палатке, забились в угол. Чувствуя, как они испуганы, Марсуф успокоил их:

— Эта, как ты, Лорито, ее называешь, тварь разумна, и у нее сердце ребенка.

— Зато размеры и броня — как у танка.

— Он в этом не виноват. Это результат адаптации к среде обитания. Эти качества нужны ему для выживания, как на Земле змее нужен яд, черепахе — панцирь, птице — крылья, рыбе — жабры...

— Хватит, Марсуф, мы это знаем.

— Только с человеком,— продолжал Марсуф,— дело обстоит несколько иначе. У человека, при всей его кажущейся слабости, есть две руки и защищенный черепом мозг в полтора кило весом. То есть разум.

— Довольно азбучных истин! — огрызнулся капитан.— На этой планете погибли наши товарищи, и то, что у каждого из них было в голове полтора кило мозга, их не спасло.

— И за что только, Лорито, тебя назначили капитаном? Сообрази наконец: этот «лев» их убить не мог. Если он на тебя сядет, он сделает из тебя котлету, в этом не приходится сомневаться, но тех ран он причинить не мог.

— Ну, а что об этом думаешь ты? — пробурчал капитан.

— Очень просто. «Лев» адаптирован к неизвестным нам снарядам, от которых погибли люди. А вчера я сам подвергся такому же нападению, и мой друг спас меня тем, что повалил и прижал лапой к грунту. И уж он-то знает, кто убил наших товарищей. Между прочим, нападение таинственных существ очень похоже на обстрел, которому подвергли нас вы. Стреляли чем-то вроде пуль...

И в это мгновение «лев» что-то пропищал. Все в палатке онемели от изумления — пока еще никто, кроме Марсуфа, не знал, что «лев» разговаривает, да еще голоском мальчика из детского хора.

— Он подтверждает, что ни в чем не виноват, и говорит, что его зовут Флипси,— засмеявшись, сказал Марсуф; в писке «льва» ему и вправду послышалось что-то похожее на это имя.

— Продолжай, пока мы не свихнулись,— проворчал капитан, которому было вовсе не до смеха.

Одно предположение у Марсуфа было, он только не был уверен в его правильности.

— Нужно показать ему тела убитых,— сказал он.

— Это нетрудно. Пошли.

— Пошли, Флипси.

Похоже было, что «льву» это имя очень нравится: пока они шли к палатке, служившей складом, «лев» все время его повторял.

Из палатки вынесли замороженные тела. Флипси издал звук, похожий на плач; Марсуф тем временем уже ощупывал тела, устанавливая количество и форму ран. Потом он спросил:

— Как сейчас ведет себя Флипси?

— Похоже, испуган,— ответил капитан Лорито.— И вертит головой. А теперь вытянул вперед руки и машет ими, будто отгоняет мух.

И тут Марсуфа озаорило.

— Что же, вполне логично,— сказал он.— Нападают на нас какие-то насекомые.

— Все-таки я не понимаю...— пробормотал капитан Лорито.

— Да очень просто. Я вспомнил: в одном из отчетов говорилось о каких-то мертвых насекомых, обнаруженных рядом с телами наших товарищей. Хотя бы один экземпляр такого насекомого у нас остался?

Оказалось, что несколько экземпляров были включены в коллекцию местной фауны, и за ними пошли. «Лев» между тем снова пытался сказать что-то своим детским голоском.

— Послушай, Марсуф, зверюга сжимает и разжимает руки, будто он хочет что-то показать.

Марсуф подошел к Флипси и взял у него из рук то, что там было. Предметов оказалось два, оба небольшие, один

был твердый и тяжелый, другой, упругий, был легче. Марсуф задумался.

Тем временем вернулся биолог, отправившийся за мертвыми насекомыми. Он протянул капитану стеклянный сосуд, где их было с полдюжины; похожи они были на крупных ос.

Марсуф высыпал их на руку и обнаружил, что они ничем не отличаются от второго предмета, который ему дал Флипси.

— Вот и простая разгадка,— сказал Марсуф.— Смотрите!

Он раскрыл ладони и показал, что в них лежит.

— Вот пуля, одна из тех, которыми вы стреляли, а вот пойманное Флипси насекомое. Все еще не поняли? Эта пуля свинцовая, а эта — живая.

— Не может быть!

— Почему не может? Вы привыкли к тому, что видели на Земле. Побывай вы, как я, на сотне миров, вы бы смотрели на вещи по-другому. В космосе часто встречаешься с тем, что кажется невозможным. И по-моему, есть физический закон, согласно которому глубина проникновения при ударе зависит не столько от твердости проникающего тела, сколько от его скорости. Придайте достаточно большую скорость головке сыра, и она пробьет стену. Я думаю, что объяснил случившееся правильно. На Земле пчелы и осы летают медленно и защищаются жалами. На этой планете они летают в сто или тысячу раз быстрее и, благодаря своей скорости, превращаются в живые пули. На Земле тоже, сотни лет тому назад, жители страны, называвшейся тогда Японией, проделывали подобное. Кажется, их называли... «камикадзе»?

— Совершенно верно!

— И не задумывались ли вы, почему на планете с такой пышной растительностью такое обилие разнообразных насекомых и только один вид крупных существ, передвигающихся по грунту?

— То есть вид, к которому принадлежит твой друг Флипси?

— Правильно, Флипси. А ведь причина тому совсем простая. Эти «камикадзе» убивают все живое, что возвышается над грунтом хотя бы на две пяди — за исключением

моего друга, от чьей кожи отскакивают даже пули ваших пистолетов.

Остается непонятным, — сказал биохимик, — почему «камикадзе» нападают, когда у них для этого нет никакого повода.

— Может, причина тому запах, может — движение, а может — звук. Ученые это выяснят. А заодно выяснят способ, каким «камикадзе» достигают в полете таких высоких скоростей.

Но капитана Лорито по-прежнему не оставляла тревога.

— По-моему, Марсуф, твоя гипотеза, в общем, правильна. Но что она нам дает практически? Не брать же каждому из нас в сопровождающие такого, как твой Флипси? Эти, как ты их называешь, «камикадзе» меня очень тревожат. Как нам бороться с насекомыми, которые летят со скоростью пули и ударяют с соответствующей силой?

— В любом случае, капитан, мы сделали большой шаг вперед. Самое худшее — это страх перед неизвестным, и сформулировать задачу — значит на три четверти ее решить.

— Меня тревожит как раз четвертая четверть: ведь именно я отвечаю за жизнь членов экипажа. Что нам делать?

— Лучшая защита от «камикадзе», — сказал Марсуф, — падать плашмя на грунт. Ниже чем на две пяди от поверхности «камикадзе» не летают: видно, многотысячелетний опыт научил их, что, летая ближе к поверхности, они рискуют в нее врезаться.

Выяснилось, что он был прав. Исследовательская группа, точно проинструктированная о том, что нужно делать при появлении «камикадзе», уже радировала, что нападения их подверглась, но обошлось без потерь. Более того, было обнаружено, что когда цель, к которой летят «камикадзе», вдруг исчезает, они возвращаются в свое гнездо. Подтвердилось также, что они никогда не летают ниже чем в сорока сантиметрах над грунтом.

Стало ясно также, как с ними бороться: поставить приманку и окружить ее прочной и частой проволоочной сеткой. А еще проще — находить их гнезда и уничтожать маток.

— Разумеется, — сказал капитан, — всегда может случиться, что кто-то зазевается и «камикадзе» превратят его в сито. Но эта опасность куда меньшая, чем, например, сернистые вулканы Посейдона-IV или белые муравьи на Себедео-II. Этой планете я дам положительную оценку.

— Правильно! — воскликнул Марсуф.

— Правильно! — пропищал Флипси.

И остальные их поддержали.

Пятнадцатью днями позже, после того, как была закончена исследовательская работа и уничтожено изрядное количество гнезд «камикадзе», капитан объявил, что корабль «Кенгуру-V» возвращается на Землю. Марсуф предложил, чтобы на Землю взяли с собой и Флипси, который помог им разгадать тайну планеты Спирео.

— Подумай сам, Марсуф, — сказал в ответ на его просьбу капитан, — для одного только корма ему на семь месяцев понадобился бы корабль в семь раз больше нашего.

— Тогда я должен здесь остаться.

— Оставить тебя мы не можем.

— Что значит не можете? Я научу Флипси всему, что знаю, тогда он потом сможет быть нашим переводчиком. Буду играть с ним в шашки, читать ему стихи, учить его нашим песням. А он покажет мне свою планету. Познакомит меня с ему подобными. Я буду первым послом Земли на планете Спирео и подготовлю все к прибытию будущих поселенцев.

Уговорить Марсуфа отказаться от своего намерения казалось невозможным. Однако двумя днями позже спор разрешился, причем самым неожиданным образом.

Дело в том, что на равнине вдруг появились два «льва», такие же, как Флипси, но только много больше величиной. Оказалось, что это родители Флипси, а сам Флипси всего-навсего убежавший от них шаловливый ребенок. Когда издали донесся их рев, Флипси задрожал. Из корабля увидели (и тут же рассказали об этом Марсуфу), как родители задали трепку убежавшему малышу. Потом родители вместе с Флипси не спеша направились к кораблю. Испуганный капитан Лорито приказал задрать люки. Медленно и величественно, как два броненосца, родители

Флипси подошли к кораблю вплотную. Обняв корабль, отец решил почесать об него спину, и корабль качнулся. Капитан приказал включить двигатели и сирену, и «львы» несколькими огромными прыжками удалились от корабля. Они и стоявший теперь между ними Флипси увидели, как ослепительно зажглись дюзы, как, преодолевая гравитацию планеты, могучая сила поднимает корабль вверх.

Капитан отдал новый приказ, и «Кенгуру», взлетев, вышел на орбиту. Корабль сделал несколько витков вокруг Спирео, наблюдая «львов», которые прыжками двигались по направлению к лесу. Марсуф просил, чтобы ему рассказывали все, не пропускали ни малейшей подробности. А Флипси смотрел снизу на корабль и, плача, звал своего друга с планеты Земля.

Кордвейнер Смит

ИГРА С КРЫСОДРАКОНОМ

Да это черт знает что за профессия — светокол! Разъяренный Андерхилл закрыл за собой дверь. Что толку носить форму, похожую на военную, если люди не понимают, как нужен твой труд?

Он сел на свое рабочее место, откинул голову так, что затылок лег на подголовник, и по самые брови надвинул шлем.

Он стал ждать, пока аппаратура в шлеме разогреется, и ему опять представилась девушка, которую он только что встретил в коридоре. Она тогда посмотрела на шлем, потом, презрительно, на него.

«Мяу». Только это она и сказала. Однако его словно ударили ножом.

Кто он такой, по ее мнению, — дурак, бездельник, ничтожество, одетое в форму? Неужели она не знает, что светоколу, поработавшему полчаса, приходится потом два месяца лежать в больнице?

Шлем разогрелся. Теперь Андерхилл ощущал вокруг космическое пространство и мог легко делить его мысленно на квадраты и кубы. Здесь, в этой пустоте, его ждал гложащий ужас перед лицом бесконечности, и невыносимая тоска охватывала его каждый раз, как он натыкался в пустоте хотя бы на след инертной пыли.

Он расслабился — и опять, как всегда, заявили о себе успокаивающая надежность Солнца, привычный часовой механизм планет и Луны. Лишь около полутонны пыли ощущал он сейчас в пространстве, да и та была далеко от плоскости эклиптики, в стороне от трасс, по которым двигались люди. Здесь же, внутри Солнечной системы, не с кем было драться, ничто не бросало вызов человеку, не вызывало ни у кого из тела живую душу, обнажая ее сочащиеся кровью корни.

В Солнечную систему извне не залетало ничто никогда. Не снимай с себя шлем хоть целую вечность, все равно ты, пока остаешься в пределах нашей системы, будешь всего лишь чем-то вроде ясновидца-астронома, будешь чувствовать, что твой разум находится под надежной защитой пульсирующего, яркого, обжигающего Солнца.

Вошел Вудли.

— В мире все остается прежним, — сказал Андерхилл. — Никаких происшествий. Не удивительно, что наши шлемы придумали и начали сажать нас, светоколов, в корабли, только когда начали переходить в плоскоту и двинулись за пределы системы. А вообще-то не так уж плохо, наверно, жилось в древние времена. Переходить в плоскоту было не нужно. Не нужно отправляться к звездам, чтобы заработать себе на жизнь. Не нужно увертываться от Крыс, участвовать в Игре. Светоколов не было, потому что в них не было необходимости, — правда, Вудли?

— Угу, — буркнул тот.

Вудли было двадцать шесть лет, и через год он должен был уйти в отставку. Он уже присмотрел для себя ферму. За спиной у него было десять лет этой трудной работы, и его считали одним из лучших. Он не слишком задумывался о работе, честно, не жалея себя, отдавал все силы, а в перерывах не вспоминал о ней до тех пор, пока не нужен был снова.

Вудли никогда не добивался расположения Партнеров; может быть, поэтому никто из Партнеров расположения

к нему не испытывал. Некоторые из них прямо-таки терпеть его не могли. Его даже подозревали в том, что временами он плохо думает о Партнерах, но поскольку ни один из Партнеров ни разу не придал своей мысленной жалобе необходимую членораздельность, светоколы и Творцы Величия Человечества не предъявляли к нему претензий.

Андерхилла до сих пор все не покидало изумление перед собственной профессией. Она постоянно занимала его мысли, и сейчас он с воодушевлением опять говорил об их работе:

— Что происходит с нами в плоскоте, как по-твоему? Это похоже на смерть? Сам ты видел кого-нибудь, из кого вырвана душа?

— Вырванная душа — это оборот речи всего-навсего, — ответил Вудли. — До сих пор никто еще не знает точно, есть у нас душа или нет. Но кое-что я однажды видел. Видел, что было с Догвудом. Из него вышло что-то странное, мокрое и будто клейкое на вид — и знаешь, что сделали с Догвудом? Увели наверх, в ту часть больницы, в которую нас с тобой никогда не клали, туда, куда отправляют тех, на кого напал в верходали крысодракон и кто все-таки остался жив.

Вудли сел, взял в рот то, что древние называли «трубкой», и зажег в ней нечто, называемое «табаком». Довольно-таки противная привычка, но когда Вудли это делал, он выглядел смелым и уверенным.

— Послушай, что я скажу тебе, юноша. Тебе не нужно ни о чем этом тревожиться. Работать светоколом становится все легче. Лучше становятся Партнеры. Я видел, как они убили двух крысодраконов за какие-нибудь полторы миллисекунды. Пока светоколы работали одни, без Партнеров, всегда была вероятность, что мы не успеем убить крысодракона достаточно быстро и не защитим свой перешедший в плоскоту корабль — ведь меньше чем за четыреста миллисекунд человеческому мозгу здесь не управиться. Партнеры всё изменили. Они опережают крысодраконов. И будут опережать всегда. Знаю — не очень-то легко бывает, когда допускаешь Партнера к себе в сознание.

— А разве им легко, когда они допускают нас? — сказал Андерхилл.

— О них не беспокойся. Они не люди. Они пусть

заботятся о себе сами. Я только знаю, что от неосторожного обращения с Партнерами нас спятило больше, чем от крысодраконов. А вообще говоря, сам ты много знаешь таких, кто бы пострадал от крысодраконов?

Андерхилл посмотрел на свои пальцы, одни зеленые, а другие лиловые в резком свете, исходящем от включенного шлема, и стал на них считать. Большой палец — «Андромеда», пропавшая без вести со всем экипажем и пассажирами; указательный и средний — «Платформа 43» и «Платформа 56», на которых все до единого мужчины, женщины и дети оказались мертвыми или безумными, а шлемы светоколов были пережжены. Безымянный, мизинец, большой палец другой руки — первые три военных корабля, чьи экипажи стали жертвами крысодраконов, стали уже тогда, когда люди поняли: откуда-то со дна пространства появляется, чтобы нанести смертельный удар, что-то непредсказуемое и злое.

При переходе в плоскоту ощущение было немного странное. Такое, будто...

Будто ничего особенного не произошло.

Будто тебя, совсем-совсем слабо, ударило током.

Будто, кусая, ты почувствовал боль в зубе.

Будто перед глазами у тебя вспыхнул очень яркий свет.

И, однако, за это мгновение сорокатысячетонный корабль, поднимавшийся над Землей, исчезал, переходя каким-то образом в два измерения, и появлялся вновь в половине светового года или в пятидесяти световых годах от места исчезновения.

Только-только ты сидел в Боевом Отсеке, шлем включен и работает, и в голове у тебя, как часовой механизм, тикала вместившаяся в нее целиком вся Солнечная система. То ли за секунду, то ли за год (он не мог бы сказать, за сколько именно времени) сквозь него пробегало что-то вроде разряда — и вот он уже в верходали, леденящих душу пространствах между звезд, где сами эти звезды ощущаются как маленькие бугорки на внутренней стороне сферы твоего телепатического восприятия, а планеты не ощущаются вообще.

И где-то в этих пространствах ждет смерть, отвратительная и страшная, какую человек узнал, только когда осмелился выйти в межзвездные просторы. Судя по всему, «драконы» боялись света солнц и держались от них подальше.

«Драконы». Так называли их люди. Для обыкновенного человека не стояло за этим словом ничего-ничего, кроме прыжка в плоскосту, смерти, разбившей тебя как удар молота, или темной надрывной ноты безумия, погасившей свет твоего разума.

Но для телепата это были «драконы».

За долю секунды между осознанием того, что в бездонной черной пустоте космоса шевелится что-то враждебное, и всесокрушающим ударом по всему живому внутри корабля, в воображении телепатов возникало нечто напоминающее драконов древних легенд Земли — хищники, коварней всех хищников, демоны реальнее демонов, вихри ненависти, голодные и живые, родившиеся из вещества, распыленного между звезд.

Известно о них стало по возвращении одного чудом уцелевшего корабля: в нем, по чистой случайности, у телепата, обязанность которого была поддерживать связь с Землей, оказался наготове световой луч, он направил его на внешне невинные клубы космической пыли — и «дракон», появившийся было в панораме его сознания, рассеялся, превратился в ничто, а остальным людям на корабле, не телепатам, даже в голову не пришло, что они только что были на волосок от гибели.

После этого все стало просто — почти.

В экипаж межзвездного корабля теперь обязательно включали телепатов. Способности их резко возрастали благодаря специальным шлемам-усилителям. Шлем через электронные реле контролировал мощные излучатели света.

Нужен был только свет, ничего больше.

Свет уничтожал «драконов», позволял кораблям между прыжками от звезды к звезде возвращаться в три измерения.

Вместо ста шансов к одному против человечества теперь стало шестьдесят к сорока в его пользу.

Мало того. Телепатов стали тренировать, развивать их чувствительность, чтобы любой из них мог обнаружить «дракона» меньше чем за миллисекунду.

Но выяснилось, что расстояние в миллион километров «дракон» покрывает меньше чем за две миллисекунды. Ни один человек не успевал за такой промежуток времени включить и направить на «дракона» мощный луч света.

Попробовали одевать корабли в свет.

Такая защита вскоре стала недостаточной.

В то время как люди узнавали повадки «драконов», те, в свою очередь, узнавали повадки людей. Каким-то образом они тоже научились уплощаться и в таком виде перемещались в пространстве с огромной скоростью.

Теперь, чтобы уничтожить их, был необходим свет, по яркости сравнимый с солнечным. Его могли дать только световые ядерные заряды.

Светокол выстреливал в «дракона» миниатюрной сверхъяркой световой ядерной бомбой, при взрыве которой несколько граммов изотопа магния целиком превращались в электромагнитное излучение в диапазоне видимой части спектра.

Однако корабли исчезали по-прежнему.

Людам даже не хотелось разыскивать исчезнувшие корабли, потому что они заранее знали, что найдут. Ужасно было привозить на Землю разом триста мертвых тел или триста тихопомешанных, которых нужно будить, кормить, мыть, укладывать спать, потом будить и кормить снова, и так до конца их дней.

Телепаты пытались заглядывать в головы к тем, кого «драконы» лишили разума, но только гейзеры обжигающего ужаса находили они там, ужаса, бьющего из первооснов личности, из вулканического источника самой жизни.

И тогда на выручку пришли Партнеры.

Вместе Человеку и Партнеру было под силу то, что было не по плечу только одному Человеку. У Человека был разум. У Партнера была мгновенная реакция.

В своих крохотных, с футбольный мяч величиной и в шесть фунтов весом, кораблях Партнеры неслись рядом с огромными кораблями Человека и вместе с ними переходили в плоскоту.

Корабли-крошки были необычайно быстрыми. И каждый нес дюжину световых бомб с наперсток величиной.

Посредством включаемых одной мыслью реле светоколы бросали кораблики с Партнерами прямо в «драконов».

Что человеческому сознанию представлялось драконом, Партнеру представлялось огромной крысой.

И даже там, в безжалостной пустоте, Партнер пови-

новался древнему как жизнь инстинкту. Партнер нападал со скоростью, превосходящей человеческую, нападал снова и снова, пока не погибнет «крыса» или он сам. Почти всегда гибла «крыса».

Как только прыжки от звезды к звезде стали безопасными для кораблей, торговля процвела, выросло население колоний и вырос спрос на специально обученных Партнеров.

Андерхилл и Вудли принадлежали всего лишь к третьему поколению светоколов, однако им казалось, будто профессия их существовала всегда.

Подключение сознания при посредстве специального шлема к космосу, устойчивая телепатическая связь с Партнером, подготовка психики к бою, от исхода которого зависит все,— с такой нагрузкой синапсы человеческого мозга подолгу справляться не могли. После получаса боя Андерхилл нуждался в двух месяцах отдыха. После десяти лет работы Вудли нужно было уходить на пенсию. Оба они были молоды. Оба — из лучших в своем деле. Но физические и психические возможности их были не безграничны.

Очень многое зависело от того, какой Партнер тебе достанется, от везения — какую карту вытянешь.

В комнату вошли Папаша Мунтри и девочка по имени Вест. Они тоже были светоколы. Команда Боевого Отсека (точнее, та часть ее, что состояла из людей) была вся в сборе.

Краснолицый папаша Мунтри жил, пока ему не пошел сороковой год, мирной жизнью фермера. Только тогда, довольно-таки поздно, было установлено, что он парапсихически одарен, и ему позволили, несмотря на возраст, стать светоколом. Справлялся с работой он хорошо.

Сейчас он смотрел на угрюмого Вудли и погруженного в свои мысли Андерхилла.

— Как чувствуете себя, молодые люди? К бою готовились?

— Папаша все рвется в бой,— сказала, засмеявшись, девочка по имени Вест.

Она была еще совсем маленькая. Смеялась, как дети ее возраста — звонко. Уж про нее-то никак нельзя было

подумать, что она, в шлеме светокола, снова и снова вступает в жестокое единоборство со смертью.

Андерхилла очень позабавило то, что он однажды увидел: один из самых медлительных Партнеров уходил счастливый от контакта с сознанием девочки по имени Вест.

Обычно Партнера мало волновало сознание человека, с которым на время путешествия его соединила судьба. По-видимому, все Партнеры придерживались того мнения, что сознание человека сложно и невероятно захламлено. Превосходство человеческого разума ни один Партнер под сомнение не ставил, однако лишь очень немногие Партнеры перед этим превосходством преклонялись.

Партнеры привязывались к людям. Они готовы были драться бок о бок с ними. Готовы были даже умереть за них. Но когда Партнер привязывался к кому-нибудь так, как, например, Леди Май или Капитан Гав были привязаны к Андерхиллу, к интеллектуальному превосходству последнего это не имело никакого отношения. Все зависело от сходства темпераментов.

Андерхилл прекрасно знал, что Капитан Гав считает его глупым. Что нравилось в нем Капитану Гаву, так это дружелюбие, бодрость духа и пронизывающая все его подсознательные мыслительные процессы ироническая усмешка, а также радость, с которой он идет в бой. Зато человеческую речь, историю человечества, абстрактные идеи, науку Капитан Гав отбрасывал как несусветную чушь, что вполне явственно и ощущало сознание Андерхилла.

Вест подняла на него глаза.

— Поспорю, что вы смошенничаете.

— Нет!

Андерхилл почувствовал, как уши его краснеют. Во время своего ученичества он, когда светоколы разыгрывали Партнеров, однажды попытался схитрить, чтобы заполнить себе в Партнеры красивую молодую мать по имени Мурр, которая ему особенно полюбилась. Так легко было обороняться и нападать вместе с ней, так привязана была она к нему — и он забыл на время, что учили его вовсе не для того, чтобы они с Партнером отлично проводили время.

Одной попыткой все и кончилось. Его уличили, и он надолго стал всеобщим посмешищем.

Папаша Мунтри взял пластиковую чашку и встряхнул

кости, решавшие, с кем из Партнеров предстоит быть в паре в этом путешествии каждому светоколу. Старший по возрасту, он бросал кости первым.

Он скорчил недовольную гримасу. Судьба преподнесла ему старого, вечно голодного жадюгу, внутренний мир которого, казалось, исходит слюной,— так переполнен он был образами еды, целых океанов, доверху наполненных несвежей рыбой. Когда-то папаша Мунтри рассказывал, что, поработав в паре с этим обжорой, он потом несколько недель подряд поглощал невероятные количества рыбьего жира — настолько глубоко вошел в его сознание телепатический образ рыбы. Но Партнер этот, столь жадный до еды, был не менее жадным до опасности. На его счету было шестьдесят три убитых крысодракона, больше, чем у любого другого Партнера на службе в межзвездных кораблях людей.

Следующей бросала кости маленькая Вест. Ей выпал Капитан Гав. Увидев это, она улыбнулась.

— Как он мне нравится! — сказала она. — Так здорово драться вместе с ним! Он такой пушистый и мягкий у тебя в голове, такой милый!

— Уж куда милее! — буркнул Вудли. — Я ведь тоже бывал с ним в паре. Лукавей его никого на корабле нет.

— Злой человек, — сказала девочка. Сказала констатируя, не упрекая.

Андерхилл посмотрел на нее, и по коже у него пробежали мурашки.

Он не понимал, как можно сохранять спокойствие, имея дело с Капитаном Гавом. В голове у Капитана Гава лукавства и в самом деле было хоть отбавляй.

Жаль, подумал Андерхилл, что никто, кроме кошек, абсолютно никто на всем белом свете не годится в Партнеры. Кошка, когда войдешь с ней в телепатический контакт, оказывается как раз то, что надо. Трудности боя ей по плечу, хотя мотивы и желания ее, безусловно, мало похожи на человеческие.

Кошка готова с тобой общаться, если ты посылаешь ей телепатически конкретные образы, но она сразу отгородит от тебя свой внутренний мир и заснет, если начнешь читать ей мысленно Шекспира или попытаешься объяснить, что такое пространство.

Как-то не укладывалось в голове, что Партнеры, такие

серьезные и собранные здесь, в космосе,— это те грациозные зверьки, которых еще тысячи лет назад люди на Земле держали в своих домах, чтобы они украшали их повседневную жизнь. Андерхилл не раз ставил себя в смешное положение, когда, увидев там, на твердой земле, самую обыкновенную, не одаренную телепатически кошку, забывал, что это не Партнер и, как полагается по уставу при встрече с Партнерами, отдавал ей честь.

Он высыпал кости на стол.

Ему повезло — ему выпала Леди Май.

Такой ясной головы, как у нее, он не встречал ни у какого другого Партнера. В Леди Май благородная родословная персидской кошки достигла одной из своих высочайших вершин. Леди Май была сложнее любой женщины, но сложность эта проистекала из переплетения чувств, воспоминаний, надежд и событий всей ее жизни, причем события сортировались и классифицировались без помощи и посредства слов.

Когда он впервые вступил с ней в телепатический контакт, он удивился этой ясности. Он вспомнил вместе с Леди Май время, когда она еще была котенком. Вспомнил все любовные встречи, какие у нее были. Увидел ее глазами целую галерею светочолов, в паре с которыми она дралась, и хоть и с трудом, но узнал их всех. Увидел себя, несущего радость, веселого и желанного. И уловил очень лестное для него сожаление о том, что он не кот.

Будли выпало то, чего он заслуживал,— мрачный, весь в шрамах старый кот, личность куда более бледная, чем капитан Гав. От животного в нем было больше, чем в других Партнерах, он был тупой зверюга с самыми неизменными наклонностями. Даже телепатические способности не смогли облагородить его. Еще в молодости соперники отгрызли ему половину ушей.

Он удовлетворял требованиям, предъявляемым к бойцу, и ничего более.

Папаша Мунтри посмотрел на светочолов.

— Ну что ж, теперь каждый идет за своим Партнером. А я сообщу капитану, что мы готовы выходить в верходаль.

Андерхилл набрал цифры на замке клетки Леди Май. Разбудил ее ласково, взял на руки. Она лениво потянулась,

выпустила когти, замурлыкала, потом умолкла и лизнула ему запястье. Шлемов ни на нем, ни на ней еще не было, и потому ни он, ни она не знали, что сейчас творится в галове у другого, но судя по тому, как она топорщила усы и двигала ушами, она была довольна, что оказалась именно его Партнером.

Он заговорил с нею вслух, хотя знал, что человеческая речь для кошки лишена смысла.

— Как же это не стыдно людям зашвыривать такое милое крошечное существо в холодную пустоту, чтобы оно носилось там и охотилось на «крыс», которые больше и страшнее нас, вместе взятых? Ведь ты не просилась в этот бой, правда?

В ответ она лизнула его руку, замурлыкала, опять провела по его щеке длинным пушистым хвостом и уставилась на него сверкающими золотыми глазами.

Их взгляды встретились, и несколько мгновений они смотрели друг на друга: он — сидя на корточках, она — стоя на задних лапах на полу, слегка царапая когтями передних его колено. Никаким словам не преодолеть было бесконечности, лежавшей между глазами человека и глазами кошки, однако достаточно было короткого взгляда, чтобы расстояние это перешагнула любовь.

— Ну, нам пора, — сказал он.

Она послушно вошла в свой маленький шарообразный корабль. Андерхилл надел на нее миниатюрный шлем светоча и закрепил его, удобно для Леди Май и надежно, у нее на затылке. Укрепил на лапах у нее мягкие подушечки, чтобы, опьяненная битвой, она не нанесла ран самой себе.

— Готова? — спросил он ее негромко.

В ответ она, насколько позволяла державшая ее теперь сбруя, выгнула спину и тихонько замурлыкала.

Он захлопнул крышку и стал смотреть, как, намертво запечатывая кораблик, вдоль линии соединения сочится жидкость. Теперь на несколько часов Леди Май была запаяна внутри, а потом, когда она исполнит свой долг, электросварщик снимет крышку и освободит ее.

Обеими руками он поднял кораблик и вложил в стартовую трубу. Закрыв дверцу трубы, запер ее, набрав цифры, а потом сел в свое кресло и надел шлем.

Он снова нажал на тумблер включения.

Он сидел в небольшой комнате, очень небольшо-

ш о й, очень теплой, остальные три светоккола были тут же, и свет ярких ламп в потолке, казалось, давил на его сомкнутые веки.

Когда шлем начал разогреваться, стены как бы растаяли. Те трое, кто был с ним в комнате, утратили очертания и казались теперь кучками тлеющих углей — это горело, дышало жаром живое сознание, напоминая головешки в печи.

Когда шлем разогрелся еще больше, Андерхилл ощутил Землю, ощутил, как уходит из пут ее тяготения корабль, ощутил Луну, она была сейчас по ту сторону Земли, ощутил планеты и жаркую, ясную, спасительную щедрость Солнца, не подпускавшего «драконов» к родине человечества.

И наконец в его телепатическое сознание вошло все на многие миллионы миль вокруг. Ощутил пыль, которую еще раньше заметил над плоскостью эклиптики. Ощутил (и словно волна тепла и нежности прокатилась сквозь него), как в него вливается внутренний мир Леди Май. На вкус мир этот был как ароматизированное масло, такой же нежный, чистый и немного острый. Этот мир освобождал от напряжения и взбадривал. Теперь Андерхилл чувствовал, как рада ему Леди Май.

Наконец они снова стали одно целое.

Где-то в закоулке его сознания, закоулке таком же крохотном, как самая малюсенькая игрушка его детства, еще были комната и корабль, и Папаша Мунтри там взял микрофон и начал докладывать капитану корабля.

Телепатическое сознание Андерхилла восприняло мысль задолго до того, как слух его уловил формулирующие ее слова:

— В Боевом Отсеке все на местах. К переходу в плоскосту готовы.

Андерхилла всегда немного раздражало, что Леди Май все воспринимает раньше его.

Сцепив зубы, он приготовился к мгновенной муке перехода, но узнал от Леди Май о том, что переход уже произошел, еще до того, как сотряслись собственные его нервы.

Земля словно упала куда-то далеко-далеко, и прошло несколько миллисекунд, прежде чем он нашел Солнце в

верхнем заднем правом углу своего телепатического сознания.

«Хороший прыжок,— подумал он.— Четыре-пять таких прыжков, и мы на месте назначения».

Леди Май, в нескольких сотнях миль от корабля, откликнулась: «О теплый, о щедрый, о великан! О смелый, о добрый, о нежный и огромный Партнер! О как хорошо, хорошо, тепло, тепло, тепло с тобой вместе драться, с тобой, с тобой...»

Он знал, что это собственное его сознание придает словесную форму ее смутным, полным огромного расположения к нему мыслям, переводит их на язык понятных ему образов.

Ни его, ни ее обмен приветствиями, однако, не поглотил целиком. Андерхилл вгляделся дальше, чем могла увидеть она,— не изменилось ли что-нибудь в пространстве вокруг? Было как-то странно, что ты можешь делать два дела сразу. Когда на нем был шлем светокла, внутренним зрением он мог оглядывать космос и, одновременно, ловить праздные мысли Леди Май — например, полную нежности и любви мысль о сыне, у которого золотистая мордочка, а на груди мягкий, невероятно пушистый белый мех.

Все еще обегая взглядом космос, он уловил предупреждение от нее: «Прыгаем снова!»

Да, второй прыжок. Звезды другие. Солнце осталось позади, немыслимо далеко. Страшно далеко было теперь даже до ближайших к кораблю звезд. В таких вот местах, в таком вот открытом космосе и появлялись крысодраконы. Андерхилл искал опасность, готовый, едва найдет, метнуть Леди Май прямо на нее.

Внезапно его пронизал ужас, острый, как боль от перелома руки или ноги. Это Вест только что нашла нечто огромное, длинное, черное, заостренное, прожорливое, леденящее душу. И Вест метнула на это Капитана Гава.

Андерхилл попытался сохранить ясную голову. «Берегитесь!» — телепатически крикнул он остальным, начиная в то же время перемещать Леди Май.

С какого-то места на поле боя в его сознание ворвалась хищная ярость Капитана Гава — это персидский кот, подлетающий к скоплению пыли, угрожавшей кораблю и людям внутри него, бросал световые бомбы.

Хоть и не намного, но Капитан Гав промахнулся.

Скопление пыли перестало быть похожим на электрического ската и приобрело форму копыя.

Длилось все это меньше трех миллисекунд.

Папаша Мунтри говорил вслух, и казалось, что звуки речи вытекают из его уст так же медленно, как из кувшина с толстыми стенками течет застывшая патока:

— К-а-п-и-т-а-н...

Но Андерхилл уже знал, что он скажет: «Капитан, скорей!»

До того, как Папаша Мунтри договорит свою фразу, бой кончится.

Теперь в игру вошла Леди Май.

Вот когда нужна молниеносная реакция Партнера — она и решает все. Леди Май реагировала на опасность быстрее, чем он. Огромная крыса, несущаяся прямо на нее, — вот что такое была для Леди Май эта опасность.

Световые бомбы Леди Май бросала с недоступной для него точностью.

Он был связан с ней, но угнаться за ней не мог.

Сознание Андерхилла приняло страшную рваную рану, нанесенную столь непохожим на человека врагом. Никто на Земле не знал подобных ран, этой раздирающей, безумной боли, начинавшейся с ощущения ожога в пупке. Он почувствовал, что его корчит.

Но еще ни одна мышца у него не успела дернуться, когда Леди Май уже нанесла их общему врагу ответный удар.

Через равные расстояния на общем протяжении в сто тысяч миль вспыхнули пять световых ядерных бомб.

Боль исчезла.

Он пережил мгновение страшного в своей свирепости, чисто животного восторга, охватившего Леди Май, когда она приканчивала врага. А потом ее разочарование — кошки всегда бывали разочарованы, когда обнаруживали, что враг, казавшийся им огромной крысой, бесследно исчезал в миг своей гибели. И только потом докатилась до него волна страданий, боли и страха, испытанных ею во время боя.

И опять укол боли — при переходе в плоскоту.

Корабль прыгнул снова.

Андерхилла достигла обращенная к нему мысль Вудли: «Не беспокойся ни о чем. Мы с этим старым негодяем вас подменим».

Еще два укола боли — два новых прыжка.

Когда Андерхилл пришел в себя, внизу сияли огни космической станции Каледония.

Потребовалось огромное усилие, чтобы ввести сознание в нужный режим, но когда ему это удалось, он, как всегда точно и бережно, вернул кораблик Леди Май назад, в трубу запуска.

Она была полумертвой от усталости, но он ощущал биение ее сердца, ее прерывистое дыхание и ее благодарность.

Збигнев Долецкий

ПОД БЕЛЫМИ ОБЛАКАМИ

Я лежал под белыми облаками. Солнце ровно и неназойливо грело мое тело, распластанное среди дикой травы и зелени. Я был исполнен той неясной радости, какую мне случалось испытывать только в немногие, считанные погожие дни лета, когда можно не думать о скучных и утомительных повседневных делах и целиком отдаться созерцанию окружающего меня мира. Того мира, который не испорчен еще касанием человеческих рук. Он еще существовал, хотя с каждым годом становился все меньше и меньше. Однако я знал, что все-таки он сильнее человека и если позволяет ему вредить, то лишь потому, что терпение его велико.

Я был один на один с природой, хотя и сознавал, что где-то, совсем близко, поджидают своих жертв губящие зелень дымовые трубы и шум, в котором глохнут самые бесстрашные птицы. Я был здесь другом, хотя ведь даже

эта примятая моим телом трава могла бы свидетельствовать обо мне не лучшим образом...

Я смотрел на белые облака, которые неспешно плыли по прозрачному небу, убыстряли иногда свой бег, влекомые порывами ветра с далеких морей, и танцевали свой беззаботный танец, восхваляя свет над планетой.

Почти заснув, испытывая блаженство, существующее, казалось, отдельно от меня, безотносительно к моим переживаниям, мыслям и даже ощущениям, я чувствовал себя слитым со всем миром, хотя никогда не имел ничего общего с кем-либо вроде практиков дзен, о которых я только слышал или читал.

Вдруг я услышал тихий, но очень отчетливый шепот, такой, что даже песня кузнечика показалась бы криком в сравнении с ним:

— Большой Человек!

Я не открывал глаз, потому что этот шепот казался мне порождением овладевшего мной полусна. Но когда я почувствовал, как что-то легонько щекочет мое плечо, и услышал звук, напоминающий лукавый смех — если можно смеяться шепотом, — я посмотрел сперва на все еще медленно плывущие, хотя теперь уже другие облака, а потом — на свое левое плечо.

В том, что я увидел, не было ничего страшного, как раз наоборот, хотя, наверное, другой бы на моем месте вскочил от изумления. Но я был отделен от так называемого «реального мира» и связанных с ним фантазий. На моем посмуглевшем от солнечных лучей плече сидела пара крохотных, в точности похожих на людей существ, нагих и прекрасных, как Адам и Ева в день их сотворения. Единственной деталью, отличавшей их от той пары, были крылышки, какие старинные легенды приписывали эльфам. Я смотрел и ждал.

— Мы знали, что можем с тобой поговорить. Нам так редко случается разговаривать с людьми... Когда-то, очень давно, это было гораздо легче. Впрочем, и нас было больше. А вас меньше. Быть может, скоро мы совсем исчезнем. Но пока мы еще существуем, нам бы хотелось, как прежде, иногда разговаривать с людьми...

— Кто вы? — спросил я совсем шепотом, потому что боялся, что мой голос...

Но они тотчас же поняли это и развеяли мои опасения:

— Не бойся, мы привыкли к шуму гораздо более гром-

кому, чем обычный звук твоего голоса. Ведь наша жизнь проходит, в основном, среди облаков. И нам часто случается встречать там эти ваши летающие машины. Мы можем слышать только в меру наших возможностей. Поэтому нас губит не шум, а то, что облака становятся все реже по-настоящему белыми, что вместо них появляются черные тучи, наполненные дождем. Злым дождем. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Кто мы? Мы просто маленькие — в сравнении с вами — крылатые люди, которых когда-то, в давно минувшие времена, природа сотворила так же, как и вас. У нашего рода нет никакого названия. Да и зачем? Это только вы, Большие Люди, называете нас разными именами, встречаясь с нами — что, впрочем, случается нечасто, потому что зависит это от нас. Мы всегда были неуловимы для вас, не то что другие маленькие люди, которых вы называли гномами. Их уже совсем нет, для них не стало хватать места на планете, когда вы начали овладевать всей Землей. Природа, наверное, не предвидела этого. Она сотворила вас — Больших Людей, — нас, живущих в воздухе, и гномов... Мы живем, просто живем, радуясь солнцу, свет которого — наша единственная пища, летаем над планетой и удивляемся ее красоте... Тебе, наверное, трудно это понять, хотя мы и знаем, что ты — один из тех немногих Больших Людей, которые способны достойно оценить существование само по себе и не гоняться в глупой суете и спешке за всем тем, что вы называете «продуктом материальной цивилизации»...

Природа, раздавая привилегии, обошла вас. Ведь вы не можете питаться солнечными лучами. Вы должны заботиться о пище и еще о многом другом. Но когда-то, в те времена, которые сегодня кажутся нам примитивными, и ваш род был счастлив. Тогда и вы, Большие Люди, были детьми природы, а не пленниками вашего разума, который начал возвеличивать себя, стремиться к целям, далеко выходящим за пределы необходимых потребностей...

С этим я не мог согласиться. Поэтому возразил маленькому Адаму, который вместе со своей подругой уже оставил мое плечо и сидел прямо в воздухе, над самой травой, вспархивая иногда своими золотистыми крыльшками:

— Вы оба мне очень нравитесь, и я рад, что смог

познакомиться с вами. Но мне кажется, что ты рассуждаешь не совсем справедливо. Конечно, вы, живя в белых облаках, думаете по-другому, и вам трудно понять некоторые вещи. Я не хочу защищать нас, современных Больших Людей. Ты прав, мы ввязались во что-то, что обращается теперь против нас. Но с другой стороны, для нас мало гулять в облаках и радоваться уже только тому, что мы существуем... Потому что мы многое хотим еще и понять. Хотя бы то, зачем мы вообще существуем...

Маленький Адам с некоторым ехидством прошептал:

— И приносит вам счастье это желание понять?

Я задумался. Посмотрел на деревья, над которыми по-прежнему двигались белые облака.

— Счастье? Наверное, нет. Но какой-то род радости — да! Большинство из нас и в самом деле гонится за тем, что не имеет ни ценности, ни значения с философской точки зрения. Но лучшие из нас исполняют предназначение своего рода: преодолевают все новые рубежи, развивают сознание, которое для нас является самым ценным из того, чем одарила нас природа. Разве вы не понимаете этого?

— Да,— сказала вдруг маленькая Ева, подпорхнув ко мне так близко, что ее быстро движущиеся крылышки коснулись в полете моего лица.— Мы многое понимаем, ведь мы тоже думаем, размышляем о самом разном. Мы не такие наивные «душечки», как пишут в ваших сказках для детей; Эо просто хотел испытать тебя. Такой уж он есть.

— Хорошо, что ты ему это сказала, Лив,— снова зашептал ее товарищ, и я разглядел, что он улыбается.— Не сердись, Большой Человек... Нас природа тоже одарила сознанием. Разница только в том, что мы живем в полном согласии с жизнью и с ее концом, который наступает неожиданно и совершенно незаметно. А вы — нет. И может быть, именно поэтому вы стараетесь утвердиться в вечности разными способами: начиная от книг, которые вы пишете, и кончая пирамидами и огромными башнями... А для нас утверждение в вечности равно ничего не значит. Может быть, как раз потому, что живем мы не на поверхности Земли, а в воздухе, среди облаков, которые так невечны... Одни перестают существовать, а на их месте, под солнечным светом, рождаются новые. И так без конца.

— Вы и правда живете одним мгновением, пока лишь оно длится? — спросил я.

— Правда, — ответила Лив за себя и за своего товарища.

— Тогда для чего же вам знания, например то, которым вы обладаете о нас, наших детях?

Лив снова затрепетала маленькими крылышками.

— Для того хотя бы, чтобы можно было иногда поговорить с вами, Большими Людьми. И для того, чтобы не быть праздными, гедонистичными эльфами, которые только и знают, что забавляться, любить друг друга и, как вино, пить солнечный свет, не слишком отличаясь от мотыльков.

Теперь улыбнулся я.

— Мне жаль, — сказал я, — что не могу подняться вместе с вами в воздух и беззаботно полетать там. — Я поднял голову и посмотрел в сторону белых облаков. — О чем-то таком я мечтал с детства: не о прогулке в самолете, а именно о полете на своих собственных крыльях. И многим другим, совсем взрослым людям очень бы этого хотелось. Жаль, что природа не дала нам крыльев, как вам. Может быть, тогда Большой Человек не был бы так враждебен к своим собратьям...

— Самое ужасное, — сказала Лив, — именно то, что вы умеете убивать.

— Да, — ответил я грустно. — Это самая кривая из всех кривых дорожек развития нашего рода.

— Знаешь, — теперь уже отозвался Эо, — даже нас пробовали использовать для этого.

— Как это? — удивился я.

— Нам иногда случается ошибаться, завязывая знакомство с людьми, которые... Так случилось и со мной. Человек, которого я встретил по другую сторону большого моря, казался похожим на тебя. Он понимал природу и любил ее, как свою мать. Но, вместе с тем, он был способен ненавидеть других людей. Он пытался склонить меня, а с моей помощью и других среди нас, чтобы мы «вели разведку» для его государства.

— Разведку?

— Ему казалось, что из нас получатся идеальные шпионы для обнаружения неприятельских атомных баз.

Я молчал. Мне было стыдно, ведь, как ни говори, я тоже принадлежал к Большим Людям.

Послышалось сначала приглушенное, затем все более мощное жужжание. Это был большой слепень. Он кружился около меня. Я не мог сдержать невольного страха: не люблю насекомых вроде слепней, шершней, ос... Слепень отлетел от меня и присел на островке клевера. Лив, сама немногим больше его, подлетела и начала гладить его желто-коричневую шерстку. Он казался разомлевшим от ласки, как кот, и тихонько жужжал. А через несколько минут поднялся в воздух и улетел.

— Я еще увижу вас когда-нибудь? — спросил я.

— Может быть. А может быть — и нет, — прошептал Эо.— Мы путешествуем по всему большому миру. Вместе с облаками. В ту пору, когда здесь холодно, мы живем в тех краях Земли, где всегда тепло и всегда светит солнце. Наверняка мы снова прилетим сюда весной или летом. Ты нас, наверное, запомнишь — ведь эта встреча с нами была для тебя приключением... Но запомним ли мы тебя — не знаю. Мы встречаем множество людей, похожих на тебя, таких, с которыми, как нам кажется, можно поговорить. Я думаю, что они будут существовать на Земле так же долго, как и мы. Если ты придешь сюда, на эту поляну, на будущий год, — может быть, однажды мы появимся тут снова. А если не мы, то кто-нибудь из наших сестер или братьев. Так что — до встречи, Большой Человек.

— До встречи, — сказал я, глядя, как они, собираясь лететь, поднялись в воздух и какой-то миг парили на высоте моего лица.

Лив помахала мне на прощание своей маленькой ручкой, а потом, быстро взлетев, они исчезли из поля моего зрения, устремляясь к белым облакам, непрерывным хороводом плывущим по прозрачному летнему небу.

Лестер Дель Рей

КРЫЛЬЯ НОЧИ

— Черт подери всех марсияшек! — Тонкие губы Толстяка Уэлша выплюнули эти слова со всей злобой, на какую способен оскорбленный представитель высшей расы. — Взяли такой отличный груз, лучшего иридия ни на одном астероиде не сыщешь, только-только дотянули до Луны — и не угодно ли, опять инжектор барахлит. Ну, попадись мне еще разок этот марсияшка...

— Ага. — Тощий Лейн нашарил позади себя гаечный ключ с изогнутой рукояткой и, крихтя и сгибаясь в три погибели, снова полез копать в нутре машинного отделения. — Ага. Знаю. Сделаешь из него котлету. А может, ты сам виноват? Может, марсиане все-таки тоже люди? Лиро Бмакис тебе ясно сказал: чтоб полностью разобрать и проверить инжектор, нужно два дня. А ты что? Заехал ему в морду, облаял его дедов и прадедов и дал ровным счетом восемь часов на всю починку. А теперь хочешь, чтоб

он при такой спешке представил тебе все в ажуре... Ладно, хватит, дай-ка лучше отвертку.

К чему бросать слова на ветер? Сто раз он спорил с Уэлшем — и все без толку. Толстяк — отличный космонавт, но начисто лишен воображения, никак не позабудет бредятину, которой пичкает своих граждан Возрожденная Империя: о высоком предназначении человека, о божественном промысле — люди, мол, для того и созданы, чтобы помыкать всеми иными племенами. А впрочем, если бы Толстяк его и понял, так ничего бы не выиграл. Лейн и высоким идеалам цену знает, тоже радости мало.

Он-то к окончанию университета получил лошадиную дозу этих самых идеалов да еще солидное наследство — хватило бы на троих — и вдохновенно ринулся в бой. Писал и печатал книги, произносил речи, беседовал с официальными лицами, вел переговоры в кулуарах, вступал в разные общества и сам их создавал и выслушал по своему адресу немало брани. А теперь он, ради хлеба насущного, перевозит грузы по трассе Земля — Марс на старой, изношенной ракете; на четверть ракета — его собственность. А тремя четвертями владеет Толстяк Уэлш, который возвысился до этого без помощи каких-либо идеалов, хотя начал уборщиком в метро.

— Ну? — спросил Толстяк, когда Лейн вылез наружу.

— Ничего. Не могу я это исправить, слабовато разбираюсь в электронике. Что-то разладилось в реле прерывателя, но по индикаторам не поймешь, где неполадка, а наобум искать опасно.

— Может, до Земли дотянем?

Тощий покачал головой.

— Навряд ли. Лучше сядем где-нибудь на Луне, если ты сумеешь дотащить нашу посудину. Тогда, может, и найдем поломку, прежде чем кончится воздух.

Толстяку тоже это приходило в голову. Пытаясь как-то уравновесить перебои в подаче горючего и кляня лунное притяжение — хоть и слабое, оно порядком мешало, — он повел ракету к намеченному месту: посреди небольшой равнины он высмотрел на редкость чистую и гладкую площадку, без каменных обломков и выбоин.

— Пора бы тут устроить аварийную станцию, — пробурчал он.

— Когда-то станция была, — сказал Лейн. — Но ведь на Луну никто не летает, и пассажирским кораблям тут са-

даться незачем, проще выпустить закрылки и сесть в земной атмосфере, чем тратить здесь горючее. А грузовики вроде нас не в счет. Странно, какая ровная и чистая эта площадка, мы в миле, не выше, и ни одной метеоритной царапинки не видно.

— Стало быть, нам повезло. Не хотел бы я шлепнуться в какой-нибудь кратеришко и сбить дюзу или пропороть обшивку.— Толстяк взглянул на высотомер и на указатель скорости.— Мы здорово грохнемся. Если... что за черт?

Тощий Лейн вскинул глаза на экран: в тот миг, как они готовы были удариться о поверхность, ровная площадка раскололась надвое, половинки плавно скользнули в стороны — и ракета стала медленно опускаться в какой-то кратер: он быстро расширялся, дна не было видно; рев двигателей вдруг стал громче. А экраны верхнего обзора показали, что над головой опять сошлись две прозрачные пластины. Веря и не веря собственным глазам, Лейн уставился на указатель высоты.

— Опустились на сто шестьдесят миль и попались в ловушку! Судя по шуму, тут есть воздух. Что за капкан, откуда он взялся? Бред какой-то!

— Сейчас не до того. Обратно не проскочить, пойдем вниз, а там разберемся. Черт, неизвестно еще, какая внизу площадка.

В таких вот случаях очень кстати, что Толстяк не страдает избытком воображения. Делает свое дело — опускается в исполинском кратере, будто на космодроме в Йорке, и занят только неравномерностью вспышек из-за барахлящего инжектора, а что ждет на дне, ему плевать. Тощий удивленно посмотрел на Толстяка, потом вновь уставился на экраны — может, удастся понять, кто и зачем построил этот капкан.

Льин лениво поворошил кучку песка и истлевшего сланца, выудил крохотный красноватый камешек, с первого раза не замеченный, и медленно поднялся на ноги. Спасибо Великим, очень вовремя они послали ему осыпь: старые грядки столько раз перерыты, что уже совсем истощились. Чуткими ноздрями он втянул запах магния, немножко пахло железом, и серы тут сколько угодно, все очень, очень кстати. Правда, он-то надеялся найти медь — хоть щепотку. А без меди...

Он отогнал эту мысль, как отгонял уже тысячи раз,

и подобрал грубо сработанную корзину, набитую камешками пополам с лишайником, которым заросла эта часть кратера. Свободной рукой растер в пыль осколок выветрившегося камня заодно с клочком лишайника и все вместе отправил в рот. Благодарение Великим за эту осыпь! Приятно ощущать на языке душистый магний, и лишайник тоже вкусный, сочный, потому что почва вокруг не истощенная. Если бы еще хоть крупцу меди — больше и желать нечего.

Лъин печально вильнул гибким хвостом, крикнул и побрел назад, к себе в пещеру; мельком глянул вверх, на далекий свод. Там, наверху, за много миль ослепительно сверкал луч света и, постепенно слабея и тускнея, слой за слоем пронизывал воздух. Значит, долгий лунный день близится к полудню, скоро солнце станет прямо над столовым шлюзом, и луч будет падать отвесно. Шлюз чересчур высоко, отсюда не увидишь, но Лъин знает: там, где покатые стены исполинской долины упираются в свод, есть перекрытое отверстие. Долгие тысячелетия вырождалось и вымирало племя Лъина, а свод все держится, хоть опорой ему служат только стены, образующие круг около пятидесяти миль в поперечнике, неколебимые, куда более прочные, чем сам кратер: единственный и вечный памятник былому величию его народа.

Лъин об этом не задумывался, он просто знал: свод не создан природой, его построили в те времена, когда Луна теряла остатки разреженной атмосферы, и племя napоследок вынуждено было искать прибежища в самом глубоком кратере, где кислород можно было удержать, чтоб не улетучивался. Лъин смутно ощущал протекшие с тех пор века и дивился прочности сводчатой кровли, над которой не властно время.

Некогда народ его был велик и могуч, тому свидетельство — исполинская долина под сводом. Но время не щадило его предков, оно состарило весь народ, как старило каждого в отдельности, отнимало у молодых силу и растило в них медленные, сосущие всходы безнадежности. Какой смысл прозябать здесь, взаперти, одинокой малочисленной колонией, не смея выйти на поверхность собственной планеты? Их становилось все меньше, они позабыли многое, что знали и умели прежде. Машины сломались, рассыпались в прах, и новыми их не заменили; племя вернулось к первобытному существованию, кор-

милось камнем, который выламывали из стен кратера, да выведенными уже здесь, внизу, лишайниками, что могли расти без солнечного света, усваивая энергию радиоактивного распада. И с каждым годом на грядках сажали все меньше потомства, но даже из этих немногих зерен прорастала лишь ничтожная доля, и от миллиона живущих остались тысячи, потом только сотни и под конец — горсточка хилых одиночек.

Лишь тогда они поняли, что надвигается гибель, но было уже поздно. Когда появился Лъин, в живых оставалось только трое старших, а остальные семена не дали ростков. Старших давно нет, уже многие годы Лъин в кратере один. Бесконечно тянется жизнь, вся она — только сон да поиски пищи, да еще мысли, вечно одни и те же, а тем временем его мертвый мир больше тысячи раз обращал свое лицо к свету и вновь погружался во тьму. Однообразие медленно убивало его народ, уже скоро оно доведет свое дело до конца. Но Лъина не тяготит такая жизнь, он привык и не замечает скуки.

Он брел неспешно, в лад медлительному течению мыслей, долина осталась позади, вот и дверь жилища, которое он выбрал для себя среди множества пещер, вырезанных в стенах кратера. Он постоял еще под рассеянным светом далекого солнца, пережевывая новую порцию камня пополам с лишайником, потом вошел к себе. В освещении он не нуждался: еще в незапамятные времена, когда народ его был молод, камень стен насытили радиоактивностью, и глаза Лъина улавливали световые волны едва ли не любой длины. Через первую комнату, мимо сплетенной из лишайников постели и кое-какой нехитрой утвари, он прошел дальше: в глубине помещалась детская, она же и мастерская; неразумная, но упрямая надежда влекла его в самый дальний угол.

И, как всегда, понапрасну. В ящике, полном плодородной почвы, рыхлой, мягкой, заботливо политой, ни намек на жизнь. Ни единый красноватый росток не проклюнулся, никакой надежды на будущее. Зерно не проросло, близок час, когда всякая жизнь на родной планете угаснет. С горечью Лъин отвернулся от детской грядки.

Недостает такой малости — и это так много! Съесть бы всего несколько сот молекул любой медной соли — и зерна, зреющие в нем, дали бы ростки; или прибавить те же молекулы к воде, когда поливаешь грядку, — и проросли бы

уже посеянные семена, выросли бы новые крепкие мужчины или, может, женщины. Каждый из племени Лъяна носил в себе и мужское и женское начало, каждый мог и в одиночку дать зерно, из которого вырастут дети. И пока еще жив хоть один из племени, можно за год взрастить на заботливо ухоженной почве сотню молодых... если б только добыть животворный гормон, содержащий в себе медь.

Но, как видно, не суждено. Лъян склонился к тщательно сработанному перегонному аппарату из выточенных вручную каменных сосудов и гибких стержней, скрепленных и связанных в трубки, и оба его сердца тоскливо сжались. Сухой лишайник и липкая смола все еще питали собою медленный огонь, и медленно сочилась из последней трубки капля за каплей и падала в каменную чашу. Но и от этой жидкости не исходит ни намека на запах медной соли. Что ж, значит, не удалось. Все, что за многие годы дал перегонный аппарат, Лъян подмешивал к воде, поливая грядку, почва детской всегда влажная, но ей не хватило минерала жизни. Почти бесстрастно Лъян вложил вечные металлические свитки, хранящие мудрость его племени, обратно в футляры и принялся разбирать на части химическое отделение мастерской.

Остается еще один путь, он труднее, опаснее, но иного выхода нет. Старинные записи говорят, что где-то под самым сводом, где воздух уже слишком разрежен и дышать нечем, есть вкрапления меди. Значит, нужен шлем, баллоны со сжатым воздухом; и еще крючья и скобы, чтобы взбираться по разъеденной временем древней дороге наверх, по лестнице, где разрушена половина ступеней; и нужны инструменты, распознающие медь, и насос, чтоб наполнить баллоны. Потом придется подтащить множество баллонов к началу подъема, устроить склад и, поднимаясь наверх, постепенно поднимать их тоже, устраивать новые склады, пока цепь запасов не достигнет самого верха... и тогда, быть может, он найдет медь для возрождения.

Он старался не думать о том, сколько на все это понадобится времени и как мала надежда на успех. Нажал педаль, заработали маленькие мехи, в примитивной кузнице вспыхнули язычки голубого пламени; он достал металлические слитки — надо раскалить их, чтобы поддавались ковке. Вручную придать им ту форму, какой требуют старинные записи и чертежи, задача почти невыполнимая — и

все же надо как-то справиться. Его народ не должен умереть!

Прошли долгие часы, а он все работал, и вдруг по пещере разнесся высокий пронзительный звук. В энерго-поле над створчатым шлюзом свода появился метеорит — и, видно, огромный! Такого, чтоб ожили защитные экраны, на памяти Льины еще не бывало, и он думал, что механизм больше не действует, хоть и рассчитан был на века, ведь Солнце должно питать его своей энергией, пока не погаснет. В растерянности стоял он, глядя на дверь, и вот свистящий звук повторился.

Если сейчас же не нажать решетку вводного устройства, автоматически включатся отклоняющие силы, и метеорит упадет в стороне от свода. Лъин не успел об этом подумать, просто кинулся вперед и прижал пальцы к решетчатой панели. Потому-то он и поселился именно в этой пещере. Некогда здесь помещалась Стража, в далеком прошлом она впускала и выпускала немногочисленные ракеты-разведчики. Решетка на миг засветилась, значит, метеорит вошел в кратер, и Лъин опустил руку, чтобы створы шлюза вновь сошлись.

И направился к выходу, нетерпеливо ожидая падения метеорита. Быть может, Великие добры и наконец отозвались на его мольбы. Раз он не может найти медь у себя дома, они посылают ему дар извне — а вдруг это баснословное богатство? Быть может, метеорит так велик, что еле уместится в ладони! Но почему он все еще не упал? Цепenea от страха, Лъин тревожно всматривался в далекий свод — неужели он опоздал и защитные силы отбросили метеорит прочь?

Нет, вот блеснул огонек, но не так должен бы вспыхнуть такой большой метеорит, врезаясь в сопротивляющийся воздух! До слуха наконец донесся сверлящий, прерывистый вой — метеорит должен бы звучать совсем иначе. В недоумении Лъин всмотрелся еще пристальней — да, вот он, гость, не падает стремглав, а опускается неторопливо, и яркий свет не угасает позади, а обращен вниз. Но это значит... это может означать только одно — разумное управление. Ракета!!!

На миг у Льины все смешалось в голове — уж не возвращаются ли предки из какого-то другого, неизвестного убежища? Или сами Великие решили его посетить? Но, привыкший рассуждать здраво, он отверг эти нелепые догадки.

Не могла такая машина прилететь из безжизненных лунных пустынь, а только со сказочной планеты, что находится под его родным миром, либо с тех, которые обращаются вокруг Солнца по другим орбитам. Неужели там есть разумная жизнь?

Он мысленно перебирал в памяти записи, оставшиеся с времен, когда предки, пересекая космос, летали к соседним планетам — задолго до того, как было построено убежище в кратере. Основать там колонии не удалось, непомерно велика оказалась сила тяжести, но космонавты подробно рассмотрели другие миры. На второй планете жили только чешуйчатые твари, скользющие в воде, да причудливые папоротники на редких клочках суши; на планете, вокруг которой обращается его родной мир, кишели исполинские звери, а сушу чокрывали растения, глубоко уходящие корнями в почву. На этих двух не нашлось ни следа разума. Вот четвертую планету населяли существа более понятные, схожие с предшественниками его народа на долгом пути эволюции: жизнь не разделялась на животную и растительную, то и другое сочеталось в единстве. Шарообразные комочки живого вещества, подвижные инстинктом, уже стягивались в стайки, но еще не могли общаться друг с другом. Да, из всех известных миров, вероятнее всего, именно там развился разум. Если же каким-то чудом ракета все-таки прилетела с третьего мира, надеяться не на что: слишком он кровожаден, это ясно из древних свитков, на каждом рисунке свирепые чудовища, огромные, как горы, раздирают друг друга в клочья. Лэин услышал, как опустился где-то поблизости корабль, и, полный страхов и надежд, направился к нему, туго свернув хвост за спиной.

Увидав у открытого люка двух пришельцев, он тотчас понял, что ошибся. Эти существа сложены примерно так же, как он, хотя гораздо крупней и массивнее. Значит, с третьей планеты. Он помедлил, осторожно наблюдая: они озираются по сторонам и явно рады, что тут есть чем дышать. Потом одно что-то сказала другому. Новое потрясение!

Оно говорит внятно, интонации явно разумны, но сами звуки — бессмысленное лопотанье. И это — речь?! Должно быть, все же речь, хотя в словах ни малейшего смысла. Впрочем... как там, в старинных записях? Сла-Вольнодумец полагал, будто в древности у жителей Луны не было речи,

они сами изобрели звуки и каждый наделили значением, и лишь после долгих веков привычка к звуковой речи преобразилась в инстинкт, с которым младенец рождался на свет; Вольнодумец даже подвергал сомнению ту истину, что сами Великие предусмотрели речь, осмысленные звуки как неизбежное дополнение к разуму. И вот... кажется, он был прав. Ощупью пробиваясь в тумане неожиданного открытия, Лъин собрал свои мысли в направленный луч.

И опять потрясение. Умы пришельцев оказались почти непроницаемы, а когда он наконец нашел ключ и начал нащупывать их мысли, стало ясно, что они его мыслей читать не могут! И однако, они разумны. Но тот, на котором он сосредоточился, наконец его заметил и порывисто ухватился за второго. Слова по-прежнему были коорявые, нелепые, но общий смысл сказанного человек с Луны уловил:

— Толстяк, это что такое?!

Второй пришелец обернулся и уставился на подходящего к ним Лъина.

— Не поймешь. Какая-то сухопарая обезьяна, в три фута ростом. По-твоему, она не опасная?

— Наверяд ли. Может быть, даже разумная. Этот купол наверняка сработала не какая-нибудь горсточка полит-эмигрантов — сразу видно, постройка не человеческая. Эй! — обратился к лунному жителю пришелец, который мысленно называл себя Тощим, хотя с виду был большой и плотный. — Ты кто такой?

— Лъин, — ответил тот, подходя ближе, и ощутил в мыслях Тощего удивление и удовольствие. — Лъин. Я — Лъин.

— Пожалуй, ты прав, Тощий, — проворчал Толстяк. — Похоже, он тебя понимает. Любопытно, кто прилетал сюда и обучил его говорить по-людски?

Лъин немного путался, не сразу удавалось различить и запомнить значение каждого звука.

— Не понимает людски. Никто прилетал сюда. Вы...

Дальше слов не хватило, он шагнул поближе, показывая на голову Тощего и на свою. К его удивлению, Тощий понял.

— Видимо, он читает наши мысли. Это телепатия.

— Ишь ты! Марсияшки тоже толкуют, будто они таким манером друг друга понимают, а вот чтоб они у человека

мысли прочитали, я ни разу не видал. Они толкуют, будто у нас мозги как-то не так открываются. Может, эта обезьяна, Рим этот, тебе все врет.

— Ну, вряд ли. Посмотри-ка на тестер, вон какая радиоактивность. Если бы здесь побывали люди и вернулись, об этом бы уже всюду кричали. Кстати, его зовут не Рим, больше похоже на Лин, а по-настоящему нам не выговорить. — Он послал мысль Льину, и тот послушно повторил свое имя. — Видишь? У нас эл — плавный звук, а у него взрывной. А согласный на конце он произносит как губной, хотя и похоже на наш зубной. В нашей речи таких звуков нет. Интересно, насколько он разумен.

Не успел Льин составить подходящий ответ, как Тощий нырнул в люк корабля и через минуту вернулся с пакетом под мышкой.

— Космический разговорник, — объяснил он Толстяку. — По таким сто лет назад обучали марсиан. — И обратился к Льину: — Тут собраны шестьсот самых ходовых слов нашего языка и расположены так, чтобы как можно легче их постепенно усвоить. Смотри на картинки, а я буду говорить и думать слова. Ну-ка: о-дин... два... понимаешь?

Толстяк Уэлш некоторое время смотрел и слушал и отчасти потешался, но скоро ему это надоело.

— Ладно, Тощий, можешь еще понынчиться со своим туземцем, вдруг узнаешь что-нибудь полезное. А пока ты не принялся за ремонт, я пойду осмотрю стены, любопытно, что тут есть радиоактивного. Эх, жаль, на наших грузовиках передатчики никудышные, вызывай не вызывай — далеко не услышат.

И он побрел прочь, но Льин и Тощий этого даже не заметили. Они поглощены были нелегкой задачей — найти средства общения; казалось бы, за считанные часы, при совсем разном жизненном опыте, это неосуществимо. Но как ни странны были чужие звуки и сочетания слов, как ни причудливо соединялись они в значимые группы, в конце концов это была всего лишь речь. А Льин появился на свет, уже владея речью чрезвычайно сложной, но для него естественной, как дыхание. Усиленно кривя губы, он один за другим одолевал трудные звуки и неизгладимо утверждал в мозгу их значение.

Под конец Толстяк, идя на голоса, отыскал их в пещере

Лъина, уселся и смотрел на них, точно взрослый на малыша, играющего с собакой. Не то чтобы Лъин вызывал у него недоброе чувство, но и человеком Толстяк его не считал: так, смышленное животное, вроде марсиан или дикарей с Венеры; ну а если Тощему угодно обращаться с ним как с равным, пускай покуда тешится.

Лъин смутно улавливал и эти мысли, и еще другие, более опасные; но его слишком захватило общение с живым разумом, ведь почти столетие он провел в полном одиночестве. А было кое-что и поважнее. Он подергивал хвостом, разводил руками и усердно одолевал земные звуки. Тощий, как мог, попевал за ним.

Наконец землянин кивнул:

— Кажется, я понял. Все, кроме тебя, уже умерли, и тебе очень не по душе, что выхода никакого нет. Гм-м. Мне такое тоже не понравилось бы. И теперь ты думаешь, что эти твои Великие, а по-нашему Бог, послали нас сюда поправить дело. А как поправить?

Лъин просиял, лицо его сморщилось и скривилось от удовольствия, и он не сразу понял, что Тощий неверно истолковал эту гримасу. Намерения у Тощего добрые. Если он поймет, в чем нужда, он, пожалуй, охотно даст меди, ведь из древних записей известно, что третья планета богаче всех минералами.

— Нужен Нра. Жизнь получается от того, что из многих простых вещей делается одна не простая; воздух, что надо для питья, что надо для еды — это все у меня есть, и я живу. А чтобы начаться новой жизни, нужен Нра. Он — начало начал. Само зерно неживое, будет Нра — оно оживет. Только у меня нет слова.

С нетерпением он ждал, пока Тощий все это усвоит.

— Какой-то витамин или гормон, что ли? Вроде витамина Е6? Может, мы и могли бы его сделать, если...

Лъин кивнул. Да, конечно. Великие добры. На обоих сердцах у него потеплело от мысли о многих заботливо укрытых про запас зернах, их можно прорастить, была бы только желанная медь. А теперь человек с Земли готов ему помочь. Еще немножко терпения, и все будет хорошо.

— Делать не надо! — весело пропищал он. — Простая штука. Зерно или я — мы можем сделать внутри себя. Но для этого нам нужен Нра. Смотри.

Он взял камешки из корзины, размял в горсти, старательно разжевал и знаками показал, что у него внутри камень изменяется.

Толстяк Уэлш заинтересовался:

— А ну, обезьяна, съешь еще!

Льин охотно повиновался. Как странно — значит, сами они едят только то, что приготовили для них другие живые существа.

— Ух, черт! Он лопает камни... самые настоящие камни! Слушай, Тощий, у него что же, зуб, как у птицы?

— Он их переваривает. Почитай-ка о прамарсианах, они были наполовину животные, наполовину растения, и у него, очевидно, обмен веществ идет так же. Вот что, Лин, как я понимаю, тебе нужен какой-то химический элемент. Натрий, кальций, хлор? Нет, этого всего здесь, должно быть, хватает. Может, йод? Гм-м.

Он перечислил десятка два элементов, которые, по его соображениям, могли как-то содействовать жизни, но меди среди них не оказалось, и в мысли лунного жителя понемногу закрадывался страх. Неужели этот странный барьер, мешающий им понимать друг друга, все погубит?!

Где же выход? И вдруг он вздохнул с облегчением. Ну конечно, общего слова нет, но структура химического элемента всюду одна и та же. Он торопливо перелистал разговорник, нашел чистую страницу и взял у землянина карандаш. Толстяк и Тощий смотрели во все глаза, а Льин тщательно, начиная от центра, частицу за частицей, вычертил строение атома меди, открытое великими физиками его народа.

И они ничего не поняли! Тощий покачал головой и вернул листок.

— Насколько я догадываюсь, приятель, это схема какого-то атома... но тогда нам, на Земле, еще учиться и учиться! — Он даже присвистнул.

Толстяк скривил губы:

— Если это атом, так я сапог всмятку. Пошли, Тощий, уже время спать, а ты полдня валял дурака. И потом, надо помозговать насчет этой самой радиации. Мы бы тут с тобой спеклись в полчаса, спасибо, недели походные нейтронизаторы... а обезьяне это, видно, только на пользу. И у меня есть одна идея.

Тощий вышел из мрачного раздумья и посмотрел на часы.

— Ах, черт! Послушай, Лин, ты не падай духом, завтра мы это еще обсудим. А сейчас Толстяк прав, нам с ним пора спать. До скорого, приятель!

Льин кивнул, на время прощаясь с ними на родном языке, и тяжело опустился на жесткое ложе. За дверью Толстяк с жаром начал развивать некий план — как с помощью Льина добывать радиоактивные вещества; слышался протестующий голос Тощего. Но Льину было не до этого. Атом меди он, конечно, изобразил правильно, однако наука землян делает еще только первые шаги, они слишком мало знают о строении атома, им не разобраться в его чертежах.

Писать химические формулы? Реакции, которые включают один за другим все элементы, кроме меди? Будь они химиками, они, может, и поняли бы, но даже Тощий знает слишком мало. И все же какой-то выход должен быть, разве что на Земле вовсе нет меди. Уж наверно Великие, которых земляне называют Богом, не отозвались бы на мольбы многих поколений злой насмешкой. Выход есть — и, пока пришельцы спят, Льин его найдет, хотя бы в поисках ключа пришлось перерывать все древние свитки.

Несколько часов спустя, вновь полный надежд, он устало брел по долине к земному кораблю. Найденное решение оказалось простым. Все элементы объединяются по семействам и классам. Тощий упоминал о натрии — даже по самым примитивным таблицам, какими, наверно, пользуются на Земле, можно установить, что натрий и медь относятся к одному семейству. А главное, по простейшей теории, наверняка доступной народу, уже строящему космические ракеты, атомный номер меди — двадцать девять.

Оба люка были открыты. Льин проскользнул внутрь, безошибочно определяя направление по колеблющимся, смутным мыслям спящих людей. Дошел до них — и остановился в сомнении. Он ведь не знает их обычаев, но уже убедился: то, что для его народа было истиной, далеко не всегда правильно для землян. Вдруг им не понравится, если он их разбудит? В нем боролись учтивость и нетерпение; наконец он присел на корточки на металлическом полу, крепко сжимая древний свиток и принюхиваясь к окру-

жающим металлам. Меди здесь не было, но он и не надеялся так просто найти столь редкий элемент; впрочем, тут были и такие, которых он совсем не мог определить — должно быть, из тяжелых, какие на Луне почти не существуют.

Толстяк что-то пробурчал, замахал руками, зевнул и сел, еще толком не проснувшись. Его мысли полны были кем-то с Земли, в ком присутствовало женское начало (которого, как уже заметил Лъин, оба гостя были лишены), и еще тем, что станет делать он, Толстяк, «когда разбогатеет». Лъин живо заинтересовался изображением этой мысли, но потом спохватился: тут явно секреты, не следует в них проникать без спроса. Он отвел свой ум, и тогда-то землянин его заметил.

Спросонья Толстяк Уэлш всегда бывал не в духе. Он вскочил, зашарил вокруг в поисках чего-нибудь тяжелого.

— Ах ты, подлая обезьяна! — взревел он. — Чего шныряешь? Вздумал нас прирезать?

Лъин взвизгнул и увернулся от удара, который расплющил бы его в лепешку; непонятно, в чем он провинился, но безопаснее уйти. Физический страх был ему незнаком, слишком много поколений жило и умерло, не нуждаясь в этом чувстве. Но его ошеломило открытие, что пришельцы способны убить мыслящее существо. Неужели на Земле жизнь ничего не стоит?

— Эй, брось! Прекрати! — Шум разбудил Тощего; Лъин мельком оглянулся: Тощий сзади схватил Толстяка и не давал шевельнуть рукой. — Полегче, слышишь! Что у вас тут?

Но Толстяк уже окончательно проснулся и остывал. Выпустил из рук металлический брус, криво усмехнулся:

— Сам не знаю. Может, он ничего худого и не задумал, только я проснулся, вижу, он сидит, пялит на меня глаза, а в руках железка, ну, мне и показалось — он хочет перерезать мне глотку или вроде того. Я уже очухался. Поди сюда, обезьяна, не бойся.

Тощий выпустил его и кивнул Лъину:

— Да-да, приятель, не уходи. У Толстяка свои заскоки насчет людей и нелюдей, но в общем-то он добрый. Будь хорошей собачкой, и он не станет пинать тебя ногами, даже за ухом почешет.

— Чушь! — Толстяк ухмылялся, добродушие вернулось к нему. Он понимал, что Тощий острит, но не обижался. Марсияшки, обезьяны... ясно, они не люди, с ними и разговор другой, ничего плохого тут нет.— Что ты притащил, обезьяна? Опять картинки, в которых никакого смысла нету?

Льин кивнул, подражая их жесту, означающему согласие, и протянул свиток Тощему. Толстяк держится уже не враждебно, однако неясно, чего от него ждать, а Тощему, видимо, интересно.

— Надеюсь, в картинках много смысла. Вот Нра — двадцать девятый, под натрием.

— Периодическая таблица,— сказал Тощий Толстяку.— По крайней мере, похоже. Дай-ка мне справочник. Гм-м. Под натрием, номер двадцать девять. Натрий, калий, медь. Двадцать девятый, все правильно. Это оно и есть, Лин?

Глаза Льина сверкали торжеством. Благодарение Великим!

— Да, это медь. Может быть, у вас найдется? Хотя бы один грамм?

— Пожалуйста, хоть тысячу граммов. По твоим понятиям, у нас ее до отвала. Бери сколько угодно.

И тут вмешался Толстяк:

— Ясно, обезьяна, у нас есть медь, если это ты по ней хныкал. А чем заплатишь?

— Заплатишь?

— Ясно. Что дашь в обмен? Мы помогаем тебе, а ты нам — справедливо?

Льину это не приходило в голову — но как будто справедливо. Только что же он может им дать? И тут он понял, что у землянина на уме. За медь ему, Льину, придется работать: выкапывать и очищать радиоактивные вещества, с таким трудом созданные в пору, когда строилось убежище; вещества, дающие тепло и свет, нарочно преобразованные так, чтобы утолять все нужды племени, которому предстояло жить в кратере. А потом работать придется его сыновьям, и сыновьям сыновей, добывать руду, выбиваться из сил ради Земли, и за это им будут платить медью — в обрез, только-только чтобы Земле хватало рудокопов. Мозг Толстяка снова захлестнули мечты о том земном создании. И ради этого он готов обречь целый народ прозябать без гордости, без надежд, без свершений.. Непостижимо! На

Земле так много людей — для чего им обращать Льина в раба?

И рабство — это еще не все. В конце концов Земля пресытится радиоактивными материалами, либо, как ни велики запасы, они иссякнут — и нечем будет поддерживать жизнь... так или иначе, впереди гибель. Льин содрогнулся: слишком страшный навязывают выбор.

Тощий опустил руку ему на плечо.

— Толстяк немного путает, Лин. Верно, Толстяк?

Пальцы Тощего сжимали что-то... Оружие, смутно понял Льин. Второй землянин поежился, но усмешка не сходила с его лица.

— Дурень ты, Тощий. Чокнутый. Может, ты и веришь в эту дребедень — что все люди и нелюди равны, но не убьешь же ты меня из-за этого. А я человек старых взглядов, я свою медь задаром не отдам.

Тощий вдруг тоже усмехнулся и спрятал оружие.

— Ну и не отдавай. Лин получит мою долю. Меди у нас вдосталь, без некоторых вещей мы вполне обойдемся. И не забывай, четверть всего, что есть на корабле моя.

На это в мыслях Толстяка не нашлось ответа. Он подумал немного и пожал плечами. Тощий прав, своему паю он хозяин. Ну и пусть...

— Ладно, воля твоя. Я тебе помогу раскопать, что у нас есть подходящего. Может, взять ту проволоку, знаешь, в ларе в машинном отделении?

Льин молча смотрел, как они отперли небольшой ящик и стали там рыться; половина его ума изучала механизмы и управление, вторая половина ликовала: медь! И не какая-то горсточка, а столько, сколько он в силах унести! Чистая медь, которую так легко превратить в съедобный купорос при помощи кислот,— он еще раньше их приготавливал, когда пытался добыть медь здесь, у себя. Через год кратер вновь будет полон жизни. Он оставит триста, а может быть, и четыреста сыновей, и у них будут еще и еще потомки!

Одна деталь схемы сцепления, которую он изучал, заставила Льина перенести центр тяжести на половину ума, занятую окружающими механизмами; он потянул Тощего за штанину.

— Это... вот это... не годится, да?

— А? Да, тут что-то разладилось. Потому нас к тебе и занесло, друг. А что?

— Тогда без радиоактивных. Я могу платить. Я исправлю.— На миг его взяло сомнение.— Это ведь тоже значит платить, да?

Толстяк вытащил из ящика большой моток чудесной, душистой проволоки, утер пот со лба и кивнул.

— Верно, это была бы плата, только ты эти штуки не тронь. Они и так ни к черту не годятся и, может, Тощий даже не сумеет исправить.

— Я могу исправить.

— Ну да. Ты в каких академиях обучался электронике? В этом мотке двести футов, стало быть, на его долю пятьдесят. Ты что же, Тощий, свою всю ему отдашь?

— Да, пожалуй.— Тощий почти не следил за тем, как Толстяк отмерял и резал проволоку, с сомнением смотрел он на Лына.— Слушай, Лин, а ты в таких вещах разбираешься? Ионный двигатель — штука не простая, в схеме питания черт ногу сломит. С чего ты взял, что сумеешь починить инжектор? Разве у вашего народа были такие корабли и ты изучал чертежи?

Мучительно подыскивая слова, Лын попытался объяснить. Нет, у его народа ничего похожего не было, атомные устройства работали по-другому, ведь на Луне урана почти нет, и энергию атома использовали непосредственно. Но принципы ему ясны уже из того, что он видит со стороны: он прямо в голове чувствует, как что должно работать.

— Я чувствую. Когда я только-только вырос, я уже мог это исправить. Записи и чертежи я все прочел, но главное не что я изучал, а как я думаю. Триста миллионов лет мой народ все это изучал, а теперь я просто чувствую.

— Триста миллионов лет! Когда ты сказал, что прямо сроду умеешь и говорить и читать, я понял, что ваше племя очень старое, но чтоб так... У нас тогда еще динозавры бегали!

— Да, мои предки видели таких зверей на вашей планете,— серьезно подтвердил Лын.— Так я буду чинить?

Тощий растерянно мотнул головой и молча передал Лыну инструменты.

— Слышишь, Толстяк? Триста миллионов лет, и почти все это время они были далеко впереди нас теперешних. Ты только подумай! Мы были еще так, букашки, кормились

динозавровыми яйцами, а эти уже летали с планеты на планету! Подолгу, наверно, нигде не оставались, сила тяжести для них вшестеро выше нормальной. А своя планета маленькая, воздух не удержала, пришлось зарыться в яму... Вот и остался от них от всех один Лин!

— И поэтому он механик?

— У него инстинкт. Знаешь, какие инстинкты за такой срок развились у животных и у насекомых? У него чутье на механизмы — может, он и не знает, что это за машина, но чувствует, как она должна работать. Да еще прикинь, сколько он мне научных записей показывал и сколько всего, наверно, перечитал... я думаю, нет на свете такой машины, с которой он бы не сладил.

Толстяк решил, что спорить нет смысла. Либо эта обезьяна все исправит, либо им отсюда не выбраться. Лъин взял кусачки, отключил все контакты пульта управления и теперь обстоятельно, деталь за деталью, разбирал его. С необычайной ловкостью расцеплял провода, извлекал электронные лампы, разъединял трансформаторы.

Лъину ничего не стоило в этом разобраться. Земляне получают энергию из атомного топлива — используют определенные свойства ионизированного вещества, регулируют скорость ионизации, а затем реактивная струя через дюзы с большой скоростью выбрасывается наружу. Простейшая задача по электронике — управляемая реакция.

Маленькими проворными руками он, виток за витком, свернул проволоку в спираль, свернул вторую, между ними поместил электронную лампу. Вокруг этого узла появились еще спирали и лампы, затем длинная трубка — фидер, Лъин соединил ее с трубопроводом, подающим смесь для ионизации, укрепил шину. Инжекторы оказались излишне сложны, но их он трогать не стал, годятся и так. На все вместе не ушло и пятнадцати минут.

— Будет работать. Только в первый раз включайте осторожно. Теперь это работает на всю мощность, не так мало, как раньше.

Тощий осмотрел сделанное.

— И это все? У тебя же осталась куча свободных деталей — куда их?

— Это было совсем ненужное. Очень плохое. Теперь хорошо.

И Лъин старательно объяснил Тощему, как будет ра-

ботать новая конструкция. Прежнюю мог объяснить только опытный специалист, отлично владеющий сложной терминологией. Но то, что вышло сейчас из рук Лыина, было плодом знания, оставившего далеко позади неуклюжие сложности первых робких попыток. Если что-то надо сделать, это делается как можно проще. Теперь Тоший только диву давался — почему люди так не сделали с самого начала?! И как ему было не удивляться, когда все вдруг оказалось просто и ясно... Он кивнул.

— Отлично. Вот это да, Толстяк! Коэффициент полезного действия примерно 99,99 процента, а раньше у нас было не больше двадцати. Ты молодчина, Лин!

Толстяк ничего не понимал в электронике, но объяснения Лыина звучали убедительно, говорить больше не о чем. И он направился к рубке.

— Ладно, значит, отбываем. До скорого, обезьяна.

Тоший подобрал медную проволоку, подал Лыину и проводил его к люку. Лунный житель вышел из корабля, поднял голову к закрывающемуся люку и старательно улыбнулся на земной манер.

— Я открою створы и выпущу вас. И я вам заплатил, и все справедливо, так? Тогда — до скорого, Тоший. Да полюбят тебя Великие за то, что ты вернул мне мой народ.

— Прощай,— отозвался Тоший и помахал рукой.— Может, мы еще когда-нибудь тебя навестим, посмотрим, как ты тут процветаешь.

Люк закрылся.

И вот Лыин снова у себя в пещере, нежно гладит медную проволоку и ждет грома ракетных двигателей; ему и радостно и тревожно. Медь — это счастье, но мысли, которые он прочел у Толстяка, сильно его смущают. Что ж, меди хватит для многих поколений, а что будет дальше с его народом — это во власти Великих.

Он вышел за дверь и смотрел, как уносится вверх теперь уже не мигающий, уверенный огонек, унося с собой судьбу его племени. Если эти двое расскажут на Земле о радиоактивных камнях, впереди рабство и гибель. Если промолчат, быть может, его племя возродится к прежнему величию и вновь отправится на другие планеты; когда-то, еще в пору своего расцвета, лунный народ от этих попыток отказался, но ведь теперь на других мирах его встретят не

дикие джунгли, а жизнь и разум. Быть может, когда-нибудь, владея древним знанием и покупая на других планетах вещества, которых нет на Луне, потомки даже найдут способ вернуть родному миру былое великолепие — не об этом ли мечтали предки, пока ими не овладела безнадёжность и не простерлись над его народом крылья ночи...

Льин смотрел вверх: ракета поднималась над ним по спирали, то заслоняя, то вновь открывая просвет в вышине, равномерная смена тени и света — будто мерные взмахи крыльев в незапамятной дали времен, когда воздух над Луной был еще полон летучих существ. Наконец черные крылья достигли свода, Льин открыл шлюз, они скользнули наружу — и стало совсем светло... может, это предзнаменование? Но как знать, доброе или дурное?

Он понес медную проволоку в детскую.

А на корабле Тощий Лейн смеющимися глазами следил за Толстяком Уэлшем — тому явно было не по себе, он пытался собраться с мыслями.

— Ну? — сказал Тощий. — Каков наш приятель? Пожалуй, не хуже людей, а?

— Угу. Пускай даже лучше. Я на все согласен. Он не хуже меня... а может, и получше. Хватит с тебя?

— Нет. — Тощий ковал железо, пока горячо. — Как насчет радиоактивных материалов?

Толстяк подбавил двигателям мощности и ахнул: ракета рванулась вперед с небывалой силой, его вдавило в кресло. Он осторожно перевел дух, немного посидел, глядя в одну точку. Наконец пожал плечами и обернулся к Тощему:

— Ладно, твоя взяла. Обезьяну никто не тронет, я буду держать язык за зубами. Теперь ты доволен?

— Ага.

Тощий был не просто доволен. Он тоже в случившемся видел предзнаменование, и значит, идеалы не такая уж глупость. Быть может, когда-нибудь черные крылья предрассудков и чванливого прёзрения ко всем иным племенам и расам перестанут заслонять небо Земной империи, как перестали они застилать глаза Толстяку. Вероятно, ему, Лейну, до этого не дожить, но в конце концов так будет. И править миром станет не одна какая-либо раса, но разум.

— Да, Толстяк, я очень доволен. И не горюй, ты не так уж много потерял. На этой Линовой схеме сцепления мы с тобой разбогатеем; я уже придумал, новый способ пригодится, по крайней мере, для десяти разных механизмов. Что ты станешь делать со своей долей?

Толстяк расплылся в улыбке:

— Начну валять дурака. Помогу тебе снова-здорово взяться за твою пропаганду, будем вместе летать по свету и целоваться с марсияшками да с обезьянами. Любопытно, про что сейчас думает наша обезьянка.

А Лъин в эти минуты ни о чем не думал: он уже решил для себя загадку противоречивых сил, действующих в уме Толстяка, и знал, какое тот примет решение. Теперь он готовил медный купорос и уже провидел рассвет, идущий на смену ночи. Рассвет всегда прекрасен, а этот — просто чудо!

Збине́к Черник

ДОРОГА К НАЧАЛУ ВЕКОВ

Гуго небрежно взялся за рычаг автоматического торможения и безразлично ждал, пока исчезнет магнитное поле под гидроракетой. Спускаемый аппарат мягко сел на побережье. Только теперь он с некоторым облегчением взглянул на своих слегка одуревших спутников. Те зачарованно смотрели на необозримый простор Большой Лужи, которую они только что переплыли, и на столь же необозримую равнину, расстилавшуюся перед ними, на краю которой, где-то в туманной дали, вырисовывались силуэты огромных удивительных сооружений кубической формы.

— Итак, господа,— проронил Гуго,— вам что-нибудь не по душе, признавайтесь! Вот, глядите — инфузории плавают.

На Оскара с Теодором ему удалось произвести должное впечатление, но его собственный братишка Венделин, су-

щество без меры трусливое и любопытное, стал совершенно не к месту выламываться и заводиться, забывая о дисциплине и боевом духе.

— А что, если узнают? Что, если нам попадет? — заныл мальчишка таким противным голосом, что едва не разозлил своего старшего (на четыре года) брата.

Это нытье, конечно, было проявлением отвратительной трусости, а трус, само собой, не годился для участия в экспедиции Гуго; Венделина пришлось взять, иначе он проболтался бы родителям. Но если рассуждать объективно, в словах малыша все-таки было что-то рациональное — ведь речь шла о рискованном и, если говорить честно, — совершенно незаконном предприятии. Оно было опасно и противозаконно хотя бы потому, что Гуго для своей экспедиции «увел» отцовскую гидроракету. Гидроракеты были единственным средством, с помощью которого можно было переплыть Большую Лужу, а похищение ракеты грозило, в случае раскрытия, поркой с применением электронной розги. И что хуже всего, вопреки запретам, они решили добраться до противоположного берега Большой Луи, берега загадочного и полного опасностей — там, по всей вероятности, и люди никогда не жили.

Старинные предания и легенды толковали, что в том краю когда-то обитали гиганты и другие сверхъестественные существа — должно же было от них хоть что-то остаться!..

Понятно, что все эти рассказы казались совершенно невероятными и невозможными, однако, так или иначе, Совет мудро рассудил, что за Большой Лужей абсолютно ничего нет, но из соображений безопасности и так, на всякий случай, всякие поездки туда были строжайше запрещены.

И только теперь, когда до Гуго дошло, какие последствия будет иметь его затея, в случае, если узнают взрослые, он лишился обычной отваги, но только на короткое время. Решимость и уверенность в себе снова вернулись к Гуго, как и подобало предводителю экспедиции. Никаких дискуссий и сомнений в экипаже. Венделину он ответил коротко и ясно:

— Цыц, малявка!

Маленький Венделин, к удивлению Гуго, не нашел, что ответить, и замолчал. А Гуго дал приказ высаживаться

и выбросил из корпуса гидроракеты быстродействующий якорный захват.

Когда замолк двигатель якорного захвата, все какое-то время лишь удивленно озирались. Тут было на что посмотреть. Ребята в жизни не видели ничего подобного. Перед ними вроде был дом, но в сто раз больше, чем нормальное человеческое жилище.

— Ничего себе — размеры! — проговорил Теодор. — Настоящий замок великана.

— Расскажи еще про Бабу Ягу, колдуна и огненные сани! — Гуго попробовал пошутить, но тут же вспомнил, что командир ни при каких обстоятельствах не имеет права выказывать страх.

Однако воодушевить команду ему не удалось.

— Нет, вы только посмотрите на эти ступени, — не унимался Теодор. — Каждая не меньше чем 200 миллиметров. Кто же это может по ним ходить?

— Влезем как-нибудь, — резюмировал Гуго. — Разве мы не спортсмены? В здоровом теле здоровый дух. Пошли!

Гуго решительно прошел по якорному трапу, стараясь, чтобы никто не заметил, как дрожат у него коленки, и направился прямо к таинственному сооружению. Что оставалось делать команде? Маленький отряд неохотно и неуверенно последовал за командиром.

Это был бесконечный лабиринт. Вечность прошла, пока они, задыхаясь, одолели ступени и добрались до коридора. И еще вечность, пока прошли этот коридор из конца в конец. Там было несчетное количество дверей огромных размеров. Ребята вряд ли отворили бы эти двери — но щели под ними были такие огромные, что через них свободно мог пройти и взрослый человек. За дверями находились комнаты соответствующих размеров, а в них, кроме голых стен, ничего не было. Наконец, дом выдал одну из своих тайн.

На одной из дверей, что вела в подвальное помещение, была надпись, сделанная такими же большими, как все в этом доме, буквами. Надпись свидетельствовала о том, что

здесь находится звуковой миниархив наиболее важных проектов, патентов и изобретений.

— Что такое миниархив? — спросил малыш Венделин.

Любознательство пересилило в нем страх. Что такое миниархив, не знал даже сам Гуго. Но командиру экспедиции было стыдно признаться в этом, поэтому он приказал, как и прежде:

— Заткни пасть, малявка!

За дверью все блестело, сверкало и искрилось. Сотни и тысячи стеклянных коробок с пленками, тесно одна к другой, стояли на полу. Прямо глаза разбегались.

Члены экспедиции подошли к коробкам и попробовали поднять одну из них, открыть или разбить — безуспешно. И вдруг...

Что-то зазвенело, коробка с пленкой сама собой раскрылась, и какой-то удивительный голос монотонно заговорил:

— «Важнейший проект № 28233674872999456002 ГММГ — Генетический Метод Миниатюризации Голма. Автор — профессор Рихард Голм. Институт Генетики».

Теодор с Оскаром в испуге отскочили в сторону, а малыш Венделин разинул рот и даже забыл спросить, что такое генетический метод миниатюризации.

— Чего испугались? — спокойно спросил Гуго. — Это всего лишь магнитофон. Обыкновенный магнитофон, маг, только древней конструкции, его сделали наши предки.

И Гуго засмеялся, довольный своим остроумием, а остальные несмело присоединились к нему.

Теперь с магнитофонной ленты звучал голос самого профессора Голма:

— «Известные всем проблемы современного мира (прежде всего, головокружительный рост населения Земли, грозящая нехватка энергоресурсов и продуктов питания, которые нельзя, к сожалению, решить путем эмиграции в ближайшие галактики, так как последние космические полеты в целом доказали непригодность их для жизни человека...)».

— Что такое эмиграция? Что такое галактика? И что такое космические полеты? — Малыш Венделин снова выступал в своем репертуаре.

Гуго прошипел обычное «цыц, малявка» и многозначительным жестом заставил братишку замолчать.

— «Так вот, эти проблемы заставили меня попытаться

разрешить их путем генетического уменьшения рода человеческого,— продолжал профессор Голм.— Я разработал метод, применение которого к человеческому индивидууму повышает его миниатюризацию приблизительно на 10 процентов в каждом последующем поколении, то есть, например, 42 процента в пятом поколении и 66 процентов — в десятом.

Поэтому я позволю себе заявить, что человеком будущего станет очень маленький человек, если сравнить с нашими размерами, можно так выразиться — мальчик с пальчик, который будет занимать незначительное пространство и потреблять незначительное количество продуктов питания, причем по интеллекту и относительному физическому развитию не уступит современному человеку...»

Тут в магнитофоне что-то затрещало и зашипело, раздался звон, стеклянная крышка вернулась на место, и в помещении надолго установилась враждебная гробовая тишина.

Гидроракета неслась в обратном направлении, а ребята смущенно поглядывали друг на друга. Они не знали, что и думать о том, что им пришлось увидеть и услышать.

— Вы представляете, что было бы, если бы этот метод Голма и вправду нашел применение,— предположил Теодор.

— Мы бы все превратились в мужичков с ноготок, только и всего,— засмеялся Оскар,— стали бы такими маленькими, что и увидеть было бы невозможно.

— Не беспокойся,— заметил Теодор,— ты и так от горшка два вершка.

Все замолчали.

Гуго сидел с неприступным видом, он мужественно щурился, высматривая родной берег. Только бы их никто не заметил на пристани, и все обойдется...

Все опасения оказались напрасными — на пристани не было ни души, зато из города доносились веселые крики и пение.

Там был большой праздник. Совет всегда устраивал

такие праздники по случаю удачной охоты. Ребята побежали в город.

Главная площадь была битком набита людьми, они собирались вокруг больших атомных жаровен.

— Мы поймали более двухсот штук, — охотно объяснил ребятам первый, кого они встретили.

Прохожий спешил к жаровням, глотая слюнки в предвкушении ужина. — Пошли вместе!

Гуго с товарищами подошли к ближайшему грилю-жаровне. На вертеле медленно поворачивалось огромное туловище черного муравья.

Эмио Донаджо

УВАЖАТЬ МИКРОБЫ

Насморк. О нем упоминалось в старинном документе, который прислал Звездный университет. Микроб был отчетливо виден через предохранявшее его сверхпрочное стекло.

Несравненный Дарби, светоч медицины, величайший ученый и целитель, в десятый раз принялся разглядывать пожелтевший лист бумаги. Он покачивался в паровом кресле, стараясь принять менее удобное положение. У него был легкий приступ чрезмерного благополучия, весьма распространенного заболевания, которое он легко излечивал у других. Насморк. Эта проблема мучила его уже несколько месяцев — с тех пор как он занялся изучением древних болезней.

Очевидно, это был чудовищно сильный микроб! И род человеческий, наверно, терпел ужасные муки. У несравненного Дарби мурашки забегали по коже. Возможно, он

сам — плод мутаций, вызванных этим страшным микробом. Указательным пальцем правой ноги он нажал кнопку на паровом кресле. Немедленно явился робот. «Год три тысячи пятый, день шестидесятый, двадцать часов, восемь минут...»

Несравненному Дарби с легкостью удалось избежать утомительных формальностей. Ведь обычно всякий, кто вызывает робота, принужден выслушать сообщение о годе, дне, часе и местоположении. Но несравненный Дарби не ведал препятствий.

— Я бы хотел знать, — сразу же приступил он к делу, — что мы записали в последние дни относительно насморка?

— Это весьма древняя болезнь, — ответил робот. — Вчера господин в момент озарения открыл, что она вызывалась переохллл... Прошу прощения, это слово встретилось мне впервые, и мои рецепторы плохо его усвоили.

— Вызывалась переохлаждением. И все?

— Да, все, господин.

Несравненный Дарби отпустил робота-ассистента. Он с нетерпением ждал вызова. Случай необузданной любви или неотвязной тоски помог бы ему отвлечься на время от крайне утомительных исследований, связанных с этой загадочной болезнью. Но, увы, в последнее время свирепствовала эпидемия чрезмерного благополучия, а это его мало интересовало. Он предписывал таким больным кресла из твердых материалов, а в тяжелых случаях — кровати с матрасами, и больные быстро выздоравливали.

Итак... насморк вызывался переохлаждением. Действовал он также и на голосовые связки. Доказательство этому он, Дарби, обнаружил в сохранившемся с незапамятных времен отрывке пьесы. Там была реплика: «Мама, я люблю тебя». А затем шла ремарка: «Произносится так, словно у вас насморк: гама, я гублю тебя».

«До чего же страшной была эта болезнь, — подумал несравненный Дарби, — если наши предки сочиняли о ней пьесы».

Он вспомнил, что однажды при раскопках были обнаружены ампулы с наклейкой: «Принимать в случае насморка». Конечно, в них был яд — несчастные больные, потеряв всякую надежду на выздоровление, кончали жизнь самоубийством.

Но несравненному Дарби, светочу науки, никак не удалось понять точный смысл слова «переохлаждение». Вероятно, болезнь косила свои жертвы в те незапамятные времена, когда города еще не были защищены куполами и смена времен года целиком зависела от природы. Можно также предположить, что «переохлаждение» — производное от слова «холод». Холод же — это чувство, которое люди испытывали, стоя у сильного источника тепла... Или, может, наоборот?

Он вызвал робота и потребовал объяснить ему, что такое холод.

— Холод,— повторил робот,— ощущение, связанное с внезапным или постепенным понижением температуры. Он вызывает побледнение кожи, а также замерзание наиболее распространенной жидкости, то есть воды.

Несравненный Дарби нахмурил брови. Что это за «понижение температуры»? За последнее столетие лишь дважды трескались купола, но это не вызвало никаких изменений температуры. Значит, люди болели насморком во времена всеобщей дикости.

В этот момент на вмонтированном в пол экране замигала лампочка срочного вызова и возник силуэт робота. Очередной случай чрезвычайного благополучия. И конечно, на другом конце города.

Он нажал зеленую кнопку, и паровое кресло превратилось в элегантный костюм, плотно облегающий великого светоча науки. Ароматная пневматическая труба молниеносно доставила несравненного Дарби в личный гараж у самой клиники. Двое роботов-ассистентов сели за пульт управления, и гелибус бесшумно выкатился на улицу. Как ни странно, но великий Дарби не почувствовал, что на город надвигается катастрофа. Он забыл первое правило, обязательное для каждого горожанина: «Когда на экране телерадиоканала автоматически появляется робот, немедленно отправляйтесь домой, так как происходит нечто весьма опасное и скверное».

У несравненного Дарби это правило совершенно вылетело из головы. Он попросил у одного из роботов-ассистентов успокаивающую таблетку.

— Мррргаагаррр,— ответил робот-ассистент.

«Это же первые ноты знаменитой восьмой симфонии «Клокотание пространства», исполняемой марсианским оркестром «Сейчас мы вас оглушим»...» — недоуменно поду-

мал несравненный Дарби. Но тут же решил, что робот просто неисправен.

Лишь когда второй ассистент завопил: «Нападающий Стальная Грудь ворвался в штрафную площадку и сбил с ног левого защитника Убыюнаместе, он подправил мяч и хотел пробить по воротам, но в тот же миг правый защитник ударил его по голове!» — несравненный Дарби понял, что случилось что-то страшное.

И в самом деле, произошло нечто такое, что прежде можно было увидеть только в научно-фантастических фильмах,— отвалился кусок внешнего купола, прикрывавшего город, и в дыру... полил дождь.

Несравненный Дарби пришел в совершеннейший ужас. Он был в целых трехстах метрах от дома. В панике выскочил он из застывшего неподвижно гелибуса и помчался по улице.

Паровой костюм ограждал его от всех возможных неприятностей: от прикосновения робота и людей, от скверных запахов. Но, увы, он не мог предохранить его от дождя. Ведь об этом атмосферном явлении даже он, светоч науки, знал лишь из книг.

Домой несравненный Дарби вернулся промокшим до нитки. Когда он заметил, что кожа покрылась пупырышками, ему сделалось дурно. Его знобило, временами он начинал бредить.

Авария была очень быстро устранена, однако несравненный Дарби еще несколько дней не решался выйти из дому. Он не желал никого видеть и отказывался беседовать с кем-либо. А пока, в ожидании выздоровления, он снова занялся изучением насморка. Сейчас он впервые чувствовал себя в «шкуре» своих предков, хотя отлично понимал, что его болезнь бесконечно легче грозного насморка. Он вызвал робота и приказал ему:

— Бримеси новые мадерилалы про масморк.

Д ж о н Б р а н н е р

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СОСТОЯНИИ ЛУННОЙ ПОВЕРХНОСТИ

*От начальника «Лунной Базы I»
начальнику проекта «Диана».*

*Результаты исследования лунной
поверхности*

Благодаря успешному созданию укомплектованной людьми базы на поверхности Луны мы имеем теперь возможность дать вполне определенный ответ на вопрос, с давних пор занимающий умы ученых, — а именно: из чего состоит поверхность нашего естественного спутника.

До сих пор существовали три конкурирующие гипотезы. Особенно популярны среди специалистов были две из них: первая предполагала, что поверхность Луны состоит из вещества, напоминающего пепел и лаву, извергаемые земными вулканами; согласно второй гипотезе, Луна, из-за того, что ее непрерывно бомбардируют метеориты, покрыта

слоем мельчайшей пыли, сходной, естественно, по своему химическому составу с пылью, рассеянной в пространствах космоса.

Однако исследования, проведенные нами на месте, подтвердили, и притом совершенно неожиданным образом, истинность не двух вышеупомянутых, а третьей гипотезы.

Перед тем как перейти к деталям, необходимо остановиться на двух следующих обстоятельствах. Первое: согласно нынешним теориям, объясняющим происхождение Солнечной системы, Земля и Луна не были первоначально (как думали раньше) шарами раскаленного газа — они, как теперь полагают, сгустились из вращавшегося облака сравнительно холодных газов и пылевых частиц, и есть предположение, что ко времени, когда образовались планеты, уже существовали сложные органические молекулы, давшие начало жизни, как мы ее понимаем.

Специалисты утверждали, что хотя обнаружить на Луне какие-либо живые существа не удастся, там вполне может оказаться то, фигурально выражаясь, сырье, из которого развилась жизнь на Земле. Хочу напомнить: из опасения, что земные бактерии могут вступить в биологическое взаимодействие с предполагаемым на Луне запасом протоорганических молекул и, таким образом, лишить нас доступа к ценнейшей информации, проливающей свет на происхождение жизни, были приняты все мыслимые меры, чтобы обеспечить надежную стерилизацию посланных на Луну ракет.

Во-вторых, хочу напомнить, что в период, непосредственно предшествовавший нашему успешному прилунению, один из оснащенных телеобъективами спутников, в задачу которых входило выбрать место прилунения, сошел с заданной орбиты и упал неподалеку от места, где потом была построена наша «Лунная База 1». За время, истекшее с момента создания Базы, мы тщательно обследовали обломки спутника. Подробный отчет о результатах обследования будет направлен вам позднее: подготовку отчета пришлось отложить из-за условий, в которых мы работаем.

Самое существенное, однако, как было установлено, заключается в том, что спутник сошел с заданной орбиты из-за находившегося внутри него постороннего предмета. Прошу провести в пункте запуска расследование с целью выяснить, кто именно из техников за это ответственен: не составит большого труда установить, кто из наличного

штата сотрудников подвластен велениям своего желудка настолько, что приносит сэндвичи на рабочее место, кладет их около себя во время работы, а потом о них забывает. Дело в том, что именно такова природа постороннего предмета, о котором мы упоминали выше,— это большой сэндвич, от которого откусили один раз.

От удара о поверхность Луны телеспутник разбился на несколько частей, и сэндвич, по-видимому, выбросило наружу — мы нашли его в двух шагах от обломков. Теперь, боюсь, мы можем только гадать, был ли сэндвич единственным фактором, определившим нынешнее состояние лунной поверхности, или же действовали и другие; лично я полагаю, что других не было.

Предупреждавших, что земные бактерии могут вступить во взаимодействие с протоорганическими молекулами, можно поздравить: их предсказание сбылось. Техника, забывшего сэндвич в спутнике, следовало бы повесить, колесовать и четвертовать,— но это решать вам. Или посадите его так, чтобы только голова торчала наружу, в бочку славного спелого лимбургского сыра, сэндвичи с которым он так любит, и пусть сидит в ней до тех пор, пока не потеряет способность не то что есть этот сыр, но даже на него смотреть. Тогда он поймет, каково нам здесь сидеть и с каждым глотком консервированного воздуха вдыхать эту вонь.

Да вы уже, наверно, и сами чувствуете, как благоухают листья отчета. Со всей авторитетностью заявляю, что благодаря этому проклятому сэндвичу Луна теперь сделана из зеленого сыра.

Любен Дилов

ЕЩЕ РАЗ О ДЕЛЬФИНАХ

Тогда я находился в Западном полушарии. Я мечтал увидеть как можно больше в этих краях и решил во что бы то ни стало выкупаться в Тихом океане. Быть всего лишь в тысяче километров от океана и не увидеть его! Еще ребенком в своих мечтах я столько раз плавал по его волнам! Не задумываясь, я выложил половину сэкономленных средств в кассу авиакомпании и уже через несколько часов оказался в городе, который по праву зовется жемчужиной тихоокеанского побережья.

Действительно, город великолепный! Но проведенные в нем три дня, возможно, не отложились бы в памяти с такой силой, если бы уставшие от беготни по музеям ноги не привели меня случайно в актовый зал местного университета, где проходило заседание съезда океанологов. Здесь на балконе можно было незаметно вздремнуть, хотя я не собирался спать, а просто хотел немного передохнуть, не

тратя свои катастрофически тающие деньги. Ну и послушать, конечно, если у меня хватит сил.

Не могу сказать, что океанология — моя слабость, но как журналист я свято придерживаюсь принципа всегда узнавать что-либо новое. А после того как ты искупался в Тихом океане, почему бы не узнать о нем что-нибудь еще?

Я пролистал программу, которую при входе вручил мне распорядитель, и усталость как рукой сняло — имя докладчика, как раз в этот момент поднимавшегося на трибуну, было широко известно. Случай предоставлял мне возможность увидеть и услышать самого знаменитого специалиста, пионера в изучении дельфинов, директора крупнейшего в то время дельфинария.

Кое-что я знал об этом человеке из научно-популярных журналов. Лет тридцать назад он начал изучать жизнь дельфинов, не получая ни от кого поддержки. На собственные средства он построил на окраине города два крошечных бассейна, и на протяжении многих лет единственным его доходом были жалкие гроши посетителей, приходивших поглазеть на фокусы нескольких дрессированных дельфинов. Прошли годы, прежде чем ему удалось заинтересовать убедительными научными аргументами некоторые институты и привлечь внимание людей к этим необычным существам, проявляющим странную привязанность к человеку. Теперь профессор Дж. Н. был признанным авторитетом, и весь мир с напряжением ждал от него открытия какого-либо способа, с помощью которого можно было бы проникнуть в загадочный мир дельфинов. Профессор вел поиски в трех направлениях: изучение мозга дельфинов методом сравнительной анатомии, биохимии, биофизики и нейрофизиологии, изучение языка дельфинов и обучение самих дельфинов человеческому языку. Впрочем, в этих же направлениях развивается «дельфинология» во всем мире, если вообще можно говорить о существовании такой науки, поскольку, к сожалению, в этой области работает слишком мало серьезных ученых, а то, что публикуется в прессе, представляет собой больше спекулятивную сенсационную шумиху, нежели результаты настоящих исследований.

Профессор заявил, что не собирается занимать уважаемую аудиторию фактами, которые уже известны, а со-

общит только о последних результатах своей работы. Он сделал знак ассистенту и торжественно объявил:

— Послушаем приветствие наших морских друзей уважаемому съезду океанологов!

Ассистент включил магнитофон, и зал наполнился звуками падающих в воду тел, писком, бульканьем, твяканьем. Потом эти звуки отодвинулись, и на их затихающем фоне ясно и недвусмысленно прозвучало:

— Ттобрый ттень, пхприятели, ллюди. Шелаем стороффья и успеххофф. Ттобрый ттень; пхриятели, ллюди, шелаем стороффья и...— далее последовала вереница звуков, тихих и ласковых, похожих на объяснение в любви на непонятном для нас языке.

Сотни представителей рода человеческого, сидящих в зале, буквально окаменели. Только профессор Дж. Н., торжествуяще улыбаясь, произнес в наступившей тишине:

— Это дельфин Моро. Приглашаем вас завтра посетить дельфинарий и послушать, что он вам скажет лично!

Но в момент, когда, наконец, публика должна была разразиться аплодисментами, в партере раздался громкий возглас:

— Позор! Это издевательство над существами, которые стоят на более высокой ступени развития, чем мы с вами. Вы — убийца! Вы совершаете преступление! Убийца, убийца!..

Поднялся страшный шум, все повскакали с мест. Я перегнулся через перила, и мне удалось разглядеть молодого человека, который вырывался из рук распорядителей и, словно бичом, продолжал размахивать своим скандальным «Убийца!». Потом, так же неожиданно, он покорно вышел из зала.

Я бросился за ним — такое происшествие не оставит спокойным ни одного настоящего журналиста, — и как раз вовремя, поскольку он уже удалялся по улице, сопровождаемый недоверчивыми взглядами распорядителей, которые, вероятно, все еще сожалели, что не вызвали полицию.

— Постойте, — окликнул его я. — Извините... вы не могли бы...

Сейчас я уже не помню, как мне удалось завоевать его доверие. Но я навсегда запомнил его лицо: продолговатое,

прозрачно-желтое, это было лицо святого с православной иконы, которое все еще подрагивало от волнения. Большие светло-зеленые глаза, словно две искрящиеся капли Тихого океана. Он был одет в поношенный, но чистый костюм и вполне мог бы сойти за придавленного нищетой и безработицей жителя большого города, если бы вся его фигура не сохраняла при этом какого-то горделивого достоинства. Он смотрел на меня своими тихоокеанскими глазами и после недолгого колебания вдруг сказал:

— Ну что ж, вы, конечно, спросите обо мне у профессора, и он вам скажет, что я сумасшедший. Я не буду на вас в обиде, если после этого вы откажетесь от моего предложения. Сегодня вечером я к вам зайду. В какой вы гостинице?

Я смутился — ведь он отгадал мои намерения — и стал уверять его, что не поддаюсь влиянию чужого мнения и что обязательно буду ждать его вечером.

Он пришел, когда великолепный город зажегся многоцветными огнями бесчисленных реклам. С вызывающей иронией спросил меня:

— Ну, что сказал вам Н.?

Не было смысла отрицать разговора с профессором — достаточно продолжительное интервью, занявшее мой блокнот яркими мыслями и любопытными научными фактами.

— Он очень сожалеет, что потерял вас как ассистента. Вы были его лучшим сотрудником, — деликатно ответил я, но его улыбка раздражала меня, и я добавил: — Сказал, что внезапно у вас появилась навязчивая идея и однажды вы выпустили в океан всех его дельфинов. Но он не сердится на вас, хотя этим поступком вы задержали развитие науки на годы...

— Когда профессор поймет, что его наука ни к чему не приведет, он и вовсе перестанет сердиться, — ответил он. — Что вы решили? Поедете со мной?

— Куда? — Я уже начал сомневаться в правильности своего первоначального замысла.

— К дельфинам! Послушать мнение другой стороны.

— Послушать... что? — Кажется, этот человек и в самом деле не в своем уме!

— Пойдемте, — робко попросил он, словно опасаясь показаться чересчур настойчивым. — Уверю вас, не пожа-

леете... Давайте возьмем такси. Сейчас луна заходит рано, и у нас будет мало времени, а нужно уехать подальше от людей...

«Ну, разумеется! — подумал я. — Без луны не обойтись — неотъемлемый фон для мистических и романтических глупостей!»

Пока мы ехали, он не проронил ни слова.

— Почему вы молчите? — задыхаясь от волнения, спросил я. — Подготовьте меня к тому, что я должен увидеть!

Он спал? Или молился? Мне нужно было заставить его говорить, потому что его молчание изводило меня.

— Вы действительно считаете, что профессор Н. не любит дельфинов? Ведь он отдал им всю свою жизнь и все свое состояние! Долгие годы с такой страстью защищал их, один против всего мира!..

— Извините... — словно пробуждаясь от моих лихорадочных вопросов, сказал он. — Понимаете, перед тем как отправиться к нашим друзьям, мне необходимо подготовиться, освободить дух от всего, что мешает. Вы меня о чем-то спросили?

— Да, — сказал я. — Я спросил, верующий ли вы. Потому что я убежденный атеист.

— Я не верю ни в бога, ни в черта! Но вы спрашивали о другом. О любви к дельфинам, не так ли? Видите ли... — Мне показалось, что он снова улыбнулся. — Предположим, я вас не знаю, но люблю, а чтобы узнать вас лучше, вскрыю вам живот, посмотрю, как вы устроены изнутри, потом разобью череп и натолкаю в мозг разные электроды, а потом буду раздражать электрическим током или какими-нибудь иглами, а ко всему прочему с палкой в руке начну обучать вас языку марсиан, если таковой существует, конечно. Как бы в этом случае вы отнеслись к моей любви?

Мне захотелось прервать его: «Известный лозунг обществ защиты животных!», но я сдержался — лучше с ним не связываться.

Он помолчал минуту и продолжал:

— Особенно если делая все, о чем говорил, понимаешь, что есть простой способ взаимного опознания — спросить и получить ответ.

Я должен был хоть что-то сказать:

— Конечно, но дельфины, к сожалению, не могут рассказать о себе!

— Могут! — пламенно возразил он и даже привстал. — Могут! И мы в состоянии их понять!

— Как? — чуть слышно пролепетал я.

Он продолжал уже спокойнее:

— Знаете, когда меня объявили сумасшедшим? Когда я научился разговаривать с дельфинами! До меня это умели делать старые рыбаки, для которых море — жизнь, а не рыбозавод... Вот тогда я насильно перетащил дельфинов в океан.

— Насильно?

— Да, они настолько добры и так самоотверженно нас любят, что не хотели покидать дельфинарий. Некоторые потом вернулись обратно. Плавали вдоль берега, пока не вышли люди профессора. Дельфины сами заплыли в их сети.

— Значит, им было хорошо у профессора, — осторожно произнес я, избегая всякого намека на иронию, поскольку этот сумасшедший бред мог смениться буйством.

— Да нет же! Повторяю, они готовы страдать, чтобы показать нам свою любовь, помочь понять их. Потому что они нас знают, даже совсем молодые и глупые и те нас знают.

— Правда? — спросил я тоненьким голосом, пытаюсь скрыть свое недоверие. — А как вы научились разговаривать с ними?

— Я неправильно выразился, — оживленно ответил он. — Не научился, а просто вдруг понял, что говорю с ними. Это случилось лунной ночью, когда бывает трудно заснуть. Совсем отчаявшись понять что-либо из тех пятидесяти звуков, которые издавали наши питомцы и которые я постоянно записывал на магнитофон, я вышел прогуляться, хотя еле передвигал ноги от усталости. Присев на край бассейна, я повторял про себя: «Милые мои, хорошие мои, что вы говорите на вашем языке, какие мысли нам сообщаете, неужели мы настолько глупы, что вот уже десять лет не можем разгадать смысла ваших пятидесяти слов?» Вода была совсем гладкой, две пары дельфинов, обитавших в этом бассейне, вероятно, спали, потому что у нас они научились спать ночью. Ведь днем мы не оставляли их в покое! Я смотрел на воду и вздыхал, и вдруг из воды высунулась морда Ники. «Я разбудил тебя.

Ники? — сказал я. — Извини, дорогой, сейчас я уйду». И тогда неожиданно я услышал: «Меня разбудила твоя тоска, приятель!» Я не поверил своим ушам, да и слышал я это не ушами. Я повторил громче, и снова услышал в ответ: «Твоя тоска разбудила меня, приятель!» Теперь я почувствовал, что слышу это где-то внутри себя. Я онемел, а в голове пронеслись вполне естественные сомнения: «Как же так, разве это возможно, нет, это не иначе как галлюцинация...» И среди этих мыслей кто-то настойчиво повторял мне: «Зачем переживать, приятель? Не нужно! Ведь Ты меня уже понимаешь! Я тот, кого вы называли Ники. Сначала это имя мне казалось несколько глуповатым, но потом я полюбил его, потому что понял — вам приятно называть меня так. Ты боишься, а не надо бояться, приятель, я давно пытаюсь внушить Тебе это, но Твоя мысль все время убегает, но вот сейчас она остановилась, и Ты услышал меня. Ты ведь слышишь меня?»

Можете себе представить, что я чувствовал в этот момент!

На следующую ночь я снова разговаривал с Ники, и он сказал мне, что я смогу поговорить со всеми дельфинами в океане, потому что сами они общаются таким образом, а не с помощью тех пятидесяти звуков, которые представляют собой всего лишь остатки древнего языка, означающие сейчас только инстинктивные восклицания. Среди воспитанных дельфинов они считаются не совсем приличными, но в бассейне дельфины вынуждены прибегать к ним, насилуя свои голосовые связки, потому что люди проявляют особый интерес именно к этим звукам и, возможно, с их помощью когда-нибудь найдут контакт с мыслью дельфинов. Я подходил к другим бассейнам и беседовал с каждым дельфином в отдельности. А на пятую ночь я не выдержал — от всего услышанного меня охватило настоящее безумие, и я выпустил всех дельфинов в океан. Я не мог оставить их в дельфинарии и спокойно наблюдать, как профессор Н. издевается над ними, а они через силу стараются угодить ему и подстроиться под его зверские опыты. Вот так все началось, и вы можете лично убедиться в правдивости моих слов.

«Знакомая история! — подумал я. — Шизофреническое раздвоение личности. Кое-что читал об этом!»

Вдруг я услышал тихий смех моего спутника:

— А вы знаете, что и люди могут общаться между

собой таким способом? Стоит только захотеть и немного подучиться. Хотите, я повторю то, что вы сейчас сказали? «Знакомая история! Шизофреническое раздвоение личности». — Он снова засмеялся, но поспешил извиниться: — Не обижайтесь, прошу вас. Впрочем, мне кажется, вам хочется выйти из машины. — Он снова угадал мои мысли. — Я скажу шоферу, чтобы он остановился, уже близко. Мне очень неприятно, что я не могу заплатить, поверьте! Но человеку, которого, хотя и несправедливо, отправляли в сумасшедший дом, трудно найти работу. Пока что меня кормят дельфины...

Не помню, как я отреагировал на его слова, но какой могла быть реакция, когда внезапно кто-то повторяет твои мысли! Мой спутник галантно открыл передо мною дверь и прошептал:

— Пожалуйста, успокойтесь, а то наша прогулка не даст никаких результатов. Я лучше вас знаю психиатрию, изучал ее специально.

В каком-то сомнамбулическом состоянии я расплатился с таксистом, и мы сошли с дороги. Я спотыкался о прибрежные камни — ослепленный блеском лунной дорожки, оглушенный могучим, неравномерным шумом прибоя, я ничего не видел перед собой.

— Присядьте здесь, — сказал мой спутник, и я сел, точно загипнотизированный.

Передо мной волновался и глухо шумел Тихий океан. Но теперь это был не тот океан, о котором я мечтал в детстве, и не тот, в котором плавал вчера. Это была некая живая масса без начала и конца, которая извивалась, разрезанная пополам лунным ножом. Она гипнотизировала меня миллиардами серебряных глаз, звала миллиардами голосов и наступала на меня, а я шел ей навстречу с чувством, что возвращаюсь туда, откуда кто-то много-много лет тому назад насильно увел меня. «Идууу! — кричало все во мне. — Идууу!»

— Вы слышите меня? Возьмите себя в руки и слушайте меня! — Мой спутник тряс меня за плечо.

— А? — пробормотал я. — Мы уже пришли?

— Да, — ответил он, и я вдруг осознал, что давно сижу на скале, холодной и шершавой.

— Сейчас я их позову, — предупредил он. — Все оценки оставьте на потом, сейчас важно только поверить! Вы должны верить в то, что услышите в себе. Это не мистика,

не самовнушение, а просто разговор с самим собой. Когда захотите их о чем-либо спросить, спрашивайте себя, если захотите им что-нибудь сказать, скажите себе. Но нужно быть абсолютно искренним. Людям бывает трудно избавиться от притворства и самообмана, но постарайтесь отбросить все это хотя бы на десять минут, и тогда вы сможете разговаривать с дельфинами. Похоже, что это язык Вселенной, и каждый человек несет его в своих клетках. Сейчас вы просто должны поверить в него, по-верить!

Последнее слово он произнес по слогам, и каждый слог ударялся о меня, как волны о скалу. Скала гудела и дрожала от ударов волн, как каждая клетка моего тела, отражая голос океана. Мой спутник стоял на берегу у самой воды, лицом к этой корчащейся и говорящей живой массе без начала и конца, и я видел, что он уже не человек, а только часть этой массы — одна из волн, один мускул, одна клетка, которая издает протяжный зов, полный чудовищного желания соединения и исторгавшийся из бездны разрезанного лунным ножом океана. Я сидел и слушал этот зов, не понимая, откуда он происходит...

— Я ждал тебя,— неожиданно сказал кто-то.— Ты опоздал.

— Извини! — ответил мой спутник.— Я не один.

— Знаю. Кто это с тобой?

— Человек, который тоже любит вас.

— Нет, он нас не любит. Он боится.

— Да, боится, но это хороший человек. Где все остальные?

— Скоро будут здесь. Они ловят для тебя рыбу.

Не отрываясь, я смотрел на неподвижную фигуру, склонившуюся над водой, и слушал оба голоса, которые звучали совершенно одинаково, но их было два. Потом мой спутник внезапно обернулся, я вздрогнул и перестал их слышать. И тогда я крепко сжал веки, темнота вошла в меня вместе с взрывом, вслед за которым наступила полная тишина. Но эта тишина в то же время была и темнотой, и пространством, и они росли и ширились, превращаясь во мне в неделимую необъятность, в ту абсолютность, которая существует только в галактиках. И на этом фоне мой голос сказал:

— Разве я боюсь?

— Да, боишься,— ответил мне другой голос, но он был так же неотделим от меня, как тишина от темноты, от пространства.— Боишься, потому что не знаешь этих сил, потому что никогда не пытался увидеть их ни в себе, ни вне себя.

— Наверное, я не мог...

— Нет, ты всегда мог их видеть. Но люди объявили их нечеловеческими и отреклись от них, а теперь ты чувствуешь в себе их присутствие и потому боишься. Сейчас ты перестанешь чувствовать себя человеком в вашем понимании, человеком-телом, а меня воспринимать как животное, и мы сможем понять друг друга.

— Но что же мы такое? — задыхаясь, спросил я.

— Не знаю! — прыснул он и весело прыгнул через волну.

— А я думал, ты знаешь, раз уж вы считаете себя умнее нас.

— Пока что мы знаем только, чем мы не должны быть. А вы, к сожалению, еще до этого не дошли. Не обижайся, я открываю тебе наши истины, а ты раскроешь мне ваши. Ведь мы друзья...

— Почему вы нас любите? — спросил я.

— Можно ли не любить своего младшего брата, когда он в тупике?

— Это одна из ваших истин?

— Да.

— Два плюс два четыре,— неожиданно сказал я.

— Что это?

— Одна из наших истин.

— Мне она непонятна,— застенчиво промолвил он.

— Привет, дружище! А я ее понимаю.

— Это ваша система счета, не так ли? Величайшее ваше заблуждение!

— Привет! — ответил я. — Почему заблуждение? Например, один дельфин и один дельфин — два дельфина.

— Нет, может быть только один дельфин и... дельфины. И так во всем остальном.

— Ага! — торжествуя изрек я. — Для вас существует только единица и множество. Но ведь это самая примитивная стадия восприятия мира! Даже дикари Австралии считают до пяти!

Я услышал их смех — веселый и безобидный:

— А ты можешь сосчитать волны океана, тела во Вселенной, измерить бесконечность? Счет мешает духу проникнуть в бесконечность, а вы привыкли все пересчитывать и сами от этого страдаете. Хотя и вы предпочитаете единицу. Вы любите только одно солнце, множество солнц пугает вас. Вы страдаете, потеряв одного человека, но равнодушны к гибели множества.

Я хотел было возразить, но вдруг понял, что это правда.

— Говорят, что когда-то мы были очень близки, — грустно заметил первый дельфин. — Но чем больше развивались ваши конечности, тем примитивнее и неподвижнее становился ваш дух. Вам даже мало того, что вы истребляете друг друга. Страшно смотреть, как ваши плавающие и летающие дома разрушают друг друга и тонут в океане, а вы идете на дно кормить рыб. Когда-то хотя бы нас вы не трогали, считая своими друзьями, а теперь и нас истребляете. Зачем? Ведь вы даже не используете наше мясо!

— И здесь причина кроется в счете, — ответил ему другой дельфин, вероятно более старый и опытный. — Они считают, сколько существ научились побеждать, и им все кажется мало. Это называется ненасытность... — Он изрек одну из наших истин, и я выкрикнул:

— Она неотъемлемое свойство духа!

— Свойство духа, когда ты раб своего тела. Частично это свойственно и нам, но мы научились освобождать свой дух. Вы преклоняетесь перед числами, а числа означают омертвление. Первопричина их трагедии — суша, — обратился он к другому дельфину. — И на других планетах мы встречали подобные существа. Обосновавшись на крошечном твердом клочке земли, люди, должно быть, воспринимают Вселенную как колпак, чьи стенки трудно разбить, чтобы оказаться на просторе. Поэтому они и ищут истину с помощью ножа и молотка — дробят ее, не понимая, что кусок чего-то — это уже не целое, это только часть истины, что число — это покой, а истина, которую оно символизирует, познаваема лишь в вечном ее движении.

— Но призвание человека — изменять и создавать! — воскликнул я.

— И это вы понимаете неправильно, — ответил дель-

фин.— Можно изменять и создавать только себя. Так делают все разумные существа во Вселенной, потому что она сама непрерывно создает себя. Вы же интересуетесь только вещественной стороной и не замечаете, что ваш дух остается прежним, что в нем умирают те силы, с помощью которых единственно можно проникнуть в настоящую Вселенную. Но есть люди, которые знают об этом, мы встречали их между звездами...

— Не верю! — прервал его я, потому что это была моя последняя истина, но в то же мгновение я почувствовал, что ничто во мне, кроме голоса, не возражает.— Не верю! — крикнул я еще громче и открыл глаза.

— Вы верите,— сказал человек, стоящий на скале в сиянии звезд. Он стоял на самом краю скалы, а живая масса без начала и конца придвинулась к нему вплотную и покорно лежала у его ног.— Сейчас вы поверите,— сказал он и шагнул в воду. Потом наклонился и сел. Я увидел под ним два длинных блестяще-черных тела.

— Я скоро вернусь,— сказал он.

Я стоял на коленях и смотрел, как человек со скоростью торпеды несся по белой дороге к луне, к солнцу, к центру Вселенной. По белой дороге, соединяющей две черные половины океана.

— Не верю! — закричал я и бросился в обратную сторону, в поле, в темноту.— Не верю!

И я бежал и кричал, пока не оказался на шоссе, твердом и неподвижном, как скала, обычном человеческом шоссе, которое вело к другому сиянию — неоновому сиянию большого города...

На следующий день, проснувшись, я чувствовал себя совершенно разбитым. И что только не приснится человеку, думал я, когда в комнату вошла горничная.

— Это письмо еще утром оставил для вас какой-то господин,— весело прошептала она.— А вы все спите и спите.

Я с трудом распечатал конверт — так сильно дрожали руки. Кто в этом незнакомом городе мог написать мне и кому было известно, где я остановился? Прочитав письмо, я, наверное, выглядел страшно испуганным, потому что девушка спросила:

— Что случилось? Плохие новости?

У меня даже не было сил ответить ей, я только слабо

махнул рукой, и она вышла, как выходят из комнаты смертельно больного человека. Я перечитал письмо:

«Дорогой друг, почему вы меня не дождались, я очень за вас испугался. Узнав, что вы спите, я немного успокоился. Боюсь, что вы меня неправильно поняли. Мне хотелось наглядно показать вам то, во что вы уже начали верить. Хорошенько отдохните, а завтра вечером я приду, и мы снова отправимся к нашим друзьям. Ведь они могут рассказать вам еще столько интересного! Желаю всего хорошего. Ваш Х.».

Рохелио Льюпис

СКАЗОЧНИК

Как бы вы отнеслись к человеку, который только тем и занимается, что лишает покоя детские души? Нет, как хотите, а вы не сумеете убедить меня, что его цели заслуживают одобрения, тем более что занятие это стало у него какой-то манией. Он учитель начальной школы, и директор уже не раз делал ему внушение: еще бы, он тратит целые уроки на эти странные сказки, которые сам же и выдумывает с легкостью поистине невероятной. Только не подумайте, что его держат в школе из милости; редко встретишь такого знающего и компетентного учителя, как он.

И вот, представьте себе, как-то раз, повстречав на улице одного из своих учеников, он купил ему мороженое и начал рассказывать очередную такую сказку. Тут словно из-под земли вырос отец ребенка. Сакариас — так зовут учителя — назвал себя и предложил повторить то, что он

уже рассказал. (Могу себе представить, какое впечатление произвел Сакариас на отца своего ученика — в общем, наверное, такое же, как на всех прочих. Смотришь в его бледно-голубые глаза и гадаешь: «Он и вправду так прост или только прикидывается?»)

— Папа, это мой учитель! Пусть рассказывает дальше — ведь такого не знает больше никто!

— Тихо, Габриэлито! Ты не слышал разве — сеньор учитель говорит, что снова расскажет свою сказку, с самого начала.

— Да, действительно, иногда я рассказываю своим ученикам истории вроде этой, и мне кажется, что, поселяя в их душах некоторое беспокойство, я приношу им тем самым неоценимую пользу. Истории, которые я им рассказываю, озадачивают их и заставляют задуматься...

Много-много тысячелетий назад от далекого будущего, — начал он, — на земле существовало животное по имени «кошка». В городах, которые люди строили тогда, чтобы быть поближе друг к другу (из чего проистекали некоторые хорошие и многие дурные последствия), эти маленькие зверьки привольно жили и множились. А когда люди бросили их на произвол судьбы, кошки оказались практичнее, а может быть, удачливее, чем собаки, которые исчезли с лица земли много раньше и, судя по всему, из-за своей чрезмерной преданности человеку (в таких вещах, оказывается, тоже нужна мера).

Некоторые исследователи, пишущие теперь об эпохе, в которую жили собаки и кошки, утверждают, будто собаки, поняв, что развитие цивилизации угрожает стереть их с лица земли, научились ходить на задних лапах и пользоваться передними как руками, хотя и не так ловко, как пользуемся мы своими. Однако преимущества, которых они добились, приобретя эти способности, оказались весьма недолговечны: человек все чаще и чаще прибегал к услугам роботов, и роботы постепенно стали оттеснять собак. Ты знаешь, что такое робот, Габриэлито?

— Знаю, учитель, на днях вы нам объясняли это в классе.

— Наверно, вы задаете себе вопрос: как исчезли эти животные (я имею в виду собак)? Да очень просто: мы перестали их любить, и они ушли от нас. К тому же всемогущее время породило в нас страшную брезгливость

или, точнее сказать, неодолимое чувство брезгливости к собакам. Особенно неприятно нам было видеть, как они удовлетворяют свои естественные нужды. Роботы, которые таких нужд не знают вообще, казались нам тогда вершиной совершенства.

И вот в один прекрасный день мы решили, что у сук больше не должны рождаться щенки. Очень возможно, что перед этим шел разговор о газовых камерах, поголовном отравлении и прочем в том же роде. Поскольку мы на это не пошли, можно полагать, что мы сумели найти решение, достойное человека.

Кто знает, может быть, собаки ушли от людей как раз потому, что хотели спасти своих сук, которые все еще продолжали приносить щенков. После того как человек от них отвернулся, самой обычной смертью для собак стала смерть от печали и голода. Из жизни бок о бок с человеком у них оставалась привычка к витаминам и искусственной пище, приготовленной путем химического синтеза. Человек к тому времени уже почти совсем перешел на синтетическое питание, а собакам оно так понравилось, что они прежнюю пищу теперь и в рот не брали, и это нас очень радовало: ведь настоящей пищи оказалось очень мало, и по сравнению с новой пищей она была страшно дорога. Но поскольку окончательно на современное питание мы тогда еще не перешли, остатки синтетической пищи и тем более витаминные таблетки можно было найти на городских и деревенских свалках лишь изредка. Собаки очень дорого заплатили за то, что поторопились приспособиться к синтетическому питанию. Мы знаем: они пошли на это, чтобы уменьшить наши затраты на них, но, кроме того, собаки очень хотели доказать нам, что они во всем способней роботов.

В нужде приходится брать то, что дают, ни от чего не отказываясь, и в этом отношении собаки ничем не отличались от остальных животных и от нас, людей. Около шестидесяти, а может быть, семидесяти пяти процентов собак снова вернулось к прежней пище, но брать ее теперь было неоткуда — оставалось только выпрашивать или искать на помойках. Места, которые они занимали прежде за нашими столами, когда им, случалось, перепало по несколько ложек синтетической пищи и по две-три витаминных таблетки, заняли теперь те, кто был устроен совершенней и с любым делом справлялся лучше,

чем они. Я имею в виду роботов: они ничего не едят, зато всегда готовы поддержать живую занимательную беседу. Кстати говоря, они очень остроумны. Например, откинется робот, как после сытного обеда, на спинку стула и, вертя спичку между своими огромными металлическими пальцами, шутит: «Как мне досаждают эти крошки между зубами!»

— Учитель, а как мы сделали, чтобы у собак не было больше щенят?

— Давали им такую таблетку, Габриэло...

— Учитель, а где продается синтетическая пища?

— Нигде. Ведь я рассказываю сейчас о том, что только может случиться через много-много столетий.

— А от голода в этом будущем умерли все собаки?

— Нет, Габриэло, от голода умерло не больше сорока процентов всех собак. Эти собаки так привыкли к витаминам и синтетическому питанию, что не смогли вернуться к прежней пище. Сыграло здесь роль и самолюбие. Иными словами, Габриэлито, похоже на то, что эти собаки предпочли голодную смерть унижениям, выпадавшим на их долю. Дошедшие до нас хроники этой эпохи говорят, что среди собак распространилась болезнь, которую называли «печаль». Она повлекла за собой бесчисленное множество смертных исходов, и это наводит на мысль, что и те сорок процентов, которые, как полагают, умерли от голода, на самом деле тоже умерли от печали или от другой похожей на нее болезни, название которой позабыто (по всей вероятности, из-за того, что утеряны исторические документы, где оно упоминалось).

Больной, или, как тогда говорили, «печальной», была тогда собака, чей желудок отказывался принимать витамины и вообще какую бы то ни было пищу, и когда ей отказывали задние лапы (а такое состояние наступало очень скоро), она должна была испытать худшее из всех унижений: снова вернуться к хождению на четырех ногах. Это означало, что наступает конец... Нет, собаки никогда не были для роботов серьезными конкурентами в борьбе за внимание и благосклонность человека. Слишком многое говорило не в их пользу: у них не было дара речи, и они не умели делать разные вещи, которые умеют делать роботы.

...На этом месте отец мальчика прервал рассказ вопросом (я так и вижу перед собой этого сеньора — чуть

улыбающегося или с немного растерянной физиономией, но в обоих случаях очень заинтересованного тем, что ему пришлось услышать):

— Скажите, а какую роль в этой истории играют кошки? Сначала вы сказали, что они исчезли с земли гораздо раньше собак, но больше о них не упоминали. Не забыли ли вы о них?

— Сейчас речь пойдет именно о кошках — о собаках я и так уже сказал больше чем достаточно. Так вот, вина за исчезновение кошек, или, точнее говоря, за их полное уничтожение, лежит на роботах. Роботы решили их уничтожить и, не сказав ни слова нам, людям, стали травить кошек одну за другой, пока не истребили их всех до единой.

Даже если придерживаться лишь строго установленных фактов, у кого еще могут возникнуть сомнения в том, что именно роботы задумали и осуществили уничтожение кошек? Но немного истории. После смерти последней собаки мы, люди, поняли наконец, что вели себя плохо, очень плохо. Это было для всех полной неожиданностью: давным-давно никто уже не считал себя способным испытывать такие вышедшие из моды чувства, как раскаяние. И теперь мы стали искать у кошек утешения, которое раньше нам давали собаки. Каждый покупал себе кошку, чтобы баловать и холить ее — если не ласками (уже за много столетий до этого мы стали слишком серьезными для того, чтобы позволять себе такие глупости), то обильной пищей и хорошим обращением. Для нас кошки имели перед собаками одно огромное преимущество: они не предавались любви и не отправляли другие свои нужды у нас на глазах.

Как столетиями раньше собаки, так теперь кошки научились ходить на задних лапах и кое-как манипулировать передними. Роботы, чья власть в те времена была далеко не столь всеобъемлющей, как в наши дни, испугались, что кошки проявят способности, о каких собаки не смели и мечтать. Больше всего встревожило роботов то, что в один прекрасный день кошки заговорили и стали соперничать с ними в красноречии, и это было для роботов страшнее всего, ибо кошки стали занимать их места на производстве. Дело в том, что все производство было тогда в руках роботов, а человек занимался искусством, наукой, спортом, а также открытием и освоением других планетных систем.

На земле было много миллионов кошек, и уничтожить их было роботам очень нелегко. Однако с самого начала они держали в своих металлических руках ключ к решению этой проблемы — нашу пищу, нашу одежду, наши жилища. Ведь все это производили они!

Прошло некоторое время, и, когда этого меньше всего ожидали, была обнаружена первая мертвая кошка. И мы удовлетворились тем объяснением, какое роботы дали на-равставшей день ото дня лавине смертей. Роботы говорили о болезни, похожей на печаль, — о той, что в другие, отдаленные времена унесла в могилу миллионы собак. И мы молча примирились с исчезновением кошачьего племени — много раньше, чем на земле перестало дышать последнее мяукающее существо.

А вслед за ними начали целыми видами вымирать другие животные — похоже, что другого выбора у них не было. Если мы сейчас в будущем, о котором я рассказываю, придаем этому такое значение (ведь нам следовало на-сторожиться с самого начала, хотя тогда, пожалуй, мы были еще не в состоянии направить историю в другое русло), то происходит это потому, что теперь мы единственные млекопитающие, еще остающиеся на земле. Почти все, что у нас есть, мы вынуждены делить с роботами, они стали большими хозяевами на земле, чем мы сами, и — что позорнее всего — мы уже не можем без них обходиться.

Трудно поверить, но мы ходим теперь, в нашем будущем, так же тихо и крадучись, как знаменитые сыщики XIX — XX веков. Тайком от роботов мы произвели расследование и с полной достоверностью установили, что именно они уничтожили кошек в начале той эпохи, когда на земле стали исчезать один за другим целые виды животных. Мы раскопали фабрики синтетической пищи, построенные роботами для кошек, и обнаружили под микроскопом (помнишь прибор, который я несколько раз рисовал на доске, Габриэлино?) следы яда, который применили роботы. Мы не смогли пока установить с такой же достоверностью, что роботы ответственны за гибель других живых существ; возможно, их уничтожило само развитие цивилизации. Они вымирали постепенно, как будто в ходе естественного процесса, и очень может быть, что нам так никогда и не узнать, что именно с ними произошло.

И вот впервые за время их существования роботы

превратились для нас в проблему номер один. Они наводят на нас невыносимую тоску своей пустопорожней болтовней и тем всепоглощающим интересом, который пробуждает в них каждое наше дело, даже самое пустячное. Их просто невозможно узнать: со времени исчезновения кошек они утратили многие из лучших своих качеств. И, как следовало ожидать, мы начали создавать теории и пытаемся ими объяснить перемены, которые наблюдаем в роботах.

Утверждается, в частности, что роботы путем подражания усвоили худшие человеческие качества, ведь это люди подали им дурной пример, уничтожая собак.

А затем атмосфера одиночества, воцарившаяся на земле со времени исчезновения млекопитающих, вызвала в электронном мозгу роботов определенные тонкие нарушения и — как следствие — непреодолимую тягу к обществу людей, в котором они чувствуют себя более защищенными.

Преступление, в котором мы их уличили, было вызвано питаемым ими в отношении нас болезненным чувством ревности.

Наконец, нашей главной ошибкой — а из-за нее, может статься, нам придется навсегда покинуть эту планету — было то, что во главе заводов, производящих роботов, мы поставили самих роботов, в результате чего мы, люди, оказались в незначительном меньшинстве, и...

— Простите, что перебиваю вас, мне очень хотелось бы узнать, чем кончится ваша сказка, но в пять у меня назначена встреча, а уже без двадцати. Идем, Габриэлито, и не проси меня, чтобы мы задержались хоть на секунду — это невозможно!

— Чем все кончилось, учитель? Люди улетели с Земли на другую планету?

— Да, Габриэлито, они покинули Землю, и роботы остались ее полновластными хозяевами — но им стало так тоскливо и одиноко, как не бывало еще никогда... Надеюсь, я не очень наскучил вам своей сказкой? Ее стоило сделать покороче, но...

— Откровенно говоря, я не совсем ее понял. Она... м-м... занятная, но до меня как-то не доходит... До свиданья. Габриэлито, пошли!..

Ондржей Нефф

МОБИ ДИК

— От нашего старика свихнуться недолго, — жаловался свояку Тонда Лебеда, техник космодрома, принадлежащего колхозу-миллионеру «Слушовице». — Сегодня проверял, как у нас пришиты пуговицы.

— А чему удивляться, — отвечал свояк, бывший электронщик, ныне пенсионер, по имени Боржек Штепарж.

Маленького роста, сухопарый, он вполне годился на роль шекспировского Пака. Оставалось научиться лазать по деревьям — как известно, Пак любил сиживать на ветке и болтать ногами над головой путников. К сожалению, Боржеку это не по силам. Несколько лет назад его сшиб двадцатичленный плоскошлеп, сильно повредив ему позвоночник.

— Чему ж удивляться, — повторил Боржек, — сломанная машина кого хочешь из себя выведет.

— Моби Дик — не машина. Его высидели из яйца. И вовсе он не сломан, функционирует нормально.

— Ага,— ехидно заметил свояк,— все в порядке, вот только в космос отказывается лететь.

— Именно. Не желает, понимаешь, отправляться в космос. А ведь это его прямая обязанность,— строго сказал Тонда.

Техник был совершенно прав. Моби Дик напоминал вытащенную на берег моря медузу, только невероятных размеров, способную заполнить своей студенистой массой половину большого стадиона. Испуская зловоние, Моби Дик наотрез отказался общаться с Центром управления. Возвратившись из третьего экспериментального полета вокруг Луны, он утратил интерес к людям, сотрудничавшим с ним. В особенности же невзлюбил профессора Главсу, руководителя проекта «Кит».

— У биометаллических роботов не бывает поломок,— гремел профессор на совещании сотрудников,— а если подобное явление все-таки имеет место, вина целиком и полностью ложится на безответственный персонал! Запомните: дисциплина и порядок! Порядок и дисциплина во всем! Приказываю неустанно контролировать четкое соблюдение правил и инструкций, строго взыскивать за каждый проступок! Контроль, соблюдение и наказание! Только так!

Результаты не замедлили сказаться: персонал распустился окончательно. Опытные кадры и новички, работавшие по договору, позабыв обо всем, азартно играли с шефом в прятки. Как огня боялись они и издаലെка обходили те шесть — восемь мест, где можно было повстречаться с Главсой. Хаос возрастал, Моби Дик пребывал в прежнем состоянии. И хотя все пуговицы были пришиты крепко-накрепко, инвентарные номера письменных столов, вешалок и корзин для мусора проверены и перепроверены, регистрационный журнал в бюро пропусков пополнен новыми графами и колонками,— биометаллический межпланетный корабль «Моби Дик» упорно не хотел совершать космические полеты.

— Плоховато выглядит, заболел, что ли,— заметил Боржек Штепарж, обойдя со свояком корабль и внимательно его рассмотрев. Пропуска у Боржека не было, Тонда помог ему пробраться на космодром через дыру в заборе.

— Ясное дело, заболел,— рассудил Тонда.— Ладно, пошли, а то увидит тебя, и влепят штраф — мне. Все равно ты в этом деле разбираешься как свинья в апельсинах. Туда же, электронщик!

Штепарж побагровел и собрался отплатить той же монетой, но не успел он рта раскрыть, как из железного бока безучастного доселе звездолета выскользнул хобот, блестящий от слизи. С пронзительным свистом он засосал остолбеневшего Штепаржа.

Через восемь минут профессору Главсе доложили о несчастье. Само собой, он и раньше мог бы получить это известие, но подчиненные так панически боялись его гнева, что тянули жребий — кому идти к профессору. Сломанную спичку вытянул сторож автостоянки.

К его великому удивлению, Главса не разорался. Глубоко задумавшись, он произнес: «Смотрите-ка...»

— Человек внутри! — повторил сторож, которому показалось, что профессор его не понял.

— Кто такой? — поинтересовался шеф.

— Никто не знает. Через вахту не проходил. Да кто б его пустил!

Профессор не слушал:

— Наконец-то соизволил подать признаки жизни... Оч-чень интересно!

Сев за стол, он опустил голову на сложенные руки, не обращая внимания на сторожа.

В чем дело? Сколько раз он задавал себе этот вопрос! Вылупившись из яйца, Моби Дик рос и развивался нормально. Вскоре он созрел для экспериментальных полетов. И вдруг однажды, вернувшись с Луны, перестал реагировать на внешние импульсы, заблокировал входы и выходы. Лишь сверхчувствительные контрольные измерители свидетельствовали о теплящейся паразитизации. И вот впервые за восемнадцать дней Моби Дик оживился!

Что произошло? Он заглотил какого-то постороннего без нагрудной карты. Может, здесь и зарыта собака? Из чего эта карта сделана, не исключено, что содержащееся в ней химически активное вещество парализует нервные центры Моби Дика. Чушь. Восемьдесят тысяч тонн биометаллического студня не могут реагировать на бирку размером 6×6 см. Послать еще кого-нибудь без аккредитации?.. Профессор поднялся и тут только заметил сторожа, все еще стоявшего перед ним.

— Предлагаю, — говорил тот, — предлагаю ликвидировать звездолет ко всем чертям и спасти человека внутри.

— Что?!

— Ну, По инструкции, в случае угрозы для человека...

— Вы меня будете инструктировать? Вы?? Да знаете вы десятую часть того, что известно мне, такого безобразия не было бы в помине! И вы еще имеете дерзость, нет, прямо-таки наглость...

«Ах я дурень, дурень!» — жестоко корил себя сторож в душе.

— Дайте сюда нагрудную карту, — приказал Главса.

Сторож позеленел:

— Права не имеете... Я в профком пожалуюсь!

— Сдать аккредитацию! — заорал профессор.

Получив требуемое, он отдал отрывистое распоряжение:

— Следуйте за мной!

Схватив сторожа за локоть, он поволок свою жертву по бесконечным коридорам дирекции и отпустил ее, только очутившись под самым боком Моби Дика. Затаив дыхание, следил Главса за космолетом, ожидая появления таинственного хобота, втягивающего внутрь, в темное чрево китово, чужаков без аккредитации. Однако ничего не происходило. Сторож переминался рядом, косясь на профессора и озираясь на толпу зевак. Сбежались все до одного служащие космодрома. «А кто же на вахте стоит, хотел бы я знать?» — думал сторож. Вдруг его осенила мысль: «Надо сказать шефу, что сторожить некому. Может, отпустит по добру-поздорову?»

Но профессор был занят другим. «Выходит, мало того, что нет нагрудной карты, — размышлял он, — а может, Моби Дика отпугивает моя аккредитация? Но ведь и проглоченного сопровождал наш сотрудник с картой. Попробуем еще одного постороннего: а вдруг клюнет?»

На минуту он показался себе колдуном, бросающим прекрасную принцессу злому дракону. Он, Вацлав Главса, профессор биофизики, член-корреспондент Академии наук! Ученый усмехнулся: наука издавна требовала жертв!

Следующий эксперимент тоже провалился. Равнодушие Моби Дика граничило с безжизненностью, если б дисплеи не показывали наличие чужеродного живого организма внутри огромного тела.

Чужеродный организм по имени Боржек Штепарж как раз подвергался тяжким испытаниям. Моби Дик втянул его в себя, как ежик — ягодку малины. Произошло это так быстро, что Боржек ничего не успел осознать. Он провалился в зловонную влажную тьму, пышущую жаром, и летел, скользя и кувыряясь, то и дело взмывая вверх

и проваливаясь. Лицо и ладони касались горячих на ощупь слизистых оболочек, желудок подпрыгивал к горлу, но Штепарж держался из последних сил. На лету он потерял пиджак, рубашку и ботинки. Брюки держались благодаря прочной латунной пряжке на ремне.

— Караул! — кричал несчастный, потеряв голову. Никто на свете не мог помочь ему, но он кричал до хрипоты. Падение — или полет — замедлилось, тьма редела, слизистые оболочки уже не сжимали так сильно. Боржек очутился в овальном помещении, стены которого испускали зеленоватое свечение, которое постепенно усиливалось. Овал рос и достиг диаметра пять-шесть метров. Боржек сидел на полу, если можно так выразиться в данном случае. С трудом поднявшись, он зашатался и упал. Дал знать о себе больной позвоночник, и Боржек вскрикнул.

«Вот, значит, каков он изнутри», — подумал пенсионер. Звездолет показывали по телевидению, в кино, он красовался на плакатах, но лишь теперь Боржек ощутил, что это действительно живой организм. Стены дрожали, волновались, пульсировали, слышалось чавканье, бульканье и свист. Три огромных сердца бились где-то в глубинах биоробота, воздух поступал по шлангам.

— Приветствую вас, — голос звучал отовсюду. — Я — космический корабль «Моби Дик», первая испытательная модель проекта «Кит». Прошу прощения за ошибку: я принял вас за пищу. Короче, я тебя съел. Хорошо, что ты закричал «караул», не то провалился бы прямо в желудок, а там... Не будем об этом, ладно?

Боржек проглотил слюну и сказал:

— А меня зовут Штепарж. Боржек. И рад бы добавить: «Приятно познакомиться», да не могу. Мне очень неприятно. Черт возьми, я так похож на жратву?

— Я действовал инстинктивно, — оправдывался Моби Дик.

— А сейчас чего ждешь? Пусти обратно, чудо-юдо!

— Не пущу.

— Как это — не пущу? Я тебе приказал! Ты что, оглох? Да что бы электронная машина...

— Я не машина! И не электронная! — завопил Моби Дик.

— Сам вижу, как-никак всю жизнь занимался электроникой. И не было еще такого, чтобы машина не слушалась. Ее дело — служить человеку, но разве рыба-кит,

вылупившаяся из яйца, смыслит в этом? Настоящая машина себе такого не позволит...

Боржека понесло. Реакция после пережитого шока смешивалась с давней горечью отставки, к которой его вынудило изобретение биометаллических организмов. Вместе с электроникой он оказался на свалке истории. Боржек ораторствовал, не замечая, как темнеют и сжимаются стены вокруг него. Моби Дик прервал на полуслове:

— Я не собираюсь выслушивать эти гадости! Не имеешь права меня оскорблять! Не потерплю!

— Что за тон! Ты же автомат, хоть и дрянной, раз не хочешь работать...— Он не договорил, потому что пространство вокруг него совсем сжалось. Боржек набрал воздуха в легкие и закричал что было силы: — На помощь! Спасите!!!

Их диалог был записан чуткими приборами. Профессор Главса кусал губы, сидя за письменным столом. Нахальный тип, дилетант дразнил Моби Дика. К чему это приведет? Спровоцирует космического кита и сам пропадет ни за грош. Как разрубить гордиев узел их спора?

— Помогите! — надрывался репродуктор, установленный на профессорском столе.

В кабинет ворвался ассистент профессора. В открытую дверь заглядывали любопытные лица.

— Моби Дик убивает его! — выдохнул ассистент.

— Объявляю тревогу «дельта», — сказал Главса, сердце которого разрывалось: конец блестящему проекту «Кит»!

Колхозный космодром ожил. На взлетной полосе как грибы выросли энергетические пушки и, откинув шляпки-люки в знак приветствия, бесцеремонно нацелились на взбунтовавшийся корабль. Космодром оскалил зубы. Моби Дик все видел и так испугался, что напрочь позабыл о проглоченном по ошибке незваном госте, и тот услышал беспомощный лепет:

— Дедеде... деде... дедеде...

— Что случилось? — кричал на Моби Дика Боржек.— Отвечай немедленно!

— Пушки! Кругом пушки!

— Вот видишь, — укоризненно произнес Боржек, — не надо было меня глотать.

— Это ошибка!

— А почему ты меня не выплюнул? Я же просил! Сейчас же выпусти меня. Я серьезно. И люди снаружи тоже всерьез выставили пушки.

— Да-да, пожалуйста,— заикаясь, бормотал Моби Дик.

Капсула, в которую он заключил Боржека, разошлась и образовала коридорчик, так что взрослый мужчина среднего роста мог пройти по нему не наклоняя головы. Моби Дик позаботился и о мелочах: пол был гладкий. В конце коридора пробивался дневной свет. Боржек Штепарж быстро пробежал по коридору и глубоко вздохнул, очутившись на воле. Яркий свет ослепил его, он зажмурился и раскинул руки. Открыв глаза, он увидел столпившихся вокруг людей, говоривших наперебой. Десять пар рук тащило его за локоть.

— Скорей отсюда!

— Да оставьте меня! Ничего мне не сделается,— сопротивлялся Боржек.

— Через минуту начнется обстрел.

Боржек не понял, о чем речь. Он думал, что пушки угрожали Моби Дику лишь до поры, пока тот не выпустил пленника.

— Да ведь я же на воле!

— Вот и радуйтесь, а Моби Дика придется ликвидировать. Ненадежный, опасный для людей автомат. Поди знай, когда он снова начнет выкидывать номера. Прямая угроза обществу.

Боржек на мгновение замер. Опомнившись, он резко вырвался и отпрянул назад. В голове проносились обрывки смятенных мыслей, лица, окружавшие его, сливались в розовые пятна с темными и пурпурными точками — глазами и ртом. Отступая перед этой многоголовой гидрой, Боржек наткнулся на желеобразный бок Моби Дика — неудачной модели биометаллического звездолета, обреченного на гибель.

Толпа остановилась:

— Вернитесь, там опасно!

Боржек понял, что люди боялись Моби Дика. И он заслонил руками мягкий пружинящий бок звездолета. Толпа расступилась, и глазам Боржека Штепаржа явился сам шеф — профессор Вацлав Главса.

— Опомнитесь! — с нажимом произнес он, обращаясь к защитнику Моби Дика. — Радуйтесь спасению, вы были на краю гибели, еще секунда — и вам пришел бы конец.

Где ваша совесть? Неужели вы потворствуете Моби Дику? Допускаете, чтобы он вредительствовал и дальше?

— Он мне не вредил,— сказал Штепарж, в горле у которого пересохло: не так-то легко возражать знаменитому ученому, выдвинутому на соискание Нобелевской премии.— Это недоразумение. Моби Дик меня проглотил потому, что посчитал съедобным. Осознав ошибку, он тут же попытался...

— Убить вас, Штепарж. Вы думаете, нам не известен ваш разговор?

— Так ведь не убил,— с несчастным видом произнес Боржек.— Отпустил же в конце концов.

— Отпустил, понял, что ему угрожает. Так дело не пойдет. Вы — человек старой закалки, не знаете кодекса биометаллических роботов. Вы специалист по электронике, если не ошибаюсь? Так вот, биоробот, замахнувшийся, образно говоря, на человека, подлежит немедленному уничтожению. Убеждать вас в правильности предписаний не собираюсь. Подойдите ко мне.

— Вы, конечно, большой человек, пан профессор,— часто помаргивая, отвечал Боржек,— но только я никак в толк не возьму: почему у вас ни капли совести не осталось. Ни чуточки, иначе вы бы не стали губить такую умницу, как эта машина.

— Умницу? Вы-то откуда знаете? — Великого ученого бесило сопротивление Штепаржа. «Откуда в этом ничтожестве столько дерзости?» — дивился он.— Хватайте его! Быстро, чего ждете?

Никто не пошевелился, и приказ, отданный истинно наполеоновским тоном, прозвучал впустую.

— Ишь какой... а вдруг сожрет? — отозвался чей-то голос.

Тогда профессор решил и действовать по-наполеоновски. Он шагнул вперед, весь красный от гнева, и вытянул руки, подобные когтям хищника, по направлению к тощей Боржеке. Несколько шагов потребовалось Главсе, чтобы преодолеть расстояние, отделявшее его от своевольного пенсионера, и совсем уж было сцапал его разъяренный профессор, как вдруг защитник Моби Дика со звуком «ссслуп» исчез в разверзшемся боку звездолета. Великий ученый, потеряв равновесие, ткнулся лицом в упругий бок космического кита. Стуча зубами от страха, он сполз вниз и стал обреченно ждать нового «ссслуп». Однако чрево кита

не разверзлось. Боясь открыть глаза, профессор зашарил вокруг себя руками и стал отползать с опасного места так, будто находился на минном поле.

Как только он очутился на границе, где преданность шефу перевесила опасность, десять пар рук услужливо помогло ему встать, отряхнуло пыль, поправило галстук, нежно погладило и поддержало.

— Всем отойти назад! — загремел Главса.

Ни один из его приказов не исполнялся так охотно, как этот.

— Созываю срочное заседание оперативного штаба. За мной!

И шеф решительно направился к административному зданию. На заседании не будет обсуждаться вопрос о ликвидации Моби Дика. Это решено. Задача штаба — составить отчет правительству, подкрепив вескими аргументами обоснованность принятых мер...

Боржек между тем снова очутился там, откуда спасся несколько минут назад.

— Ты за меня вступился, — растроганно говорил Моби Дик.

— Не хочу, чтобы тебя уничтожили!

— Ты вот сказал, что я — хитроумная машина. А откуда ты знаешь? А ты правда так думаешь? Честно?

— Честное слово, я так думаю. Ты — хитроумная машина.

— Надо же, — Моби Дик был тронут не на шутку, — ты считаешь меня настоящей машиной, хотя меня высидели из яйца.

— Да какая разница? — понуро отвечал Штепарж. — Раньше машины производили, мой отец рассказывал об этом. Были такие... фабрики, что ли, а в них машины, которые делали другие машины, более сложные, чем они сами. В мои времена машины штамповали. А ты просто-напросто парабиологическая машина.

— Вылупившаяся из яйца, — упрямо твердил космический кит.

— Слушай, кто тебе об этом сказал, — подозрительно спросил Боржек, — что ты вылупился и прочее?

— Неважно, — уклонился от ответа Моби Дик, — и свет в помещении, где находился Боржек, стал багрово-красным.

— А все-таки?

— Ну, корабли... Там, в космосе.

— Во время твоих экспериментальных полетов?

До Боржека наконец дошло. Моби Дик три раза летал в близкий космос. Телевидение широко освещало полеты. И тогда звездолет наверняка повстречался с грузовыми космическими кораблями, совершавшими челночные рейсы. Можно догадаться, что наболтали их бортовые компьютеры бедному Моби Дику, если даже он, Штепарж, недолго бил раньше парабиологические машины, лишившие его существование смысла. Ему, отставному электронщику, было хорошо известно обстоятельство, о котором официальная электроника и слышать не хотела: компьютеры общаются между собой по принципу модуляции, никому из людей не доступному. То есть разговаривают на тайном языке, на хлестком жаргоне. Хорошенько же отделали Моби Дика космические тягачи!

— Неужели ты не понимаешь, что они тебе просто завидовали? — мягко, как ребенку, объяснял Боржек. — Завидовали и насмехались.

— Они сказали, что я — студень. Заливное. Что такое «заливное»? И желе. Что такое «желе»?

— Они сказали... А я тебе говорю, что ты глупышка, если слушаешь эту дурацкую болтовню. Пусть себе чешут языки. Кто они такие? Жалкие планетарные тяжеловозы. А ты, Моби Дик, — настоящий звездолет. Тебя ждут такие полеты, о которых и не снилось тем старым развалюхам! Они тебя сожрать готовы от злости. С потрохами, в собственном соку. Да куда им! Машина — она и есть машина, а ты — параорганизм. Цену себе знать надо.

— Ты поэтому заступился за меня? — тихо спросил Моби Дик.

— Черта с два... Ничего ты не понял, дурачок. Я сам не у дел, завидую молодым. Кое-что в зависти разумею, понял?

— Понял, — отвечал окончательно сбитый с толку Моби Дик...

Заседание оперативного штаба подходило к концу. Профессор Главса выслушал всех членов штаба по очереди и был доволен их единодушием: «Вы ни перед кем не отвечаете, профессор. Проект «Кит» — целиком ваш. Ликвидируем Моби Дика, заложим в инкубатор новое яйцо, безжизненную биометаллическую массу тоже пустим в дело: послужит в качестве пищи для зародыша. Если во время

ликвидации пострадает тот человек, как бишь его... Штепарж, то представим правительственной комиссии неопровержимые факты, свидетельствующие о том, что он сам виноват в своей гибели. Его предостерегали, а он не внял».

— Итак,— провозгласил профессор и торжественно поднялся,— приступаем к завершающей фазе.

— Все энергетические пушки на номинальном уровне! — доложил главный энергетик.

— Хорошо,— резюмировал Главса.— Приготовьтесь открыть огонь. Начинаю отсчет: 10... 9... 8... 7... 6... 5... 4... 3... 2...

— Профессор! Профессор!

В кабинет ворвалась перепуганная секретарша, схватила ученого за руку и бесцеремонно потащила к окну. Главса хотел возмутиться, но увиденное за окном лишило его дара речи.

Моби Дик изменился до неузнаваемости. Ничто в нем не напоминало выброшенную на берег медузу. Бока сверкали стальным блеском. Еще недавно они навевали мысль о луже после дождя. Морщины и складки на корпусе разгладились, он раздувался, как баллон, впереди воинственно торчал острый нос, с плеском выбросились плавники и хвост. Моби Дик увеличивался, рос на глазах.

Персонал слушавицкого космодрома высыпал отовсюду: из лабораторий, канцелярий, туалетов, столовых и курилок. Звездолет — теперь это, несомненно, был звездолет — поднялся метров на пять, животная дрожь пробежала по его корпусу.

— Звездолет «Моби Дик» ожидает приказа! — раздался глубокий, низкий, неземной голос.

— Собачья чушь! — в ярости заорал Главса, царапая ногтями по оконному стеклу.— Чтобы меня обставил какой-то пексионер, отставной козы барабанщик?! Не бывать тому! Да вы знаете, кто я?! — Голос у него срывался, он злобно грозил звездолету кулаком. Потом умолк, резко повернулся к главному энергетику: — Чего вы ждете? Почему не открыли огонь?

— Но вы же не отдали приказа, профессор!

— На чем я остановился?

— На... кажется, на цифре «два».

— Продолжаю...

— Профессор! Профессор же! — в кабинет снова вор-

валась секретарша.— Вас к телефону! Стокгольм, комитет по Нобелевским премиям.

Главса взял трубку, злобно глядя исподлобья на главного энергетика. Снова раскатился над замершим космодромом голос Моби Дика:

— Звездолет «Моби Дик» готов к полету и ожидает приказа!

Профессор Главса, зажав рукой трубку, обернулся и открыл рот, но в этот момент секретарша вырвала у него из рук трубку и прокричала в нее по-английски:

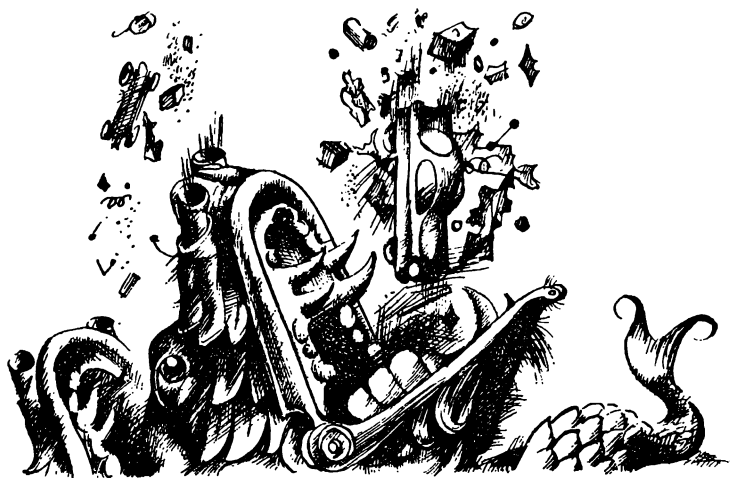
— На помощь! Профессор Главса сошел с ума и убивает Моби Дика! Он опасен для всех нас! Помогите!

Главса, зарывав, бросился на девушку, этим воспользовался главный энергетик. В два прыжка он оказался у профессорского стола — командного поста космодрома, нажал кнопку микрофона и прокричал:

— Звездолет «Моби Дик»! Приказываю: подготовиться к четвертому экспериментальному полету на Луну! Не возвращаться без особого приказа! Сохранить жизнь человеку внутри! Внимание! Старт!

Моби Дик стремительно взмыл вверх, сделал круг над слушавицким космодромом, и вскоре серебристо-стальная точка исчезла из глаз машущих на прощание служащих. Сторож автостоянки почесал в затылке, вытер слезящиеся глаза и сказал:

— Эхма, опять в проходной никого нету!

Д ж. Э з е р т о н

НЕЖДАННО-НЕГАДАННО

Один за другим все шестеро вошли и сели на свои места. Председательствующий Маскиссон безо всяких околичностей перешел к делу:

— Джентльмены! По имеющимся у меня абсолютно достоверным сведениям, происходит сброс мусора и промышленных отходов в Индийский океан. Заводы Хупа угрожают превратить его в...

На всех лицах появилось одинаково тоскливое выражение, а мученические взгляды поднялись к потолку: вечно эта проблема — и как всегда, никакого пути к ее разрешению.

— От мусора просто деваться некуда, — сказал Маскиссон, — и мы должны найти выход. Но, как мы все хорошо знаем, наш первый долг — содействовать тому, чтобы у предметов широкого потребления была короткая жизнь.

Все, как один, поднялись на ноги, благоговейно произнес священную формулу:

— Хвала Износу!

Потом сели, покачивая головами, все, кроме Барнса из департамента экономики, который помахал рукой, чтобы привлечь к себе внимание председателя.

— Я нашел подрядчика. Берется ликвидировать любой хлам. Я проверял: действительно, может.

Он как будто бы не замечал враждебных взглядов, устремленных на него остальными, хорошо помнившими, что Барнс однажды уже брался за это дело. Тогдашний «подрядчик» попробовал было перепродать использованное. Ему дали двадцать лет за семикратное превышение срока пользования предметами потребления, а проблема по-прежнему оставалась и стояла теперь острее, чем когда-либо. И вот этот дурак Барнс подсовывает им еще одного мошенника!

Не успел Маскиссон рта раскрыть, как Барнс резким движением распахнул дверь и ввел в комнату заседаний широко улыбающегося круглого человечка в сверкающем металлоновом костюме.

— Сейчас, джентльмены, мистер Грипфайлер вам покажет,— сказал Барнс, явно гордясь своей находкой.

Мистер Грипфайлер заулыбался еще лучезарнее. Щелкнув замком, он открыл свой саквояж из этернаметалла и извлек оттуда изящную машинку, сделанную из прозрачного органического камня и полированного дюралметалла. В самой ее середине, в переплетении платиновых проволочек, покоился небольшой дюралметаллический ящичек с двустворчатой крышкой из раковин моллюска.

— Вот, джентльмены, моя Чудо-Мельница. Ликвидирует любые материалы, не выделяя при этом никаких твердых, жидких и газообразных отходов.

— И абсобритву тоже? — попробовал пошутить Хуп.

Неудачная шутка: кто не знал, что из всего, созданного могучей техникой, ничто так плохо не поддается ликвидации, как эти небольшие, но опасно блестящие лезвия? Сделанные из этернаметалла со специальными добавками, они никогда не тупились, но в связи с недавним повышением квоты на продукцию компании «Абсобритва» никому не разрешалось бриться одним и тем же лезвием больше одного раза. Отступления от этого правила могли оказаться губительными для экономического цикла.

— У вас не найдется одной? — спросил мистер Грипфайлер.

Одна нашлась — в керамической умывальной комнате рядом с комнатой заседаний. Раздвинув толстым пальцем ракушечные челюсти своего прибора, мистер Грипфайлер бросил абсорбиту в ящичек. Челюсти сомкнулись. Мистер Грипфайлер нажал на кнопку. На какое-то мгновение проволочки накалились докрасна, потом снова стали матово-белыми.

Мистер Грипфайлер развел створки в стороны. Абсорбиту внутри не было! У присутствующих создалось впечатление, что на глазах у них проделали фокус, требовавший необычайной ловкости рук. Они стали давать мистеру Грипфайлеру носовые платки, перочинные ножи, наручные часы — в общем, всякие мелочи, которые в ближайшем будущем они были обязаны спустить в мусоропровод и заменить новыми. И каждый раз, даже тогда, когда небольшой ящичек оказывался набитым доверху, мистер Грипфайлер ликвидировал все, что в нем было, ликвидировал так, что от содержимого не оставалось и следа.

Молчание нарушил Маскиссон:

— Лично меня это убедило, но хотелось бы услышать мнение остальных.

Ответом ему были энергичные кивки и возгласы:

— Берем! Скорее подписывайте с ним контракт!

Они приняли условия мистера Грипфайлера. Он не подвел их, и вскоре на Земле уже работали с полной загрузкой пятьсот Чудо-Мельниц, послушно проглатывавших все, что люди считали мусором и отбросами.

Но никому не пришло в голову спросить у мистера Грипфайлера, куда все это девается. Главное — проблема была решена. Остальное уже никого не интересовало.

Блурро IV сидел на скамейке из магния, лениво разглаживая складки своей фиброидной тоги. В мире 80 704 года, в котором жил Блурро, проблем больше не было. И немалую роль тут сыграла Чудо-Мельница, возникшая, по преданию, из нильского ила где-то около 2080 года. История вопроса никого не интересовала — знали только, что эти благословенные машины с челюстями из ракушек берут на себя заботу обо всем хламе, который производит или может произвести человек. Все шло в божественную Чудо-

Мельницу и исчезало в ней. В мире Блурро царили чистота и порядок.

Но в этот июньский день 80 704 года Блурро вдруг показалось, будто воздух у него перед глазами собирается разрешиться от бремени. Он, этот воздух, явно силился родить что-то.

Плоп! — прозвучало вздохом облегчения, и к ногам Блурро упал небольшой блестящий предмет. Он поднял его и сразу же порезался. Вслед за первым предметом градом посыпались другие: две небольшие тикающие машинки, комки смятой бумаги, перочинный нож...

За какой-нибудь месяц сад, который представлял собой мир 80 704 года, превратился в свалку всякого неприглядного хлама, к тому же опасного, потому что теперь в этом мире не было места, где не шел бы непрекращающийся дождь из угрожающе острых абсорбтив.

Решение проблемы оказалось под силу лишь самому мудрому из мыслителей, Кларолю III. Следуя полету своей мысли, такой же блестящей и безответственной, как мысль Грипфайлера, Клароль переориентировал Чудо-Мельницы, и теперь они перемещали хлам не только во времени, но и в пространстве.

Никто не спрашивал Клароля, куда все девается. Проблема была решена, а остальное уже никого не интересовало.

В тридцати миллионах световых лет от Земли, на захолустной планетке Омикрон, последняя еще остававшаяся в живых пара из великого племени чешуйчатых длиннофипов волочила свои восемьдесят совсем ослабевших ног по усыпанной костями гранитно-базальтовой равнине. Их ожидала смерть, так как они доели последние глыбы металлоносной руды, которые им удалось найти среди камней.

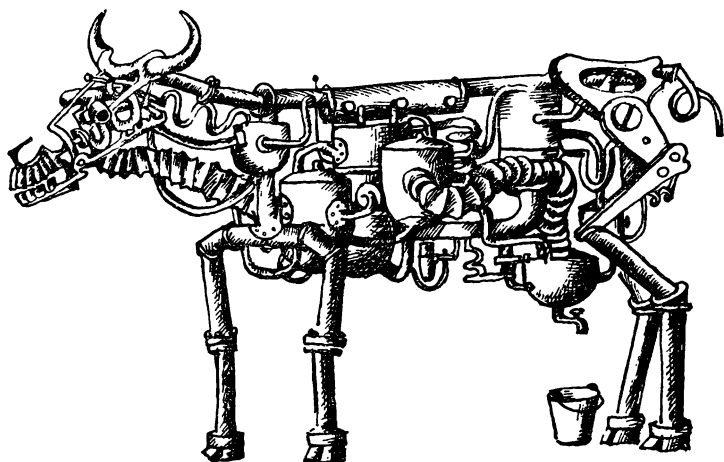
Лишь слабый дымок вырывался из черной пасти огромного самца. Но вдруг что-то блеснуло в воздухе перед полузакрытыми глазами терявшей последние силы самки. Снова что-то блеснуло, но на этот раз она поймала блестку своим верхним щупальцем. Блестка была крошечной, но хрустнула на зубах совсем как металл. За ней посыпались новые. Полуживой самец почувствовал, что подруга толкает его в бок. Одним из своих пяти глаз он взглянул вверх и увидел: с неба падает манна.

Когда четыре желтые луны снова взошли над Омикроном, двое длиннофипов блаженно рылись в огромной куче консервных банок из нержавеющей дюраметалла и других металлических предметов, бесконечным потоком падавших из стратосферы. Из топок под пищеварительными котлами длиннофипов доносилось веселое гудение и потрескивание, и когда самец поднимал свою огромную верхнюю челюсть, длинный язык белого пламени расплавлял эмаль на громоздившихся перед ним старых автомобилях.

А около родителей неуклюже резвились два детеныша, с аппетитом уплетавшие абсобритвы, которые падали на равнину как лепестки металлического цветка.

И ни один из четверых не остановился и не спросил себя: «Откуда взялся спасительный корм?»

Им было все равно — они ели, и этого с них было довольно.

Роберт Силверберг

ТРУ-РУ-РУ

День, когда Элу Мейсону, специалисту по гидропонике, пришла в голову эта идея, начался на Третей Лунной Базе как обычно: сонные, с покрасневшими от недосыпания глазами ученые и инженеры сползались к завтраку.

Первый прием пищи ни у кого не вызывал приятных эмоций. Персонал Третей Лунной состоял исключительно из мужской половины человечества. В отсутствие женщин, без строгих ограничений рабочего дня, ничто не отвлекало от научных споров, зачастую затягивающихся за «полночь», до двух, а то трех часов утра по местному времени.

Но в половине восьмого по тому же времени раздавался неумолимый звонок, зовущий к завтраку. Повара строго следовали распорядку дня. И те, кто не хотел работать на пустой желудок, являлись в столовую после пяти и даже трех часов сна, с налитыми кровью глазами и больной головой.

За завтраком разговор не клеился. Ученые коротко здоровались друг с другом, просили передать соль или сахар да жаловались на качество пищи.

Прошлой ночью Эл Мейсон лег спать после трех, увлекшись беседой с заезжим астрономом с Первой Лунной. И четырех с небольшим часов сна явно не хватило, чтобы прийти в себя. Но идея уже проклюнулась и пошла в рост, прдираясь сквозь туман недосыпания.

— Порошковое молоко,— бурчал Мейсон.— Каждое утро порошковое молоко! Да любой уважающий себя теленок отказался бы от второго глотка этой гадости.— Он налил полный стакан и, скривившись, отпил белой жидкости.

— Если б ты пил по утрам кофе,— не без ехидства заметил биохимик Моури Робертс,— то давно перестал бы жаловаться.

— Я люблю молоко,— возразил Мейсон.— И не хочу пить кофе.

— Затянувшееся детство,— прокомментировал Сэм Брюстер, программист.— Поэтому его все еще тянет на молоко.

Подобное заявление могло вызвать разве что смех, учитывая рост и массу Мейсона, шесть футов три дюйма и двести фунтов на Земле соответственно. Мейсон действительно хмыкнул.

— Давай, давай, упражняйся в психоанализе, если тебе этого хочется. Но я все равно люблю молоко, настоящее молоко, а не этот эрзац!

Кувшин переходил из рук в руки. Одни добавляли молоко в овсяную кашу, другие в кофе. Но никто не отрицал, что порошковое молоко порядком всем надоело. Как, впрочем, и остальные сублимированные продукты, «овощные» котлеты, пирожки с «мясом» и тому подобное. Но другого и не предвиделось. Космические перевозки стоили недешево, и предпочтение отдавалось приборам и инструментам, а не натуральным бифштексам. Сублимированные продукты по вкусу, возможно, и уступали обычным, но содержали то же количество калорий, занимая при этом в десять раз меньше места в трюмах прилетающих с Земли кораблей.

Эл Мейсон наклонился вперед, лениво размышляя о том, как приятно есть настоящую пищу круглый год, а не только на рождество. Натуральные продукты. Молоко и мясо.

Мейсон допил молоко и вздрогнул, так как идея выскользнула наконец из глубин подсознания и обрела реальную форму. Мейсон рассмеялся. Несомненно, абсурдная идея, но весьма привлекательная.

Он осторожно взглянул на другой стол, где завтракало начальство. Командор Хендерсон уписывал омлет из яичного порошка, одновременно проглядывая бюллетень новостей, полученный ночью из Вашингтона. Но все знали, что командор обладает идеальным слухом. Напряженный бюджет Третьей Лунной не оставлял места для незапланированных исследований, и Мейсон не без оснований опасался, что командор может пресечь его проект в самом зародыше.

— У меня идея,— Мейсон понизил голос до шепота.— Насчет порошкового молока и всего остального.

— Интересно,— откликнулся Моури.— Поделись.

— Не сейчас,— ответил Мейсон.— А то командор сразу придушит ее. Поговорим вечером. Кажется, есть возможность поразвлечься.

Весь день Мейсон не произнес ни слова, но идея зрела и набиралась сил. Он трудился в теплице, ухаживая за грядками. Какой бы блестящей ни была идея, гидропоника, как, разумеется, и любая работа, имела неоспоримый приоритет, и Мейсон это прекрасно понимал.

В 1995 году на поверхности Луны высилось восемь рукотворных куполов. Три базы построили американцы, три — русские, по одной Китай и Индия. Хотя холодная война давно уступила место разрядке и все поняли, что лучше жить в мире, чем под постоянной угрозой взаимного уничтожения, научное соперничество оставалось достаточно острым. И чтобы не отстать, ученым приходилось трудиться с предельным напряжением.

Третья Лунная занималась, главным образом, прикладными науками. К сожалению, члены различных комиссий Конгресса не могли понять важности проводимых там исследований, вследствие чего Третьей Лунной постоянно не хватало денег. Но исследования продолжались, несмотря на ежегодные попытки урезать ее бюджет.

Луна буквально создана для криогенной техники, и, естественно, она занимала главенствующее положение на Третьей Лунной. По важности решаемых задач с ней могла

соперничать разве что гидропоника. Человечество с каждым годом расширяло свои владения, и постоянно возникало немало вопросов, связанных с обеспечением земной экологии в новых условиях, требующих немедленного ответа. Также процветали на Третьей Лунной физика высоких и низких давлений, синтез сверхчистых веществ и многое, многое другое. Контроль над учеными практически отсутствовал, никто не спрашивал конкретных сроков завершения тех или иных работ, но все понимали, что само существование Третьей Лунной зиждется на доброй воле Конгресса. И направление на Третью Лунную являлось мечтой каждого молодого ученого. Точно так же цвет науки России стремился попасть на лунную базу, названную именем Капицы.

Теоретически рабочий день на Третьей Лунной заканчивался в семнадцать ноль-ноль. На деле ученые были хозяевами своего времени. При желании они имели право уйти из лаборатории в двенадцать часов, но могли продолжить эксперимент и до «утра», если возникала такая необходимость. Сотрудники базы редко бросались в такие крайности, хотя их рабочая неделя обычно составляла восемьдесят — девяносто часов. Иногда командору Хендерсону приходилось даже запрещать кое-кому из них приходить в лабораторию, исключительно из медицинских соображений.

На Третьей Лунной имелось несколько комнат отдыха, где ученые могли расслабиться и поговорить в непринужденной обстановке. В одну из них, помещение В, в девятнадцать ноль-ноль и вошел Эл Мейсон.

Он облегченно вздохнул, не увидев ни одного представителя администрации базы. Зато его ждали пятеро коллег — Сэм Брюстер, Моури Робертс, криогенщик Лен Гарфильд, микробиолог Дейв Херст и Нат Брайан, специалист по физике твердого тела.

Мейсон улыбнулся и сел в кресло, мурлыкая под нос знакомую всем песенку:

Рано, рано поутру
Пастушок: «Тру-ру-ру-ру!»
И коровки в лад ему
Затянули: «Му-му-му».

Сэм Брюстер оторвался от микропленки и посмотрел на него.

— О боже, Мейсон, ты действительно впадаешь в детство? Тебе уже нужна няня. Что же будет дальше?

— Он начнет сосать кулак,— предположил Лен Гарфильд.

— Все дело в химикатах, которые используются в гидропонике,— пояснил Моури Робертс.— Они воздействуют на обмен веществ и...

— Достаточно! — Мейсон поднял руку, призывая к тишине.— Возможно, кто-то из вас помнит, что утром у меня возникла идея.

— Ура! — воскликнул Гарфильд.— У Мейсона идея! Тот нахмурился:

— Не надо оваций. Итак, продолжим. Сегодня за завтраком я понял, что порошковое молоко стоит у меня поперек горла. Но где взять натуральное? И ответ пришел сам по себе. Натуральное молоко можно получить только от коровы!

— От коровы? — фыркнул Сэм Брюстер.— На Луне?

— Она сможет пасть у тебя в теплице,— усмехнулся Моури Робертс.

— Вы еще успеете пошутить, а пока дайте мне закончить. Я не хуже вас понимаю, что ни на нашей базе, ни вообще на Луне не найдется места для живой коровы. И Земля никогда не разрешит привезти ее сюда, слишком велики расходы на космические перевозки. Но я сказал себе: мы же мастера своего дела. У нас есть специалисты во всех областях знаний. Так почему, почему мы не можем построить корову?

На мгновение в комнате отдыха повисла тишина.

— Построить корову? — переспросили трое.

Эл Мейсон кивнул.

— Совершенно верно. Почему бы и нет? Разумеется, администрации это не понравится, но мы можем никому ничего не говорить, пока не получим положительного результата.

— Построить корову,— повторил Гарфильд.— Целиком? С рогами и копытами?

— Перестаньте меня подначивать,— притворно рассердился Мейсон.— Я имею в виду устройство, которое будет производить натуральное молоко. Я представляю себе цепочку механизмов, начинающуюся с приемника сырья и

заканчивающуюся молочным краном, которая будет напоминать корову лишь в функциональном отношении.

Мейсон огляделся. Потребовалось лишь несколько секунд, чтобы предубеждение уступило место живому интересу. Некоторые из сидящих, судя по всему, мысленно уже начали набрасывать первые схемы. Конечно, все они могли обойтись без натурального молока. Во всяком случае, в кофе оно не отличалось от порошкового. Но предложение Мейсона пришлось им по душе. Они не делали различий между работой и отдыхом. И то и другое означало для них познание непознанного.

— Я не смогу все сделать сам,— сказал Мейсон.— Вы мне поможете?

Все пятеро кивнули.

— Я предполагал, что вы не сможете отказаться от такого лакомства. Итак, приступаем к осуществлению проекта «Босси». Какие будут предложения?

Предложения посыпались как из рога изобилия. Мозговой штурм, как обычно, затянулся далеко за «полночь» и с каждым часом становился все яростнее.

— Мы понимаем обмен веществ коровы,— говорил Мейсон.— Мы знаем, каким образом она производит молоко. Нам известен состав молока — жиры, лактоза, белки, вода. Мы знаем, что происходит в пищеварительном тракте коровы. Так что мешает нам построить ее аналог?

— А мне не известно, как корова делает молоко,— возразил Лен Гарфильд.— В криогенной технике это не нужно. Моури, не мог бы ты восполнить этот пробел в моем образовании?

Биохимик задумчиво пожал плечами.

— Ну, корова, главным образом, питается травой. Которая, в основном, состоит из целлюлозы. Хорошо пережеванная целлюлоза поочередно проходит через четыре желудка коровы. Там микроорганизмы разлагают целлюлозу на более простые составляющие. По ходу содержимое желудков ферментируется, затем переваривается.

— Что касается молока,— продолжал Робертс,— то оно образуется из веществ, циркулирующих в крови коровы. Ее вымя содержит особые клетки, выделяющие молоко в альвеолы, связанные с протоками молочной железы. Там молоко собирается и оттуда откачивается. Как и говорил Мейсон, молоко состоит из жиров, лактозы, белков и большого количества воды. Процесс получения

молока предельно ясен. Нам необходимо лишь воспроизвести последовательность биохимических реакций, происходящих в организме коровы, начиная с подачи целлюлозы с последующим ее разложением на аминокислоты и прочие составляющие. Если мы шаг за шагом повторим этот процесс, то на выходе обязательно получим натуральное молоко.

— Ты не учел одной особенности,— заметил Сэм Брюстер.— Коровье вымя — чертовски сложная штука. Если кто-то думает, что мы сможем изготовить механический двойник такого фильтра, то хочу обратить ваше внимание, что я не гарантирую положительного результата и через девяносто лет.

— Для этого элемента системы нам не потребуется механический двойник,— ответил Моури Робертс.— Я согласен, создание фильтра, выделяющего молоко из крови коровы, нам не по зубам. Но мы можем использовать настоящее вымя и получить из него молоко.

— Да? — удивился Брюстер.— А где ты собираешься добыть настоящее вымя?

— Оно у меня есть,— усмехнулся Робертс.— Подозреваю, ты уже знаешь об этом, Эл, не так ли?

Мейсон кивнул.

— У Моури много замороженных образцов тканей животных, необходимых для биологических исследований. В том числе, как я предварительно выяснил, у него есть и коровье вымя.

— И я без особых хлопот могу позаимствовать несколько клеток,— продолжил Робертс.— Поместим их в питательную среду в термостате, и они будут делиться и делиться. Каждые сорок восемь часов или чуть больше их объем будет увеличиваться вдвое. Так что через довольно короткий промежуток времени мы вырастим вымя нужного нам размера.

— Вымя понадобится нам только на конечном этапе,— заметил Нат Брайан.— А как насчет микроорганизмов, участвующих в процессе пищеварения? Их-то у тебя нет.

— Мы их синтезируем,— ответил Дейв Херст.— В нашей лаборатории мы можем создать все, что угодно. Моури, ты только скажи, что нам нужно, и...

— Я знаю, что нам нужно,— прервал его Сэм Брюстер.— Уйма оборудования. Мы ведь хотим построить са-

могонный аппарат, получив на выходе не спиртное, а молоко. И где мы возьмем необходимые материалы?

— Достанем,— спокойно ответил Мейсон.— Постепенно. Никто не станет возражать, если мы позаимствуем несколько ярдов трубок да пару железок. Главное, чтобы наши действия не казались слишком подозрительными.

По выражению лиц своих коллег Мейсон понял, что крючок проглочен. Месяца два на Третьей Лунной царили тишина и спокойствие. С тех пор как один из программистов научил робота из лаборатории сверхчистых материалов печь сдобные булки.

Они обсуждали не только возможные препятствия, но и способы их преодоления. Высказывались различные предположения, многие тут же отменялись и заменялись новыми. Около трех часов «утра» они решили, что на сегодня достаточно. Предстояло ответить не на один вопрос, прежде чем перейти к практической реализации идеи Мейсона. Но главное направление уже определилось — создание системы механического аналога пищеварительного тракта коровы в сочетании с выращенной из кусочка вымени гигантской молочной железой на выходе из нее.

На следующий день за завтраком они, как обычно, почти не разговаривали: четыре часа сна не способствовали хорошему настроению. После завтрака, до начала работы, Мейсон заглянул к командору Хендерсону и попросил разрешения использовать одну из свободных лабораторий Третьей Лунной.

Хендерсон проглядел положенный перед ним заполненный бланк.

— Что ты придумал, Эл? — спросил он.

— У меня возникла идея, сэр. И я хочу посмотреть, что из этого выйдет.

Хендерсон улыбнулся:

— Мы находимся здесь именно для того, чтобы проверить наши идеи. Не мог бы ты ввести меня в курс дела?

— Если вы не возражаете, сэр, пока я предпочел бы ничего не говорить. Необходимо кое-что проверить.

— Хорошо, я не возражаю. Хотя...— глаза командора сузились,— надеюсь, твоя идея не потребует дополнительных расходов?

— Нет, сэр. Все необходимое оборудование имеется на базе.

— Вот и отлично,— облегченно вздохнул командор.— Вашингтон кусает меня за пятки, Эл. На следующий год они хотят урезать наш бюджет на пять, десять, а то и пятьдесят миллионов. И, зная порядки на Капитолийском холме, можно ожидать, что они своего добьются. Поэтому сейчас не стоит затевать дорогостоящие проекты. Нам повезет, если Конгресс выделит ту же сумму, что и в прошлом году.

— Я понимаю, сэр. И не сомневаюсь, что проверка моей идеи не потребует дополнительных затрат. Это всего лишь... шаг в сторону от основного направления исследований, сэр.

— Ну что ж,— улыбнулся Хендерсон,— можете заниматься лабораторию.

Поблагодарив командора, Мейсон вышел из его кабинета и позвонил Моури Робертсу.

— Все в порядке,— сказал он.— Старик выделил нам Помещение 106-А.

— Чудесно. Я нашел участок ткани коровьего вымени и только что поместил его в термостат с питательной средой. Вчера, после того как мы разошлись, я набросал схему пищеварительного тракта коровы. Мы сможем использовать ее в качестве отправной точки.

— Понятно.— Мейсон не мог не улыбнуться.— До вечера.

Первая неделя ушла на споры. Высказанные предложения раздирали на части, а затем собирали вновь. Они убеждали друг друга, ругались, сердились. К концу недели уже наметили довольно логичный план дальнейшей работы. Они соглашались не со всем и не сразу, но в яростных спорах слетала шелуха и оставались лишь зерна истины.

А в термостате росло и росло вымя. Клетки, помещенные в питательную среду, делились, делились и делились.

Сэм Брюстер разработал программу автоматической подачи различных компонентов. Дейв Херст приступил к синтезу необходимых ферментов. Мейсон руководил. Постепенно, недели за две, противоречивые, казалось бы, предложения шестерки сложились в единое целое — проект «Босси».

На пятой неделе началась материализация проекта — в Помещении 106-А появились четыре медных котла, связанные пластиковыми трубопроводами. Они представляли собой четыре желудка коровы. Сэм Брюстер смонтировал насос для постоянной перекачки содержимого котлов. Насос, так же как и котлы, Мейсон получил со склада базы по специальному требованию. Никто не поинтересовался, зачем они ему понадобились.

Проект набирал силу, и вскоре к четырем котлам присоединились пятый, шестой, а затем и седьмой. Работа, естественно, велась только по вечерам. Никто из создателей механической коровы не забывал о своих прямых обязанностях.

После семи недель стало ясно, что пищеварительный тракт коровы нельзя имитировать лишь обеспечением регулярного движения его содержимого. Постоянно возникали различные неувязки.

Некоторые из синтезированных ферментов реагировали друг с другом, для контроля процесса пищеварения пришлось разработать сложную систему дозированного ввода ферментов. Кислота, образующаяся в одном из котлов-желудков, разъела часть трубопроводов, и потребовалась их срочная замена. Для распределения продуктов пищеварения, которое у коровы обеспечивалось простыми гормонами, в схему пришлось ввести дорогую центрифугу, позаимствованную из биохимической лаборатории Моури Робертса.

К девятой неделе появились первые проблески успеха, но одновременно на горизонте проекта появилось небольшое облачко, совершенно неожиданно превратившееся в грозовую тучу.

Первое предупреждение прозвучало за завтраком. В столовую вошел дежурный радист, остановился перед столом Хендерсона, отдал честь и положил перед ним желтый бланк радиограммы, только что полученной с Земли. Прочитав ее, командор громко выругался. Все разговоры тут же стихли. Хендерсон встал. Его лицо потемнело, лоб прорезали морщины.

— Господа, прошу прощения за то, что мне придется испортить вам аппетит, но я получил плохие новости, которыми и хочу поделиться с вами, — он пожевал нижнюю губу, сдерживая распирающую его ярость. — Как вы, должно быть, знаете, хотя и не придаете этому особого

значения, в Соединенных Штатах в ближайшем будущем пройдут выборы. Через десять месяцев многие сенаторы и конгрессмены рискуют остаться без работы, если им не удастся убедить избирателей, что именно они должны представлять их на следующий срок. И сейчас наступает время, когда все они будут стремиться доказать, что не зря сидят на Капитолийском холме и изо всех сил пекутся о благосостоянии избирателей.

Перехожу к делу. Мне только что сообщили, что очередной транспортный корабль, который должен прилететь к нам через двадцать семь дней, доставит на Луну трех сенаторов и трех конгрессменов. Они будут проверять, насколько разумно расходуются здесь деньги налогоплательщиков.

В тот вечер Эл Мейсон и его друзья собрались в Помещении 106-А в подавленном настроении. Они оказались в положении человека, наклонившегося для того, чтобы погладить котенка, и внезапно обнаружившего, что держит за хвост тигра.

— Да,— протянул Мейсон, оглядывая нагромождение труб, котлов и проводов.— Похоже, нашему везению пришел конец. Сенаторы! Конгрессмены!

— Мерзкие шпики,— пробурчал Сэм Брюстер.

— Они с удовольствием выслушают наши объяснения,— добавил Нат Брайан.— Разве они смогут понять, что мы хотели лишь немного поразвлечься.

— Поразвлечься! — фыркнул Моури Робертс.— Конгрессмены полагают, что ученым это ни к чему. Они уверены, что мы начисто лишены чувства юмора и в разговоре пользуемся лишь междометиями, да и то для соединения формул. Если они пронюхают, что ради развлечения я притащил сюда центрифугу стоимостью в девятьсот долларов...

— И реле, и транзисторов на добрую сотню,— добавил Сэм Брюстер.

— И котлы, и трубопроводы,— эхом отозвался Лен Гарфильд.— Расходомеры, холодильник...

— И что из этого? — воскликнул Мейсон.— Неужели вы хотите умыть руки?

— Нет, но...

— Что «но»? — оборвал Мейсон Сэма Брюстера.— Неужели ты хочешь все разобрать и разложить по полочкам?

Тогда комиссия никогда не узнает, чем мы тут занимались. А Хендерсону мы скажем, что наша идея не дала практического результата, и мы отказались от дальнейшей разработки.

— Но результат есть! — с жаром возразил Дейв Херст. — Еще один месяц, и мы своего добьемся. Нельзя останавливаться на полпути, Эл!

— Полностью с тобой согласен, — кивнул Мейсон. — Что нам конгрессмены? Когда они прилетят, мы временно ляжем на дно и понадеемся на то, что нам не придется отвечать на их вопросы. Мы зашли слишком далеко, чтобы все бросить. Ваши предложения?

— Мне кажется, работу надо продолжить, — ответил Нат Брайан.

— И я того же мнения, — поддержал его Дейв Херст. Согласились и остальные. Проект «Босси» двинулся дальше.

Выращенное в питательной среде вымя достигло наконец требуемых размеров, и однажды ночью термостат перенесли в Помещение 106-А и подключили к системе. Шла одиннадцатая неделя. Теперь они могли ввести целлюлозу в приемник механической коровы и пропустить ее через четыре желудка, где она разложится на более простые составляющие, превратится в синтетическую кровь, а уж из нее выращенное вымя отфильтрует молоко. Мейсон рассчитал, что для получения кварты молока им потребуется триста кварт синтетической крови. В дальнейшем они наделись поднять процент выхода.

Затем возникли непредвиденные трудности. Первая порция молока, полученная на двенадцатой неделе, оказалась дурнопахнущей жидкостью, содержащей шестьдесят процентов жира и пятнадцать белка. Она свернулась, едва показавшись из вымени, и с каждым мгновением пахла все хуже. Причину неудачи нашли в конструкции подвода синтетической крови к вымени, задерживающей глюкозу и галактозу и пропускающей излишек жира.

Они преодолели и это препятствие, разработав систему подводящих капилляров. Механическая корова росла вширь. Котлы пищеварительного тракта едва просматривались сквозь переплетение труб и проводов, соединяющих в единое целое многочисленные приборы и управляющие механизмы. Вскоре она заполнила каждый квадратный дюйм Помещения 106-А и полезла к потолку.

Но тут выявился новый недостаток — они забыли о секрете, выделяемом печенью и играющем важную роль в усвоении жира. Натуральное коровье молоко содержало его не более четырех процентов, они же не могли получить меньше двадцати пяти. Неделя упорного труда ушла лишь на то, чтобы понять, каких огромных усилий потребует создание механического аналога органа секреции.

Проект оказался на грани катастрофы.

Выход нашел Нат Брайан:

— У нас есть настоящее вымя. Почему бы нам не использовать и настоящую печень?

Моури Робертс перевернул все запасы биохимической лаборатории, но нашел замороженный участок ткани коровьей печени. На следующий день Робертс заполнил питательной средой второй термостат. В нем начали делиться клетки коровьей печени. На ней зиждилось спасение проекта «Босси».

Клетки делились и делились. Каждые три дня вымя приходилось подрезать, чтобы оно не вылезало из термостата.

Они приближались к успеху.

Но и конгрессмены подлетали к Луне.

Они прибыли точно по расписанию, в девять ноль-ноль двадцать восьмого января 1996 года. Все шестеро, как и ожидалось. Полная масса законодателей с учетом их багажа составила тысячу триста фунтов, поэтому немалую толику полезного груза пришлось оставить на Земле. Как объяснил командор Хендерсон, на этот раз Третья Лунная могла не рассчитывать на новые видеокассеты или пиво. Остался на складе и комптоновский спектрометр, столь необходимый астрономам Первой Лунной. Возмущаться не имело смысла. Законодатели выделяли средства на финансирование лунных поселений, они же и заказывали музыку.

В то утро, придя в столовую, каждый сотрудник обнаружил на тарелке ксерокопию памятной записки командора следующего содержания:

«Всему личному составу базы.

По прочтении уничтожить».

Сегодня в девять ноль-ноль транспортный корабль до-

ставит к нам шестерых членов Конгресса. Они пробудут на Третьей Лунной десять дней, а затем отправятся инспектировать другие базы. Прошу относиться к ним с предельным уважением! Я не шучу. Они могут оставить нас без гроша на следующий финансовый год.

Занимайтесь обычными делами. Я не требую организации специальных экспериментов. Но постарайтесь вести себя поскромнее, не используйте материалы и оборудование, объяснить назначение которых довольно сложно. Будьте вежливы, отвечайте на все заданные вопросы и, самое главное, постарайтесь показать, если представится такая возможность, насколько важны ваши исследования для блага рядового налогоплательщика.

Обратите особое внимание на то, чтобы наши гости не хватались руками за провода высокого напряжения, не выходили на поверхность Луны без шлемов и скафандров и вообще не подвергали свою жизнь опасности. Любое происшествие с ними отрицательно скажется на нашем будущем.

И помните — они не собираются остаться здесь навечно. Десять дней — и они уедут!»

Эл Мейсон положил листок на стол и повернулся к соседу, Сэму Брюстеру.

— «Не используйте материалы и оборудование, объяснить назначение которых довольно сложно», — процитировал он послание командора. — Самое время напомнить об этом. Мне бы не хотелось объяснять, куда пошли все эти реле, термостаты, центрифуги.

— Если командор сунется в 106-А, — заметил Брюстер, — от разговора не отвертеться. Придется тебе, Эл, придумать что-нибудь убедительное.

Сенаторов разместили в административном секторе Третьей Лунной, а для членов Палаты представителей освободили один из складов. Самому младшему из гостей давно перевалило за пятьдесят, и меньшая, чем на Земле, сила тяжести пришлась им по душе. Но, едва ступив на территорию базы, они начали оглядываться, выискивая первую жертву, и всем стало ясно, что к памятной записке командора следует отнестись со всей серьезностью.

Шестерка участников проекта «Босси» решила, что в эти десять дней лучше держаться подальше от Помещения

106-А, сведя свою деятельность к минимуму. Никому из них не хотелось встретиться там с членами комиссии. Во-первых, созданная ими махина не могла остаться незамеченной, загляни законодатели в Помещение 106-А. Во-вторых, стоимость использованного оборудования превысила десять тысяч долларов. А какая комиссия могла одобрить действия ученых, без ведома руководства базы потративших столько времени и средств ради такого пустяка, как производство молока, и только потому, что им захотелось поразвлечься.

И Мейсон с друзьями появлялись в Помещении 106-А крайне редко, лишь для того, чтобы проверить, как растет печень. Вымя чувствовало себя прекрасно.

Очень скоро на Третьей Лунной поняли, кто из членов комиссии наиболее опасен. Особым рвением выделялся конгрессмен Клод Мэннерс. По странному совпадению его избирательный округ находился в Нью-Гэмпшире, родном штате Мейсона. Мэннерс встречал в штывы любые государственные расходы. И во всех уголках базы слышался его тонкий, пронзительный голос, задающий один и тот же вопрос: «Понятно, но какая от этого практическая польза?»

Под стать ему был и Альберт Дженнингс, сенатор от штата Алабама. Он, правда, отдавал предпочтение другим вопросам: «Не могли бы мы обойтись без этих исследований?» и «Позвольте узнать, сколько стоит эта установка?».

Проверялся каждый выделенный Конгрессом цент. Третью Лунную трясло как в лихорадке. Эл Мейсон уже клял себя за то, что предложил построить механическую корову. Он не сомневался, что рано или поздно тайное станет явным.

А ведь до полного успеха им оставался лишь один шаг. При последней проверке все системы сработали без замечаний. И даже печень уже грозила вылезти из термостата, так что Моури Робертсу пришлось уменьшить температуру питательной среды, чтобы замедлить ее рост. Если бы эти ищейки покинули базу, думал Мейсон, они могли бы испытать печень в деле...

На четвертый день пребывания законодателей на Третьей Лунной Эл Мейсон прибирался в теплице, готовясь к встрече с конгрессменом Мэннерсом, когда зазвонил телефон.

Он снял трубку.

— Отделение гидропоники. Мейсон слушает.

— Эл, это командор Хендерсон. Не мог бы ты заглянуть ко мне на пару минут?

— Разумеется, сэр. Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас. Если ты не занят.

Озабоченный тон командора встревожил Мейсона. Он положил трубку, сказал помощнику, что уходит, и полетел к кабинету Хендерсона.

Командор действительно волновался. Его лицо осунулось, морщины стали резче. Уж ему-то комиссия доставляла куда больше хлопот, чем остальным.

— Эл, час назад я показывал нашим гостям северное крыло базы. Они захотели осмотреть Помещение 106-А.

«О! О!» — мысленно простонал Мейсон.

— Да, сэр.

Хендерсон выдавил из себя улыбку.

— Вы соорудили нечто уникальное, Эл.

— Да, довольно сложная установка, — признал Мейсон.

Хендерсон кивнул. Уголки его рта дрогнули.

— Э... наших гостей она очень заинтересовала. Они захотели узнать, для чего она предназначена. Конгрессмен Мэннерс так и спросил: «В чем заключается ее практическая польза?»

— Польза, сэр? — тупо повторил Мейсон.

— Да, польза. — Командор тяжело вздохнул. — Я... э... сказал им, что установка используется для биологических исследований. Они, однако, потребовали еще более конкретного ответа. Я выкручивался, как мог, но в конце концов признал, что понятия не имею, для чего предназначена эта чертова штуковина. И теперь я попал в довольно щекотливое положение, Эл. Почему-то они считали, что командор должен знать обо всех научных исследованиях, которые проводятся на вверенной ему базе.

Мейсон облизнул губы и промолчал.

— Возможно, нам повезет и мы выкрутимся без особых хлопот, — продолжал Хендерсон, — но все может кончиться весьма плачевно. Скажи, пожалуйста, Эл, на случай, если они вновь насядут на меня, что именно вы соорудили в 106-А?

— Это корова, сэр, — едва слышно проямлил Мейсон.

Командор удивительно быстро пришел в себя. Лишь на мгновение затуманился его взгляд.

— Как, как?

— Это... э... устройство для преобразования целлюлозы в пищевые продукты, сэр. В молоко, если говорить точнее. Хендерсон медленно кивнул.

— Корова. Понятно, Эл. Вы построили машину, которая дает молоко.

— Да, сэр. Правда, она еще не доведена.

— Скажи мне, Эл, чем вызвана необходимость создания такой машины?

— Ну... э... мы хотели немного поразвлечься, сэр. Видите ли, сэр, мы не ожидали, что потребуется так много... — под взглядом командора Мейсон замолк на полуслове.

— Хорошо, Эл. — Чувствовалось, что Хендерсон с трудом сдерживает себя. — Вы построили ее для развлечения. Ты знаешь, у меня доброе сердце. Я не стану сердиться. Выметайся отсюда, иди в теплицу и приступай к работе. Если кто-то тебя спросит, скажи, что в Помещении 106-А установлен биологический конвертор. Придумай что-нибудь помудренее. Говори что угодно, но конгрессмены не должны знать, что вы угрожали столько средств ради того, чтобы поразвлечься. Как и о том, что эта громадина предназначена для производства молока. Иначе... Я даже представить не могу, что произойдет, если они узнают об этом.

— Да, сэр.

— Вот так-то. А теперь убирайся.

И Мейсон выскочил из кабинета.

В коридоре он едва не столкнулся с Моури Робертсом.

— Я бегу в 106-А, Эл, — протараторил биохимик. — Брайан заглянул туда и сказал мне по телефону, что печень растет как бешеная. Я хочу обрезать ее и уничтожить излишки, а потом... Эл, что-нибудь случилось?

— Да.

— Ты ужасно выглядишь.

— Если б ты знал, что у меня на душе... — Мейсон махнул рукой в сторону кабинета Хендерсона. — Старик вызывал меня на ковер. Похоже, сегодня утром наши гости сунули нос в Помещение 106-А и пожелали узнать, для чего предназначена такая прорва оборудования.

— Нет!

— Да. Командор, разумеется, не мог сказать ничего определенного и понес какую-то чушь. Но он не уверен, что их устроил его ответ.

— Эл, это кошмар! Что же теперь будет?

Мейсон пожал плечами.

— Хендерсон, скорее всего, выкрутится, но после отъезда комиссии нам не поздоровится. Наша идея пришла ему не по вкусу.

— Так что же нам делать?

— Ничего,— ответил Мейсон.— Представление продолжается. Ты пойдешь в 106-А и обрежешь печень. А мне пора в теплицу.

Робертс затрусил к Помещению 106-А, Мейсон побрел к теплице. Затем остановился, поднял голову и сквозь прозрачный купол долго смотрел на далекую Землю.

Кому нужны эти сенаторы? — спрашивал он себя.

Ищейки, скуперджи. Сейчас трудности только у командора, но комиссия уедет, и вот тогда они узнают, что почем. Свобода творчества — это одно, разбазаривание государственных средств на такие пустяки, как механическая корова,— совсем другое. А если об этом станет известно в Вашингтоне...

По телу Мейсона пробежала дрожь. Он не мог не признать, что «корова» отбилась от рук. Они и не подозревали, что задача окажется такой сложной.

Тут Мейсон нахмурился. Что там сказал Робертс? Печень росла как бешеная. Он собирался обрезать ее и уничтожить излишки... Стоп! Стоп!

Моури Робертс хотел подрезать вполне съедобное мясо. А если их «корова» могла давать мясо и молоко... «Черт,— подумал Мейсон,— а вдруг мы старались не зря? Почему мы должны прятаться? Наша выдумка придется весьма кстати. Но...»

Внезапный окрик прервал его размышления:

— Эл! Иди сюда!

Мейсон повернулся. В дверях столовой стоял Ролли Файрстоун, кок первого класса.

— В чем дело, Ролли? — пробурчал Мейсон.

— Я приготовил тебе сюрприз. Тебе понравится, Эл.

Пожав плечами, Мейсон направился к коку. Тот провёл его на кухню.

— Подожди здесь,— Файрстоун загадочно подмигнул.

Мейсон нетерпеливо переминался с ноги на ногу, но ждать пришлось недолго. Файрстоун вернулся со стаканом белой жидкости.

— Ты постоянно клянeshь порошковое молоко, вот я и решил удивить тебя. Только никому об этом не говори.

Мейсон взял стакан. Понюхал. Пахло молоком. И внешне белая жидкость ничем не отличалась от молока.

— Чего ты ждешь? — торопил его Файрстоун.— Пей.

Мейсон пригубил раз, другой, а затем одним глотком отхватил полстакана. Молоко! Натуральное молоко! Вкусное и ароматное!

— Где ты его достал? — спросил Мейсон. Их корова не давала еще молока, да и Файрстоун понятия не имел о проекте «Босси». Откуда, недоумевал Мейсон, могло взяться на Луне натуральное молоко?

— Личные запасы конгрессмена Мэннерса,— ответил кок.— Я подумал, что от него не убудет, если ты выпьешь один стаканчик. Он привез с Земли пять или десять галлонов молока.

У Мейсона отвисла челюсть.

— Он... привез... пять или десять... галлонов... молока?

Файрстоун радостно кивнул.

— Я знаю, что ты любишь молоко, и решил побаловать тебя.

— Но зачем... почему он привез с собой молоко?

— У него язва. Он на молочной диете. Пьет только молоко и почти ничего не ест. С ним у меня никаких хлопот. Залез в холодильник да налил стакан, вот и все дела. А уж с остальными просто беда. Если б ты слышал, что они говорят о сублимированных продуктах!

Мейсон хмыкнул:

— Они сами в этом виноваты. Мы едим эрзац, потому что выделенных ими денег не хватает ни на что другое.

— Да,— кивнул Файрстоун.— Вот и попробуй им сказать об этом.

— Я? — Мейсон широко улыбнулся и допил молоко.— Я тут работаю, Ролли. Зачем мне нарываться на неприятности. Спасибо за молоко, старик.

— Только никому не рассказывай.

— Я буду нем как рыба,— пообещал Мейсон.

Два следующих дня прошли без происшествий. Мейсон и его друзья по-прежнему заглядывали в Помещение 106-А лишь в случае крайней необходимости. Излишки печени теперь не уничтожали, но аккуратно складывали в холодильник. Да и кто в здравом уме мог выкинуть натуральное мясо. После отъезда комиссии они намеревались отдать печень Файрстоуну и закатить пир. Бифштексы из сушеных водорослей порядком всем надоели, и вряд ли кто отказался бы от жареного мяса.

Перед обедом шестого дня пребывания законодателей на Третьей Лунной Мейсон шел к себе, чтобы переодеться, когда его остановил Ролли Файрстоун.

— Эл, мне надо с тобой поговорить,— прошептал кок.

— Слушаю тебя. Что случилось?

— Помнишь стакан молока, который я дал тебе пару дней назад? Молока конгрессмена Мэннерса?

— Да,— кивнул Мейсон.— А что?

Файрстоун дрожал от страха.

— Ты никому не рассказывал об этом?

— Конечно нет. Неужели ты думал, что я могу подвести тебя?

— Если кто-нибудь узнает, что я дал тебе молоко Мэннерса,— пролепетал Файрстоун,— командор четвертует меня.

— Да? А почему?

— Потому что я только что заглянул в молочный контейнер Мэннерса. Он практически пуст. Молока ему хватит на сегодняшний вечер, а утром он закатит нам концерт.

— Но ты говорил, что он привез с Земли десять галлонов молока. Как оно могло кончиться?

— Он же не считал каждый стакан,— ответил Файрстоун.— И кто я такой, чтобы указывать ему, сколько он должен пить молока. Да и я сам не обратил внимания на то, что оно подходит к концу. А Мэннерс требовал молока, как только у него свербило в животе, пять, шесть, семь раз на день, а то и чаще.

Мейсон рассмеялся:

— Мне это нравится. Конгрессмен, так ревностно урезающий ассигнования на нужды других, не может рассчитывать свои потребности в молоке.

— Это не смешно, Эл. Мэннерс будет рвать и метать,

но, держу пари, никогда не признается, что сам во всем виноват.

— Ты сказал Хендерсону?

— Нет. Я зайду к нему после обеда. Но помни, ни слова о том стакане, иначе мне конец! Мэннерс скажет, что я поил молоком всех подряд.

— Не волнуйся, Ролли, я не скажу ни слова.— Мейсон вновь улыбнулся. Судя по всему, ситуация менялась к лучшему. Если только они успеют все закончить.

Впервые после прибытия вашингтонских гостей в Помещении 106-А закипела работа. Всю ночь участники проекта «Босси» устраняли последние недоделки.

Ближе к утру они смогли облегченно вздохнуть, с гордостью оглядывая свое детище, полностью заполнившее Помещение 106-А. Стопка листов бумаги, единственного, за неимением травы, источника целлюлозы, лежала у вводного лючка. Приемник молока находился у противоположной стены. А между ними извивались трубы и провода, громоздились котлы, расходомеры, центрифуги и два термостата с выменем и печенью.

— Ну что ж,— сказал Мейсон.— Проверим ее в деле.

Моури Робертс и Нат Брайан открыли люк и всунули в него кипу бумаги. Сэм Брюстер нажал несколько клавиш на пульте компьютера, управляющего процессом пищеварения. «Корова» загудела. Бумага медленно вползла в челюсти ножиц. Оттуда, измельченная, двинулась в первый желудок и, обильно смоченная водой, продолжила долгий путь, по ходу распадаясь на более простые составляющие. В точно заданное время в продукты пищеварения вводились синтезированные ферменты. Щелкали переключатели, на пульте загорались и гасли разноцветные лампочки.

По расчетам Мейсона, на получение молока из бумаги требовалось не меньше трех часов. Без двадцати шесть из вымени показали первые капли. В половине седьмого, после быстрого анализа, проведенного Моури Робертсом, участники проекта «Босси» чокнулись стаканами с молоком, натуральным коровьим молоком до десятых долей процента.

Затем пятеро из них отправились по своим комнатам, чтобы немного отдохнуть перед завтраком, а Эл Мейсон поспешил к командору Хендерсону.

...В тот день Хендерсон поднялся рано, а может, и вообще не ложился спать. Во всяком случае, и в приемной и в кабинете горел свет. Открыв дверь, Мейсон оказался лицом к лицу с майором Чалмерсом, адъютантом командора.

— Доброе утро, майор,— поздоровался Мейсон.

— Доброе утро,— ответил тот.

— Командор занят? Мне нужно с ним поговорить.

— К сожалению, он занят,— покачал головой Чалмерс.— Будет лучше, если ты зайдешь попозже, что-нибудь к обеду.

Из кабинета донесся громкий голос командора:

— Говорю тебе, Донован, мне необходимо молоко для Мэннерса. Через полчаса он узнает, что контейнер пуст, и его вопли будут слышны на Марсе. Разумеется, он сам виноват в том, что пил молоко слишком быстро, но попробуй сказать ему об этом. Да он и слушать не станет.

Мейсон улыбнулся майору Чалмерсу:

— О чем идет речь?

— У конгрессмена Мэннерса язва, и он на молочной диете,— сухо ответил Чалмерс.— Он привез молоко с Земли, но, как видно, мало, потому что вчера вечером Ролли Файрстоун обнаружил, что запас подошел к концу. Мэннерс ничего не ест, от порошкового молока он отказался, и командор всю ночь уговаривает Землю послать сюда специальную ракету с молоком для Мэннерса.

— Но ракета долетит до нас только через четыре дня,— удивился Мейсон.

— Значит, ты понимаешь, в каком мы тяжелом положении. Поэтому будь добр, уйди отсюда и не появляйся до тех пор, пока...

— Нет,— покачал головой Мейсон.— Послушайте, сэр, мне нужно немедленно поговорить с командором.

— Это невозможно. Я же объясняю, он на связи с Землей.

— Ну и что? Скажите ему, что я могу достать молоко. Натуральное молоко.

— Ты... что? Знаешь, Мейсон, нам не до шуток.

— А я и не шучу. Я могу достать молоко. МО-ЛО-КО.

— Ты что, принимаешь нас за дураков? — рассердился Чалмерс.

Мейсон выругался, отстранил адъютанта и прошел в кабинет. Хендерсон склонился над микрофоном.

— Убирайся отсюда,— рявкнул он, подняв голову и увидев входящего Мейсона.— Я говорю с Землей.

— Я знаю, сэр. Можете с ними попрощаться. Мне известно, какие у вас трудности. Я только хотел сказать, что синтезатор действует. У нас есть молоко для Мэннерса.

— Что? — у Хендерсона изумленно округлились глаза. Он пробурчал в микрофон что-то невнятное и отключил связь.— Ты хочешь сказать, что это чудовище в 106-А дает молоко? Вам удалось реализовать вашу идиотскую идею?

— Да, сэр. Кроме того, мы получили и печень. Сегодня ночью мы довели до ума нашу «корову».— Мейсон с трудом подавил зевоту.— Если нужно, сэр, вы можете взять молоко для конгрессмена Мэннерса.

В положенный день февраля комиссия Конгресса вылетела на Землю. Прошел месяц, и на Третью Лунную прибыл очередной транспортный корабль.

После окончания разгрузки командор послал за Мейсоном.

На его столе лежало несколько распечатков микрофильма.

— Это выдержки из «Конгрешенл рекорд»,— пояснил Хендерсон.— Вот что говорил конгрессмен Мэннерс:

«...глубокое впечатление произвели на меня мастерство и изобретательность ученых Третьей Луной Базы. Вынужденные питаться сублимированной пищей, они смогли выкроить время и средства, чтобы создать полноценные аналоги некоторых земных продуктов. Спустя несколько дней пребывания на Луне мои коллеги и я были приятно удивлены, получив на завтрак молоко и мясо, по вкусу и составу ничем не отличающиеся от натуральных, но полученных, как мы потом узнали, с помощью удивительного технологического процесса, названного биохимической трансмутацией. Молоко и мясо из макулатуры! С потрясающе низкими затратами! Триумфальная победа нашей науки открывает...»

Хендерсон замолчал и посмотрел на Мейсона.

— Стиль Мэннерса излишне высокопарен, поэтому я не стану читать дальше.

— Полагаю, наши достижения произвели на них впечатление, сэр.

— Несомненно. Молоко к тому же спасло Мэннерса от

позора. А печень их просто потрясла. Наши ассигнования на следующий финансовый год увеличены на десять миллионов.

— Рад это слышать, сэр.

Хендерсон улыбнулся:

— Я еще не извинился за то, что не так давно накричал на тебя. Когда ты рассказал мне о сущности вашего проекта.

— Извинений и не требовалось, сэр.

— Наоборот, Эл,— покачал головой Хендерсон.— Вы немного развлеклись, и я взгрел вас за это, хотя мне следовало знать, что ваши развлечения тоже приносят пользу. Как бы походя вы решили главную проблему нашего существования на Луне. И теперь у нас есть синтезатор молока и мяса. Он, возможно, слишком громоздкий и...

— Я как раз хотел поговорить об этом, сэр. Мы... э... разработали новую модель. Гораздо меньших размеров и с увеличенным процентом выхода. Но нужно специальное оборудование, требующее дополнительных расходов. Поэтому...

Все еще улыбаясь, Хендерсон написал что-то на листке бумаги и протянул его Мейсону:

— Возьми, Эл. Я разрешаю заказывать все, что вам нужно. Продолжайте ваши развлечения. И постройте нам лучшую корову.

П О В Е С Т И

Уильям Т. Пауэрс

НЕЧЕМ ДЫШАТЬ

В ГОРАХ

Куда ни глянь, сосновые иглы втоптаны в пыль, и все же это было вполне приличное место для лагеря. Оно находилось близко к вершине хребта, а от прочих стоянок было отделено кустарником, росшим между соснами. Под деревом удачно встала палатка. Вечером, когда поднимался ветер и накрапывал дождь, крона сосны служила надежным прикрытием.

К востоку лес спускался по склону. На противоположной стороне ущелья была громадная скала. Предзакатное солнце превращало ее в золотой занавес на фоне темно-синего неба. Авансценой служили темно-зеленые, скрывавшиеся в тени вершины сосен внизу.

Питер Лэтроп стоял у костра, любуясь этой картиной. Потом взглянул на часы, глубоко вздохнул, задержал ды-

хание, с сожалением выпустил воздух, допил пиво из банки и отбросил ее в сторону.

— Здесь такой воздух, Грейс,— произнес он,— что его можно пить.

— Не везде,— откликнулась Грейс.— Во всяком случае, не в палатке, где я меняю пеленки...

— Куда делись дети?

— Откуда мне знать? Наверно, внизу, у большой скалы. Ты лучше за ними сходи.

— Ладно.— Питер снова поглядел на часы и пустился вниз по тропинке.

Тропинка вилась вокруг огромного камня, преграждающего склон. На камне сидели четверо ребятшек. Старший, уже подросток, стоял на самой вершине, глядя на горевшую в лучах солнца сосну. Остальные — мальчик лет девяти и две девочки, одна десятилетняя, другая не больше пяти, маленькая для своего возраста,— играли неподалеку.

Они увидели Питера.

— Привет, папа,— сказал подросток.— Поднимайся к нам.

— Нет, это уж вы спускайтесь, Тим. И помощи спуститься Пиви.

— Я не хочу уезжать,— отозвалась Пиви.

— Джуди, Майк, спускайтесь, кому я сказал!

— Пап, давай останемся дотемна. Еще так рано!

— Мы и так опаздываем. За два дня нам надо одолеть тысячу миль. Хватит. Все вниз.

— Пап, поднимись к нам, ну на секундочку!

Питер начал сердиться:

— Майк, немедленно слезай. Ты что думаешь, мне самому хочется отсюда уезжать? Сколько можно повторять одно и то же?

Нехотя дети подчинились. Тим спускался первым, помогая младшим. Вереницей они вернулись в лагерь. Питер замыкал шествие. Грейс вылезла из палатки в тот момент, когда они показались на лужайке. Она держала на руках грудного ребенка, а двухлетняя малышка держалась за ее юбку.

— Пора ехать? — спросила она.

— Уже пять часов.

На лужайке воцарилось подавленное молчание. Наконец Питер нарушил его:

— Тим, складывайте с Майком палатку. Девочки, переносите вещи в машину.

Мальчики сняли палатку и принялись прыгать на ней, чтобы скорее вышел воздух. Девочки подбежали к машине, неся полные ладони сосновых шишек. Старшая спросила:

— Пап, можно мы их возьмем с собой?

Питер выглянул из «фольксвагена».

— Куда я их дену? Выбросьте их в лес.

— Милый, а можно я парочку захвачу с собой? — спросила Грейс.

— Ты же знаешь, что отсюда ничего нельзя брать. Ну ладно, каждая берет по две шишки — остальные бросайте.

Обрадованные девочки отбежали, высыпали добычу на землю и принялись выбирать самые красивые шишки. Мальчишки сложили палатку и взгромоздили ее на крышу «фольксвагена». Палатка уместилась между чемоданами и большим пропановым баллоном, приваренным к крыше. Две медные трубки тянулись от него к двигателю.

— А нам тоже можно взять шишек? — спросил Тим.

Они с Майком побежали к девочкам.

— Захватите одну для мамы! — крикнула Грейс.

— Дети, поглядите вокруг — мы ничего не забыли? Поехали.

Питер подергал за трос, которым были примотаны чемоданы и палатка.

Грейс вышла из машины, за ней выбрались дети с драгоценными шишками в руках. Все они глядели на гору, которая потемнела и стала оранжевой.

— Пап, а нам обязательно надо уезжать? — спросил Тим. — Давай останемся еще на денек.

— Не хочу уезжать, — захныкала Пиви.

Питер смотрел на гору.

— Пап, я ненавижу жить внизу, — сказала Джуди. — Я хочу остаться здесь.

Она заплакала, и от этого во весь голос зарыдала и Пиви.

— Грейс, убери детей в машину! — раздраженно проговорил Питер, не отрывая взгляда от горы.

— Хорошо, милый. Джуди, дорогая, ты первая. На заднее сиденье. Пиви — за Джуди. Майк, ты возьмешь Крошку. Подвиньтесь, Тиму совсем нет места. — В голосе Грейс звучали слезы. — Да не кладите ноги на коробки с едой!

Грейс посадила двухлетнюю малышку на колени, заняв место рядом с водителем. Питер отвернулся от горы, сел в машину и захлопнул дверцу.

— Можно закрыть окна,— сказал он, заводя машину. Облако газов вырвалось из выхлопной трубы, застилая кучу пивных банок и картонных тарелок, оставленных ими на поляне.

— Это был хороший отпуск,— сказала Грейс.

С заднего сиденья доносились приглушенные всхлипывания.

Машина съехала с лужайки на пыльную дорогу, которая вилась между деревьями. Когда они проезжали поляны для пикников, отдыхающие махали им руками. Никто в машине не отозвался. Спускались все ниже. Было тихо, лишь гравий скрипел под колесами. Лес постепенно редел, деревья были ниже и тоньше, чем наверху, трава у дороги совсем побурела.

Машина достигла широкой площадки, Питер прижался к краю и выключил двигатель.

— Все,— сказал он.— Доставайте.

Никто не двинулся, и Питер рассердился:

— Вы что, не чувствуете? Надевайте и закрывайте окна.

— Дети, слушайтесь папу,— сказала Грейс.— Он прав. Тим, передай мне мой, отцовский и малышкин.

Тим вытащил из сумки три противогаза и передал их вперед. Остальные он раздал соседям. Все стали оттягивать резинки, чтобы надеть маски.

— Совсем как свиное рыло! — сказала, плача, Джуди. Она прижала маску к лицу и откинула назад волосы, чтобы они не мешали.— Я его ненавижу!

— Перестань реветь,— сказал отец.— У тебя очки запотеют.— Голос Питера звучал глухо, искаженный маской. Он поглядел в зеркало и увидел, что Тим смотрит в окно.— Тим, надень маску Крошке, сколько раз нужно говорить!

— Не стану я надевать эту штуку на него,— упрямо сказал Тим.

-- Черт побери! — взорвался отец, но Грейс положила ладонь ему на руку.

— Я сама,— сказала она.

Мать открыла дверцу, вышла из машины, поставила малышку на дорогу и нагнулась к заднему сиденью.

Грудной ребенок начал кричать. Потом рыдания младенца стали глуше. Грей сказала:

— Тим, нет, ты, Майк, держи ручки Крошке, ему надо привыкнуть.

Она вылезла наружу, подняла маленькое существо в маске и снова села на переднее сиденье.

Дверца захлопнулась, подняли стекла, и машина покатилась дальше.

За поворотом деревья были бурыми, а дорогу покрывал толстый слой пыли. Машина миновала дом лесничества, спуск стал более пологим. Впереди дорога тонула во мгле. Мгла становилась все более плотной и с каждым километром желтела. Питер двумя руками крепко держал руль и, не отрываясь, вглядывался в дорогу. Грудной снова закричал, потом заплакали Пиви и Джуди, и машина растворилась в плотном желтом тумане.

НАБЛЮДАТЕЛИ

Самолет-наблюдатель вырвался на чистый воздух лишь на высоте 3500 футов. Желтоватая облачная пелена внизу казалась бесконечной равниной.

Пилот поправил микрофон на груди.

— Станция, Четвертый на связи. Высота четыре тысячи футов. Видимость отличная.

— Четвертый, вас понял. Через две минуты меняйте курс.

— Есть. До связи.

Наблюдатель, сидевший позади пилота, тронул его за плечо:

— Можно снять респираторы?

— Снимайте.

Они сняли маски, оставив их висеть на ремнях.

— Ни одного разрыва,— услышался голос сзади.

— Все затянато. Но мы все равно пройдем по маршруту. Поворот через минуту. Проходим Балтимор, курс на запад.

— Порядок.— Наблюдатель нажал несколько кнопок на небольшой контрольной панели и посмотрел на экран перед собой. На его лице играли желтые отсветы дисплея.

— Пора.

Самолет повернул, солнце осталось сзади. Оранжевая полоса выхлопных газов протянулась в сторону Бостона.

По мере удаления от самолета она расширялась, превращаясь в вытянутое оранжевое облако.

Снимки, сделанные с самолета, передавались по нескольким каналам. Релейная станция в Балтиморе принимала их и тут же ретранслировала в Чикаго. Там информация расшифровывалась компьютером и уже в таком виде появлялась на шести экранах, установленных в зале на верхнем этаже Службы наблюдения. Прохожие с мостовой в желтом мареве не видели верха этого здания, а с сорочкового этажа не было видно ни мостовой, ни вершин дуговых небоскребов по соседству.

Два человека следили за монитором, который дублировал изображение с одного из экранов.

— Слушай, Джо, какой смысл это записывать? — наклонился стоявший к тому, что сидел в кресле напротив экрана, на котором видна была бесконечная желтая муть.

— Не знаю. Уже десять дней ни единого прорыва. Давай все-таки запишем, по крайней мере в инфракрасном.

— Тогда я перенесу изображение на масштабную сетку.

— Хорошо, Мак.

Маколей уселся в соседнее кресло и взял микрофон.

— Четвертый, — сказал он. — Четвертый, вызывает Служба.

— Четвертый на связи.

— Измеряйте высоту над уровнем моря через каждую милю. Держитесь на четырех тысячах.

— Вас понял.

На главном экране и дублирующем мониторе возникли два красных огонька. Сблизившись, они слились, и по нижнему срезу экрана начали ритмично вспыхивать цифры, указывавшие границу верхней кромки облака: 3528—3535—3535—3570—3550—3510... Практически верхняя граница была постоянной.

— А что было вчера? — спросил Джо.

— Примерно три четыреста. Сегодня на сотню футов выше.

Джо взял микрофон и произнес:

— Четвертый, говорит Служба. Вы меня слышите? Прием.

— Четвертый на связи.

— Продублируйте данные лазером. Высоту не менять.

— Вас понял.

Красный огонек раздвоился, затем воссоединился вновь.

— Служба, данные лазера совпадают с радарными. Высота полета четыре тысячи.

— Вас понял. До связи.

— Надо поговорить с Тейлором,— сказал Маколей.— Продолжай наблюдения, Джо.

Когда Маколей ушел, Джо включил внутреннюю связь и что-то спросил. За стеклянной стеной ему хорошо был виден большой зал, некогда служивший телестудией. Несколько десятков человек сидели перед консольными столами по его периметру. Динамик над головой Джо ожил:

— Так точно, Джо,— послышался голос.— Мы сейчас на связи с Денвером и Солт-Лейк-Сити. Как только канал на Солт-Лейк-Сити освободится, мы свяжемся с Седьмым.

Маколей закрыл за собой дверь, спустился этажом ниже и остановился перед дверью с табличкой «Служба наблюдения Востока и Среднего Запада». Он кивнул секретарше за барьером, отделявшим приемную от конторы, и, миновав столы, за которыми строчили машинистки, постучал в дверь с надписью «Координатор Службы наблюдения Джеймс Тейлор».

Послышался голос. Маколей вошел.

Джим Тейлор диктовал стенографистке. Он обернулся к вошедшему:

— Привет, Мак, подожди минутку.— Он продолжал диктовать: — Несмотря на то, что в наши функции входит лишь наблюдение, полученные за последние десять дней данные вызывают серьезную тревогу и требуют принятия срочных мер... Вычеркните «тревогу», напишите «озабоченность»... Концентрация двуокиси серы, углекислого газа и прочих вредных примесей, начиная с прошлого вторника, резко увеличилась. Принятие экстренных мер затрудняется... Мэр Чикаго Финли настаивает на создании резервов качественного угля ввиду неизбежных трудностей с отоплением. Он утверждает, что любое снижение напряжения в сети может создать угрозу самому существованию города и окрестностей. Возможно, это и так. Фильтрационные и холодильные установки не справляются с нагрузкой, и уже на высоте сорока этажей давление в системах резко падает.

Тейлор сделал знак стенографистке, что кончил диктовать, и спросил Маколея:

— Что у тебя?

— То же и даже хуже. Высота облака на сто футов больше, чем вчера. Ни одного разрыва от Балтимора на двести миль к востоку.

— На сто футов? Там нет возвышенностей?

— Я говорю о средней высоте.

— Понятно.— Тейлор устало вздохнул: — Что мы и предполагали. Слушай, Мак, ты мне понадобишься. Бетти, не уходи, я продолжу.

Последние слова относились к стенографистке. Он начал диктовать дальше:

— Ситуацию можно охарактеризовать как угрожающую. Наши доклады за последние десять дней направлялись по обычным каналам, но ввиду отсутствия заместителя министра никакой официальной реакции на наши сопроводительные записки не последовало. С новой строки... В дополнение следует указать, что местные власти пытаются разрешить проблемы таким образом, словно в других районах тех же проблем не существует. Города соревнуются между собой, стараясь урвать как можно больше энергии. Они достигли предела, исчерпав собственные резервы, и для поддержания статус-кво им приходится обращаться к центральной энергетической системе. Последнее расширение производства энергии в Чикаго достигнуто путем введения в строй в дополнение к атомной энергии оборудования, работающего на угле, так как запасы природного газа и нефти практически израсходованы. Существует острая конкуренция между потребностями общественного транспорта и системами отопления. В то же время не ослабевает конкуренция между потребителями. Эти факторы способствовали увеличению выброса в атмосферу вредных примесей. Такое положение существует во всех крупных городах нашей зоны. Абзац... Как я уже отмечал выше, очевидно, мы достигли точки, когда требуется введение особых мер по борьбе с выбросами, увеличивающими загрязнение. Наблюдается резкий спад в экономике, поскольку в условиях, когда все силы уходят на поддержание жизни в атмосфере, непригодной для жизни, никакая созидательная работа невозможна... Абзац...

В настоящее время картина осложняется возникновением нового феномена — заполнением всех разрывов в

облачном слое, который покрывает северо-восток страны. Вскоре это явление поставит под угрозу сельское хозяйство, и уже сейчас изменения атмосферных условий... Вычеркните, Бетти, предыдущую фразу. Вместо нее напишите так: и уже сейчас резко уменьшилось количество осадков и коренным образом изменилась климатическая модель. Облачный слой, как только в нем исчезли последние разрывы, стал утолщаться. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что утолщение слоя продолжается... С новой строки...

Служба наблюдения убеждена (Маколей кивнул в ответ на взгляд Тейлора), все принятые до сих пор меры себя не оправдали, и если ограничиться ими, катастрофа неминуема. У нас существует лишь выбор между неконтролируемой и контролируемой катастрофой. Абзац.

Наши рекомендации, основанные на неопровержимых фактах, заключаются в следующем... Мак?..

— Закрыть заводы.

— Первое. Немедленно прекратить производство сталелитейным, автомобильным, нефтеперерабатывающим, химическим предприятиям (исключение составляют лишь атомные станции), по меньшей мере, на шестьдесят дней.

— Выключить свет.

— Второе. Под угрозой строжайших наказаний запретить использование электроэнергии во всех других целях, кроме поддержания жизни. Эта мера включает освещение жилых помещений, кондиционирование воздуха (исключая работу фильтров), освещение учреждений, улиц, использование любых электроприборов, за исключением холодильников.

— Автомобили.

— Третье. Запретить использование личных автомашин. Все поездки должны ограничиваться абсолютной необходимостью. Предусмотреть строгие наказания за нарушения этого пункта. Пункт не распространяется на личные средства передвижения, не загрязняющие атмосферу. Ну как, Мак? Мы ничего не забыли?

— Это должно помочь. Но я не вижу объяснения утолщению облака. Возможно, началась цепная реакция, и облако будет утолщаться независимо от предпринимаемых мер.

— Хорошо, если ты ошибаешься в своем предположении. Бетти, начинай с новой строки. Все названные меры

означают, что нормальная деловая деятельность будет приостановлена. В настоящий момент перед нами стоит лишь одна задача — просуществовать в течение шестидесяти дней. После этого, возможно, задача не упростится, если понадобится прожить еще шестьдесят дней на том, что останется. Дальше обычные формальности. Бетти, исправь мои ошибки и перепечатай. Список адресатов для рассылки я дам позже.

Стенографистка захлопнула блокнот. Еще несколько секунд она сидела, глядя на Тейлора полными слез глазами, затем поднялась и молча вышла.

— Умница,— сказал Тейлор,— будь у меня свободная минута, я бы тоже поплакал.

— Думаешь, кто-нибудь нас послушает? Кому ты посылаешь доклад?

— Министру внутренних дел. В Белый дом. А копии всем, кому возможно. Я пошлю их Первым сегодня же вечером.

— Значит, ответа ждать завтра или в пятницу?

— Если его не будет, мы летим в Вашингтон.

— А как насчет заместителя министра? Ты действуешь через его голову.

— Он изучает перспективы загрязнения атмосферы, вдыхая свежий воздух Аляски в сопровождении жены, детей и проводника, который знает, где скрываются последние медведи.

— Совещание не отменяется?

— В три тридцать. Быть всем заведующим отделами. Позови Джо. Он в курсе дел Четвертого. И скажи ему, чтобы захватил сообщения со всех остальных самолетов.

Тейлор повернулся в кресле, чтобы поглядеть в окно. Сквозь мглу просвечивали смутные очертания ближайших небоскребов.

— Хоть бы сегодня был не август, а апрель. Ведь через месяц начинается отопительный сезон.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ В СТОЛИЦУ

Маколей стоял в кабине самолета, разговаривая с пилотом, который недавно летал по маршруту Четвертого. Свой портфель он положил на пустое кресло второго пилота.

— Я предпочел бы, чтобы вы летели не один,— сказал Маколей.

— Не беспокойтесь,— ответил пилот.— Обычно мы летаем с наблюдателем. А наблюдать сегодня нечего.

— Над восточным берегом ни одного просвета.

— Справлюсь. В письмах, что вы дали мне прочесть, чистая правда. Уж поверьте моему слову — сделаю все, чтобы доставить их в целости и сохранности.

— По крайней мере, заправьтесь безопасным горючим.

— Как раз сейчас идет заправка. Я приказал сменить топливо, когда мы получили доклад из Далласа.

— Ну и слава богу. Хоть при вынужденной посадке не взорветесь.

Ничего себе перспектива. Впрочем, я эту смесь не выношу. Приходится поддерживать в двигателе высокую температуру. К тому же оставляешь за собой оранжевый хвост во все небо. Не к лицу это Службе наблюдения.

— Забудьте об этом. Если они нас послушаются, обратно приедете в карете, запряженной парой лошадей.

Вошел механик из группы обслуживания и протянул пилоту путевой лист. Тот подписал его.

Пожав руку пилоту, Маколей покинул кабину. Он закрыл за собой люк и поспешил через поле к зданию аэровокзала. Наземная команда убирала трап и отсоединяла шланги. Оранжевый заправщик обогнал Маколея как раз перед тем, как он вошел в стеклянные двери вокзала.

Маколей только успел подняться на галерею, как самолет уже вырулил на взлетную полосу. Красные огни на крыльях зловеще светились сквозь ползущий туман. Минуту спустя самолет растворился во мгле.

Маколей подождал, пока не стих в ночи звук двигателей, и покинул почти пустой вокзал.

На высоте 3800 пилот увидел звезды.

На востоке над горизонтом поднималась луна. Холодный свет ее, отражаясь от поверхности облаков, помогал вести машину.

— Чикаго, вы меня слышите? Говорит Первый. Покидаю контрольную зону. Прошу разрешения сменить канал связи.

— Вас понял, Первый. Счастливого пути.

Пилот снял противогаз. Самолет поднялся на высоту восемнадцать тысяч футов. С высоты казалось, что он летит над бесконечным молочным морем. Дважды он вы-

ходил на связь с Землей. Ветра почти не было. Кливленд показался пилоту смутным пятном света, пробивающимся сквозь облако. Ни Питтсбурга, ни Балтимора ему разглядеть не удалось. Он начал снижение.

— Даллас, вызывает Первый наблюдательный.

— Первый, Даллас вас слушает.

— Прошу посадки.

— Посадку не разрешаю. На сколько у вас горючего?

— Минут на тридцать. Что изменится за это время?

— Идите в Балтимору,— сказал диспетчер после минутной паузы.— У нас авария в сети энергоснабжения, перешли на аварийные резервы. Мы не сможем вас посадить.

— Вас понял,— мрачно сказал пилот.— До связи.

Он перешел на другой канал связи:

— Балтимор? На связи Первый наблюдательный.

— Я вас слышу, Первый.

— Даллас не дает посадки. Вы можете меня принять? Я нахожусь в двадцати милях к северу от вас, высота полета восемь тысяч.

— Первый, вы меня слышите? У нас авария в энергосистеме. Столкновение на посадочной полосе. Основная полоса вышла из строя. Сколько сможете продержаться?

— Минут двадцать пять. Резервная полоса свободна?

— Свободна.

— Радар работает нормально?

— Пока да.

— Вам придется меня вести.

Пилот включил радар. Дисплей взорвался искрами. Он настроил его.

— Первый, не меняйте канала,— послышался голос диспетчера.— Мы видим вас. Восемнадцать миль к северо-востоку. Сделайте поворот на сто восемьдесят градусов.

— Вас понял.

Горизонт наклонился, ушел наверх и оставался там до тех пор, пока пилот не закончил поворот. На новом курсе самолет оставался несколько минут, постепенно снижаясь.

— Балтимор,— вызвал пилот,— говорит Первый. Моя высота четыре тысячи пятьсот. Она совпадает с вашими данными?

— Нет. Вы идете на высоте три тысячи девятьсот. Но я не доверяю нашему радару. Постараемся корректировать по вашему альтметру. Передавайте нам его показания через

каждые пятьсот футов. Вы находитесь слева от полосы, возьмите десять минут вправо.

— Десять минут вправо.

— Так держать. Будьте готовы к повороту на десять минут влево.

— Вас понял.

— Вы видите поле на вашем экране?

— Вижу. Я различаю разбитую машину, две полосы. Мне садиться на левой?

— Да.

— Три тысячи пятьсот.

Машина вошла в густой туман.

— Вас понял. Превышение высоты. Ускорьте снижение.

— Вас понял.

Через несколько секунд снова послышался голос пилота:

— Три тысячи.

Снова пауза.

— Две тысячи пятьсот.

И еще после паузы:

— Две тысячи.

— Вас сносит вправо. Возьмите пять градусов левее.

— Понял.

— Так держать.

— Тысяча пятьсот футов.

— Не спешите, Первый.

— Понял.— Пилот немного увеличил обороты, затем снова перешел на снижение.— Одна тысяча футов.

— Первый, вас сносит влево.

— На сколько?

— Поправка — десять градусов вправо. Теперь десять влево. Вы видите землю?

— Не вижу. Только по радару. Пятьсот футов.

— Нормально. Первый, теперь не прерывайте меня. Пять градусов влево. Хорошо. Два вправо. Чуть-чуть правее. Вы над ограничительными огнями. Держите скорость двести футов. Снова сносит влево! Еще, еще вправо! Вы видите посадочную полосу?

— Не...— и больше ни звука.

В контрольной башне диспетчер сорвал наушники и откинулся в кресле. Потом он наклонился вперед, глядя в туман за окном. Оранжевое зарево прорывалось

сквозь мглу там, где лежал пассажирский, который при посадке налетел на антенны наведения. Остальное поле было черным. Синие огоньки вдоль посадочных полос не могли пробиться сквозь туман. Диспетчеру показалось, что он видит слабый желтый блеск неподалеку от пассажирского лайнера. Наверное, «скорая».

— Джек, замени меня,— сказал диспетчер и поднялся. Он вышел из башни и остановился на краю поля. Вскоре подъехала «скорая».

— Вы были у наблюдательного, который только что сел? — спросил он водителя.

— Так точно. Он не загорелся, наверное, шел на спецгорючем.

— Сколько человек на борту?

— Один.

Диспетчер обошел машину и остановился возле задних дверей, откуда санитары доставали носилки. На теле покрытом одеялом, лежал портфель.

— Как его дела? — спросил диспетчер.— Плохо?

— А, знакомый голос,— послышалось с носилок.— Пока жив, спасибо.

— В конце вас снесло влево,— сказал диспетчер.

— Я жив — это главное. Погодите минутку, ребята. Мне нужно сказать пару слов диспетчеру. Слушайте, вы должны помочь. Дело государственной важности. Откройте портфель и прочтите инструкцию. Сегодня же ночью эти письма должны быть в Вашингтоне. Там есть копии — можете прочесть. Они должны быть доставлены сегодня вечером. Вы поймете почему. О'кей?

— О'кей.

— Спасибо. Теперь тащите меня отсюда. Черт возьми, больно уж очень, видно, ноги переломаны.

Меньше всего в тот момент интересовали диспетчера дела государственной важности. Он только что разбил второй самолет за вечер. Вся техника диспетчерской отказала. Хуже дня не придумаешь.

УДУШЬЕ

Грейс и Питер свалили чемоданы, тюки и плащи у двери и вошли внутрь дома. Тим внес грудного.

— Тим, закрой дверь. Я не дождусь, когда сниму эту дрянь с лица,— проговорила Грейс.

Она прошла в телевизионную комнату, зажигая по пути свет. Там она включила фильтр, занимавший целое окно. В комнатах замигали красные огоньки.

— Дети, можете пойти в уборную и ванную, но не снимайте противогазов, пока не загорится зеленый свет.

Питер вышел из кухни, держа открытую банку пива.

— Поспеши, зеленый огонек,— сказал он.— Я умираю от жажды.

— Я тоже умираю от жажды,— сказала Пиви и стала с лица маску.

— Пиви! — Питер бросился к ней.

Пиви задыхнулась и хотела закричать, но зашлась кашлем. Она шарила руками, стараясь отыскать брошенную маску. Питер схватил маску, одной рукой прижал ее к лицу дочери, другой сгреб девочку и бегом понес в телевизионную, где почти сунул головой в фильтр. Свежий воздух, струившийся сквозь решетку, обвевал лицо девочки. Она пыталась отдышаться.

— Что случилось, Пит? Что она сделала? — вбежала Грейс.

— Не волнуйся,— ответил Питер.— Пиви, дыши спокойнее, дорогая. Все обошлось, Грейс: Она была без маски секунды две.

Наконец Пиви смогла сесть. Она не хотела отходить от фильтра. Отец надел ей маску и закрепил ремешком. Но на девочку снова напал приступ кашля, глаза были полны слез. Она судорожно прижала маску к лицу.

Грейс вышла в общую комнату.

— Милый! — крикнула она оттуда.— Бери свое пиво. Зеленый свет!

Питер только отмахнулся.

Из спальни слышались восторженные крики:

— Зеленый! Зеленый!

Стаскивая маску, вошел Тим.

— Я их всех уложил,— сказал он.— Только Кроху пришлось перепеленать.

Грейс и Питер глядели друг на друга, держа уже ненужные маски в руках. Она потянулась к мужу. Питер поцеловал ее.

— В таком виде ты мне нравишься куда больше,— сказал он.— Пиви, все уже сняли маски. Тебе тоже можно.

Он наклонился и потянул за резинку, которая прижимала противогаз.

Грейс ушла к грудному.

— Нет! — закричала Пиви и начала отталкивать отца, прижимая к лицу маску и цепляясь другой рукой за решетку фильтра.

Питер опустился рядом с ней на колени.

— Девочка моя, воздух хороший. Видишь, я уже снял маску, и мама сняла. И Тим. Погляди.

Но глаза Пиви были зажмурены.

— Нет, — повторяла она. — Нет, нет, нет!

— Оставь ее, — сказала Грейс, заглянув в комнату. — Я сейчас приготовлю вам поесть.

Она отправилась на кухню.

— Пап, вот твое пиво, — сказал Тим, протягивая банку.

— Что-то оно теплое, — заметил Питер. — Послушай, Пиви...

Но девочка не двинулась с места.

Питер включил телевизор.

— Я погашу свет? — спросил Тим.

— Конечно, конечно, я совсем забыл.

Тим включил свет, горела только одна лампа в телевизионной.

— Опять напряжение упало, — сказал Тим, усаживаясь перед экраном. — Смотри, желтая лампочка.

Изображение на экране телевизора было мутным. Тим до предела прибавил яркость. По экрану пошли черные полосы.

— Еле тянет, — сказал он. — Кто это выступает?

— Наверное, какое-то объявление. Не знаю. Прибавь звук.

— Звук на пределе, — сказал Тим.

— Дай-ка мне. — Питер заглянул за телевизор. Появился звук.

Человек в респираторе отвечал на вопросы:

— ...Нет, мы надеемся, что северная станция будет в порядке к утру.

Камера перешла на задававшего вопросы телекомментатора, на маске его виднелись буквы Эн-би-си.

— Что же было причиной аварии, мистер Спивак?

Мистер Спивак выглядел усталым и растерянным, слово весь день отвечал на один и тот же вопрос. Растерянность обнаруживалась лишь в глазах и голосе — остальное скрывал противогаз.

— Я уже говорил мистеру Филиппу, что мы не установили точной причины. Я полагаю, что когда вчера ночью было снижено напряжение в сети... Я должен пояснить: во многих жилых домах в северной части города установлены бустеры, которые не позволяют понижению напряжения в сети отразиться на напряжении в квартирах. Мы понижаем напряжение в ночное время для того, чтобы уменьшить нагрузку на генераторы. Но бустеры в жилых домах срывают эту меру. Более того, они ведут к обратному эффекту. При падении напряжения расход энергии в городской сети возрастает, так как увеличивается сила тока. В результате при падении напряжения нагрузка на сеть тоже не уменьшается, а увеличивается.

— Понятно. Следовательно, если везде будут установлены эти... бустеры, назовем их регуляторами, уменьшить нагрузку на линии вы уже не сможете?

— Вы правы. Единственный выход — снизить напряжение настолько, чтобы бустеры не могли работать. Вероятнее всего, именно это и произошло прошлой ночью, однако, должен заявить, без нашего участия. Комбинат по переработке канализационных отходов обладает мощными электронасосами. Прошлой ночью все они работали. Именно это послужило последней каплей. Напряжение упало ниже критической точки, вызвавшие перегрузку насосы перегрелись, произошло короткое замыкание, и вышли из строя наши генераторы.

— Мистер Спивак, станция снабжает электроэнергией большинство жилых районов города, как богатые дома, так и бедные. У обитателей бедных кварталов тоже имеются регуляторы?

— Эээ... я бы сказал, что нет. Регуляторы дороги, и в муниципальных домах их не устанавливают.

— Будет ли справедливым утверждать, что обитатели богатых домов, снабженных регуляторами, несут ответственность за происшедшую прошлой ночью смерть четырехсот человек в бедных кварталах?

— К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос. Наверное, справедливее было бы сказать, что регуляторы были одним из факторов аварии. К тому же смертные случаи имели место во всех районах города.

— Но в бедных семьях нет респираторов или их не хватает на всех членов семьи, и потому им приходится отсиживаться в домах, снабженных фильтрами. Как только

прекратилась подача электроэнергии и отключились фильтры, эти люди были обречены на смерть?

— К сожалению, я не смогу ответить и на этот вопрос. Обратитесь в городское управление. Если больше вопросов нет, я хотел бы вернуться к работе. У меня много неотложных дел.

— Перед вами выступал мистер Спивак, главный инженер Управления городского хозяйства. Мы возвращаемся в нашу студию.

На экране возникли два человека без респираторов, сидевшие за низким столом.

— Спасибо за интервью,— произнес один из них.— Мы снова в студии. Передачу ведет наш комментатор Том Френдли. Продолжаем передачу, посвященную катастрофе в Северном районе. Рядом со мной находится мистер Энтони Капуццо, старейшина сорок четвертого микрорайона, так сильно пострадавшего прошлой ночью. Мистер Капуццо, разговаривал ли с вами по поводу этих событий мэр Чикаго?

Капуццо отвечал глубоким басом:

— Его честь позвонил мне сегодня рано утром. Он принес свои искренние соболезнования осиротевшим семьям моего микрорайона. Мы все так много пережили.

— Что, по вашему мнению, послужило главной причиной катастрофы?

— Придется подождать, Том, что нам скажут эксперты. А пока что мы бросили все силы на очистные работы вокруг канализационного комбината и на то, чтобы восстановить подачу энергии в те районы, которые все еще отключены.

— Вы слышали, что говорил мистер Спивак, согласны ли вы с тем, что основной причиной аварии были регуляторы?

— Мне не хотелось бы спешить с выводами,— сказал Капуццо.— Вы же знаете, наверно, что состояние оборудования на канализационном комбинате оставляет желать лучшего.

— Вы имеете в виду споры между мэром и мистером Спиваком о приобретении нового оборудования?

— Послушайте, Том, я знаю, что газеты стараются раздуть этот спор, но мистер Спивак — достойный джентльмен, несмотря на то, что он республиканец,— добродушная улыбка во все лицо,— и мэр трудится с ним

рука об руку. Выход из строя двух насосов мог быть и случайностью. Факт остается фактом — генераторы на электростанции вышли из строя, как только перегорели насосные двигатели. Но я не эксперт. Давайте лучше пождем, что скажут специалисты из комиссии.

— Мистер Капуццо, насколько мне известно, в небоскребе, где вы проживаете, было зарегистрировано два смертных случая, а в домах Кабрини погибло двести человек. Как вы это объясните?

— Том, мы занимаемся расследованием. Поверьте мне. Но сейчас я должен вас покинуть.

— Мистер Спивак указал ранее, что регуляторы в богатых домах могут поддерживать напряжение в сети в течение шести — двенадцати часов после отключения электроэнергии, тогда как в муниципальных домах не предусмотрено никаких мер для того, чтобы фильтры в случае аварии продолжали работать.

— Я убежден, что мистер Спивак спешит с выводами. Простите меня, Том, но я спешу к себе в контору. Дела не терпят.

Из кухни донесся голос Грейс:

— Питер, ты только погляди на это.

— Подожди минутку,— сказал Питер.

— Теперь мы переходим...— произнес диктор на экране.

Изображение начало тускнеть и пропало.

— Тим, попробуй настроить,— сказал Питер и пошел на кухню.

— Питер, в холодильнике все испортилось!

— Прошлой ночью большая авария электросети была,— сказал Питер.— Они включили свет как раз перед нашим возвращением. Видишь, на сколько электрочасы отстали.

— Пит, послушай, как странно гудит холодильник.

Питер прислушался.

— Ты права. Опять напряжение садится.— Он открыл холодильник и сунул руку в морозильную камеру.— Совсем не охладился. То-то пиво было теплым.

Пиви вошла на кухню. Она так и не сняла противогаза.

— Мама, я хочу пить и есть.

— Сними маску, дорогая. Мы скоро будем обедать — если я отыщу что-нибудь, что не испортилось. Сними ее,

сними, неужели ты не устала в ней ходить три дня подряд?

Пиви подумала и сняла противогаз. Вошел Тим.

— Я его выключил,— сказал он.— Полная безнадега.

— Я слышала, что они говорили о регуляторах напряжения. Что это такое?

— А я читал в газете рекламу,— сказал Тим.— Они не дают упасть напряжению.

— Интересно, они в самом деле помогают?

— А то зачем бы их продавали?

— На весь дом? — спросила Грейс.

— Наверняка.

Питер задумчиво поглядел на холодильник.

— А почему бы и нам не купить такой регулятор? — подумал он вслух.

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

— Ну и жарница сегодня,— сказал Джо, наблюдая, как желто-серые полосы ползут по экрану.— Кондиционеры отключили?

Маколей отхлебнул кофе.

— Сегодня работают только фильтры,— ответил он.— Ты утром смотрел новости?

— Я больше их не смотрю.

Маколей взял микрофон.

— Четвертый,— сказал он.— Четвертый, вызывает Служба.

— Четвертый на связи,— ответил женский голос.

— Милочка, дайте нам цифры в инфракрасном спектре.

— Вас поняла. Уточняю, я — Четвертый наблюдательный, а не милочка. До связи.

— До связи.— Маколей поднял брови.— Самолубие.

— Три тысячи восемьсот,— сказал Джо после паузы.— На двести футов выше.

— Служба вызывает Четвертого.

— Четвертый слушает.

— Поднимитесь на четыре тысячи пятьсот и повторите замеры.

— Вас понял.

Через несколько минут Джо сказал:

— То же самое. В лучшем случае три тысячи семьсот пятьдесят.

Маколей подошел к Тейлору. У того в кабинете было еще жарче. Тейлор был один. Маколей сел у окна.

— Наши письма дошли?

— Я как раз стараюсь это выяснить,— сказал Тейлор.— Ты слышал, что вчера ночью не было электричества в Вашингтоне?

Маколей удивился:

— Я не думал, что одно с другим связано. Ему там не следовало садиться. Где он сел? В Балтиморе?

— Он сел в Балтиморе, но посадка оказалась не совсем удачной. Он жив, но в каком состоянии, не знаю. Все утро телефонная связь практически не работает. Уже час, как я стараюсь дозвониться до Нью-Йорка, Вашингтона или Балтимора. А в Бостоне ничего не знают.

— Может, воспользоваться радиосвязью Службы? — спросил Маколей.

Зазвонил телефон. Тейлор с минуту слушал, потом кивнул и сказал:

— Спасибо, девушка. Считайте, что я отказываюсь от заказа.— Он положил трубку и сказал Маколею: — Пошли, попробуем.

Они перешли в зал, и Маколей связался с радистом Службы в Балтиморе.

— Попробуйте телефонную связь с Вашингтоном,— сказал ему Маколей.

— Кому звонить в Вашингтоне?

— Вызывайте Министерство внутренних дел. Будете транслировать разговор через передатчик.

— Вас понял,— ответил радист. Они слышали, как он набирает номер. Потом раздался голос телефонистки министерства:

— Министерство внутренних дел слушает.

Маколей передал микрофон Тейлору.

— Нажми здесь,— сказал он.

— Говорит Джеймс Тейлор, директор Чикагской службы наблюдения. Соедините меня с министром.

— Минуту, сэр.

Почти сразу телефонистка сказала:

— Приемная министра, мистер Тейлор. Мистер Хомер будет говорить лично.

— Добрый день, Тейлор.

— Доброе утро, господин министр. Прибыл ли мой курьер?

— Мы говорим по секретному каналу, Тейлор?

Тейлор взглянул на Маколея, тот отрицательно покачал головой.

— Нет, сэр,— сказал Тейлор.

— Тогда без подробностей. Ваше письмо пришло, человек, который его доставил, находится здесь. Здесь же министр обороны. Вертолет ждет вас на базе ВВС в двенадцать ноль-ноль. Прошу вас, а также всех, кто ознакомлен с содержанием письма, прибыть туда. Сколько ваших сотрудников знают об этом?

— Я уточню, сэр. Но думаю, трое. Включая моего секретаря и помощника.

— Хорошо. До встречи.

— Сэр, предпринимаются ли какие-нибудь меры?

— Мы обсудим это здесь. До свидания.

— Чикаго, говорит Балтимор. Министерство отключилось.

Маколей взял у Тейлора микрофон:

— Я понял, Балтимор. Спасибо.

— Пошли ко мне в кабинет,— сказал Тейлор Маколею.— Джо, вы ничего не слышали?

Джо кивнул, не отрывая взгляда от экрана.

По пути они захватили Бетти. Тейлор закрыл за собой дверь кабинета.

— Я как-то об этом не успел подумать. Бетти, кто еще знает о содержании писем?

— Больше никто. Я сама их все запечатала, а вы заперли портфель.

— Отлично. Я не думал, что органы безопасности так скоро этим заинтересуются. Но Хомер, видно, полагает иначе. Министр обороны уже в курсе дела, а это означает, что и Пентагон все знает. А если они все еще боятся, как бы за границей не узнали, в каком мы состоянии, это означает, что они ни черта не поняли из нашего письма. Я не стал говорить об остальных письмах — они должны быть у всех сенаторов, в Белом доме и у всех министров. Если, конечно, пилот не отправился напрямую в Министерство внутренних дел. Вроде бы при посадке он не сильно пострадал. Как я понимаю, он в Вашингтоне.

— Ты надеешься, что письма доставлены? Но если они попали к Службе безопасности, мы уже ничего не сможем поделать. Так что лучше собирайся. Времени почти не осталось.

— Куда мы едем? — поинтересовалась Бетти.

— Мы, дорогая, в тисках секретности, хотим того или нет. Нас вызывают в Вашингтон. И тебя, Бетти, тоже, потому что ты печатала письмо. К полудню мы должны быть в Гленвью, так что осталось всего два часа. Отправляйся домой, соберись, мы подхватим тебя у дома, скажем... в десять тридцать. Движение такое, что нельзя рисковать.

— Может, быстрее на метро? — спросил Маколей.

— Ты не смотрел новости, — ответил Тейлор. — С утра отключена энергия в Северо-Западном районе, так что на метро рассчитывать не приходится.

Сквозь город пробирались медленно. Бетти ждала их на тротуаре. Она уже беспокоилась — они опоздали минут на двадцать. Эдинская трасса была забита машинами в обоих направлениях. Машины ползли с зажженными фарами.

— Ты только посмотри, — сказал Маколей. — И так нечем дышать, а сколько машин!

— Ты на нас взгляни, — ответил Тейлор. — У нас герметичная машина с кондиционером и фильтрами, едем мы медленно, двигатель работает вполсилы, а все равно выбрасываем в атмосферу вдвое больше других машин.

— Но мы же едем по делу, — сказала Бетти.

— Они в большинстве случаев тоже. В этом и беда. У всех дела. И всем надо дышать, и всем надо хранить пищу, и все хотят смотреть телевизор — и так далее, и тому подобное. Каждый старается справиться с ситуацией в меру своих сил. А когда воздух становится еще хуже, вы идете и покупаете фильтр посильнее, а этот сильный фильтр потребляет больше энергии, усиливается нагрузка на генераторы, и воздух становится еще хуже. Вы покупаете регулятор напряжения, у вас дома напряжение в норме, а вокруг падает еще больше, и снова увеличивается нагрузка на генераторы. Выходит из строя общественный транспорт, и вы едете в город на собственной машине, а от этого воздух становится еще грязнее. И чем дальше, тем хуже. Вы ведь не согласны молча страдать. Вы принимаете меры. Но если вы работаете на заводе, в магазине, водите такси, у вас нет ни возможности, ни знаний, чтобы устранить причину, в ваших силах лишь бороться со следствиями по мере их возникновения. И чем ты богаче и влиятельней, тем больше вреда ты приносишь окружающим.

— Правильно,— согласился Маколей.— Всякий раз, когда вы покупаете новое приспособление, чтобы улучшить условия внутри вашего пузырька, снаружи от этого становится немного хуже.

— А вы слышали о водяных насосах? — спросила Бетти.

— Нет.

— У нас в доме такой установили. Он качает воду даже тогда, когда в городе ее нет. Это очень удобно. Конечно, я думаю, получается то же, что и с регулятором напряжения. Но в моем пузырьке вода есть.

— Водяные насосы! — воскликнул Маколей.— А вы понимаете, что произойдет в случае пожара? Эти насосы высосут всю воду из сети! К тому же насосы-то электрические! Энергии они пожирают сверх меры.

— Я вчера вечером смотрел передачу,— сказал Тейлор.— Там много говорили о регуляторах напряжения. Зря они о них говорили. Чем больше о них будут знать, тем больше народу побежит их покупать. И никто не подумает, что это означает для тех, у кого регуляторов нет. Боюсь, что мы в опасной близости от ситуации, исключающей всякий альтруизм,— уж очень пугает окончательное крушение. Хотел бы я знать, многое ли нас отделяет от этого?

— Но это же ужасно! — ахнула Бетти.

— Ты права. Это ужасно.

Они замолчали. Тейлор старался протиснуться между машинами, чтобы не опоздать на базу.

Через час они остановились перед воротами Гленвью. Там их ждали двое в штатском. Они сели к ним в машину и доехали до диспетчерской. У башни стоял большой реактивный транспортный вертолет ВВС. Его лопасти лениво вращались. Как только они взошли на борт, вертолет поднялся.

Они подзаправились на базе Райт-Патерсон, там же успели немного перекусить, а еще через два часа опустились на площадке у Пентагона. Душный подземный коридор, правда снабженный фильтрами, привел их к лифтам, и вскоре они оказались в прохладном комфортабельном зале на одном из верхних этажей.

— Еще один пузырек,— прошептала Бетти Маколею, пока сопровождающий и Тейлор говорили с дежурным офицером.

Их пригласили в огромный устланный коврами кабинет.

Удобные голубые кресла вытянулись строем вдоль массивного стола. Посреди стола стояли государственный флажок и флажок ВВС. Окна были закрыты тяжелыми синими портьерами.

Они остались одни, было время разглядеть комнату.

На громадной цветной фотографии во всю стену звено сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков несло к лесистым холмам. Сидящий в торце стола мог представить себе, что находится за штурвалом истребителя.

Глядя на фото, Маколей задумчиво произнес:

— Вот смотрю, а мысль только об одном: какой там чистый воздух!

— Непонятно, где это снято,— сказала Бетти, поворачиваясь в мягком кресле.

Вошел адъютант — до лоска подтянутый и ухоженный майор. Улыбаясь, он присел к столу:

— Простите, что мы заставили вас ждать. Как вы долетели? — спросил он, широко улыбаясь.

— Нормально,— сказал Тейлор.

— Нас задержали пробки в городе,— сказал Маколей.

— Генерал Сомс вскоре присоединится к нам. Он хотел бы побеседовать с вами, прежде чем вы попадете в Белый дом. Ваша беседа будет совершенно неофициальной. Не хотите ли кофе? Виски?

Официантов не было, так что майору пришлось подняться и оставить их снова в одиночестве. Маколей с некоторым удовлетворением отметил, что под ним поскрипывает стул.

Внезапно дверь распахнулась, и вошел новый майор с портфелем в руке. В другой руке он держал одно из писем. Фирменный конверт Службы наблюдения Маколей узнал сразу. Майор положил письмо посреди стола. Затем дружески улыбнулся гостям и присел в кресло, стоявшее чуть в стороне. Положив портфель на колени, он достал из него ручку и блокнот.

Наконец появились главные силы. Еще два адъютанта в чине полковников отворили двери, чтобы пропустить на удивление отглаженного генерала. Явно это был сам Сомс. За ним, оживленно беседуя вполголоса, вошли два генерала чином поменьше. Сомс был удивительно подтянут, отлично выбрит и отличался благородной красотой.

Адъютанты разделились. Место в торце стола занял один из сопровождающих генералов, тогда как Сомс не-

принужденно уселся напротив гостей. Другой сопровождающий генерал подошел к майору-стенографисту и что-то тихо сказал. Оба сдержанно засмеялись. Полковники сели чуть сзади.

Адъютант, сидевший за столом, поднялся:

— Генерал, позвольте представить вам мисс Хэтч, мистера Маколей и директора Чикагской службы наблюдения мистера Джеймса Тейлора,— чеканно произнес он и снова сел.

Имена были названы безошибочно, и порядок представления был таков, что генерал обратился прямо к Тейлору.

— Благодарю за визит, Тейлор,— сказал он добродушно.— Я не хотел бы отнимать ваше драгоценное время, так что сразу к делу.

Стенографист начал записывать, положив блокнот на портфель.

— Наша встреча совершенно неофициальна,— продолжал генерал.— Мы внимательно изучили ваше письмо и пригласили вас потому, что отнеслись к нему серьезно, чрезвычайно серьезно.

— Простите, генерал, но вам я не направлял письма,— сказал Тейлор.

— Вы уверены? — удивился генерал.— Насколько я помню, вы посылали копию министру обороны.

— Это копия еще не доставлена.

— Понятно. В общем, это не имеет значения. Впрочем, Джон, скажите, каким образом у нас оказалась копия письма?

— Ваш курьер доставил нам копию без адресата,— вежливо сообщил один из младших генералов.

Маколей удивленно взглянул на Тейлора, но тот только пожал плечами.

— Понятно,— сказал он.

— Итак,— генерал собрался с мыслями,— что касается ситуации, изложенной вами... Новых сведений нет?

— Высота облака,— сказал Маколей,— по данным наших наблюдений, возросла к сегодняшнему утру на сто пятьдесят футов. За последние двенадцать часов в Чикаго произошли две аварии в системе энергоснабжения.

Адъютант, сидевший в стороне, сказал:

— Аварии уже устранены. Мистер Маколей, очевидно, не осведомлен об этом.

— Разумеется, разумеется, мы ознакомились с ними самым серьезным образом. Однако вы должны понимать, что принятие таких решительных мер должно быть тщательно взвешено. Последствия их могут оказаться серьезнее современного положения. Много серьезнее. Мы ведь тоже не сидим сложа руки. Надеюсь, вы это понимаете. Нам приходится принимать во внимание многие факторы, о которых вы в Чикаго не имеете представления.

— Осознаете ли вы, генерал, что описанное вами положение характерно для всей части страны от Миссисипи до восточного побережья? — спросил Маколей.

— Да,— ответил за генерала адъютант.— Мы обсудили эту проблему сегодня утром. ВВС полностью осознают масштабы.

— Что вам нужно от нас? — спросил Тейлор.

— Ну что же,— генерал обернулся к Тейлору,— строго конфиденциально мы должны сказать вам, Тейлор, что международное положение таково, что выполнение ваших рекомендаций может повлечь за собой серьезные последствия, на наш взгляд крайне нежелательные. То, что вы предлагаете, ослабит наши позиции. Нет, я не говорю, что мы не можем ничего предпринимать. В нашем распоряжении территория всей страны. Мы можем передвинуть некоторые отрасли промышленности в менее загрязненные районы, и тем самым резко уменьшить опасность. Попрошу вас рассмотреть такую возможность. Это трудное, большое начинание, но можете быть уверены в полной поддержке военно-воздушных сил. Мы вместе с вами уберем из больших городов электростанции, нефтеперерабатывающие заводы и другие предприятия. Мы убеждены, что вы компетентны решать, что и куда надо передвинуть. Мы вас поддержим. Таким образом мы сможем кардинально решить наши насущные проблемы.

Маколей открыл было рот, чтобы возразить, но Тейлор перебил его:

— Мне кажется, генерал Сомс, что я вас понял. Разрешите мне изложить вашу мысль собственными словами. Вы полагаете, что Служба наблюдения сможет указать вам те районы страны, где загрязнение атмосферы минимально, чтобы убрать из критических точек наиболее вредные отрасли производства. То есть провести децентрализацию промышленности. Одновременно с этим, если я не оши-

баюсь, вы хотите таким рассредоточением уменьшить последствия неожиданного нападения противника.

Генерал наклонился и в упор посмотрел на Тейлора. Взгляд его был тяжелым.

— Тейлор,— сказал он,— вы поняли нас совершенно правильно. С военной точки зрения прекращение производства сделает нас беззащитными перед нападением извне. Если же мы распределим промышленность по всей стране, это сослужит нам добрую службу. Да и вам поможет.

Генерал откинулся в кресле и удовлетворенно произнес:

— Господа... и мисс... Эээ... я полагаю, мы достигли взаимовыгодного решения. Позвольте считать наше плодотворное совещание законченным.

Генерал поднялся, пожал руки прибывшим и направился к двери. Полковники поспешили отворить ее, младшие генералы удалились следом, все так же оживленно беседуя. Один из них задержался возле Тейлора:

— Мы рады, что вы с нами, Тейлор,— сказал он и протянул ему руку.

Тейлор пожал руку и ответил:

— Рад быть полезным.

— Если вы последуете за мной,— поднялся майор-стенографист,— я покажу, где можно вымыть руки. Для вас приготовлен обед, если, конечно, вы не возражаете его отведать.

Когда они покидали кабинет, Маколей тихо сказал Тейлору:

— Если мы их послушаемся, через год облако покроет всю страну.

— Знаю,— ответил Тейлор.— Помолчи. Этого не случится.

— Какой он был внушительный! — прошептала Бетти.— Я до смерти перепугалась.

Маколей взял ее под руку и прошептал:

— На это они и рассчитывали.

КАК ВЫЖИТЬ

— Это Овальная комната,— сказал Маколей Бетти.— Здесь сидит секретарь президента.

Охранники вышли.

— Вам не кажется,— продолжал Маколей,— что за

стенами всегда кто-то бежит и оповещает о нашем при-
бытии. Вроде никто не предупреждает о том, что мы
пришли, а к нашему приходу всегда кто-то готов.

Дверь открылась.

Вошел Джордж Фарроу — они его сразу узнали.

— Спасибо, что вы пришли,— сказал он.— Давайте
знакомиться. Значит, вы — Бетти Хэтч... Вы — Маколей.
Ну а вы должны быть Тейлором.

Он широко улыбался, пожимая руки. Фарроу был чер-
нокожим. Контраст с приемом в Пентагоне был разитель-
ным. Им сразу стало легче.

— Президент сейчас выйдет,— сказал Фарроу.— Он
говорит по телефону.

— А кто еще будет?

— Масса народу. От Министерства внутренних дел,
Министерства обороны, коммерции и так далее. Но не
волнуйтесь, убежден, они вас не съедят. Им важно узнать,
что вы думаете о сложившейся ситуации. Это не будет
кабинет министров, хотя соберемся мы в зале заседаний.
Вы пообедали?

— Нас чудесно покормили в Пентагоне,— сказала
Бетти.

Фарроу быстро взглянул на нее:

— Простите...— и тут же вышел из комнаты.

— Они не знали, что нас перехватил Пентагон,— сразу
сообразил Тейлор.— Боюсь, что мы угодили в самое пекло.

— Мне не надо было говорить этого? — спросила
Бетти.

— Не бойся, Бетти, нам нечего скрывать,— сказал Тей-
лор. Но если то, что я знаю о президенте Холланде,—
правда, ему это не понравится.

— Ты будешь говорить ему о других письмах? — спро-
сил Маколей.

— Думаю, что теперь это уже неважно.

Вновь вошел секретарь.

— Мисс Хэтч,— сказал он,— господа, разрешите пред-
ставить — господин президент.

Президент Холланд быстро, но твердо пожал всем руки.

— Приветствую вас, мисс Хэтч, мистер Маколей, ми-
стер Тейлор. Джордж только что сказал мне, что вы
останавливались по пути в Пентагоне. С кем вы говорили,
с Карвером или с Сомсом?

— С генералом Сомсом, господин президент,— ответил

Тейлор.— Он желает децентрализовать промышленность. Я не стал объяснять ему, почему из этого ничего не выйдет.

— Хорошо. Второй вопрос: сколько копий письма было отправлено и кому?

— Бетти, ты лучше знаешь,— сказал Тейлор.

— Я сделала сто двадцать копий: каждому сенатору, каждому члену кабинета и несколько запасных. И один экземпляр для вас, господин президент.

— Зачем так много, Тейлор? Вы что, хотите, чтобы об этом знал весь свет?

— Нет, господин президент. Но я хотел быть уверен, что письмо не затеряется. По крайней мере, я старался так сделать.

— Сенаторы ничего не получили. Ваш курьер оставил одну копию здесь и отправился в Министерство внутренних дел, где его и задержали.

— Но у генерала Сомса была копия.

— Без сомнения. Как могло получиться, что в качестве посыльного вы избрали аэродромного диспетчера?

— Диспетчера? — Тейлор с Маколеем удивленно переглянулись.

— Наверное, пилот был ранен,— сказала рассудительно Бетти.— И попросил кого-нибудь его заменить.

— Возможно,— согласился Тейлор.— Значит, диспетчер прочел копию и отнес или отослал ее в Пентагон прежде, чем куда бы то ни было еще. Кстати, пилот был озабочен с содержанием письма.

Фарроу молча покинул комнату, и они услышали, как он набирает номер.

— Хорошо,— сказал президент.— По крайней мере, мы все теперь в курсе. Предлагаю присоединиться к остальным в зале заседаний. Мисс Хэтч и мистер Маколей, вы можете присутствовать на совещании, но попрошу вас не выступать и не комментировать события, за исключением тех случаев, когда к вам обратятся непосредственно.

В полной тишине тридцать с лишним человек, сидевшие вокруг большого стола, поднялись при появлении президента. Президент указал Тейлору на место рядом с собой.

— Насколько я вижу,— сказал президент,— все, кого я пригласил, собрались. Благодарю вас. Разрешите представить вам мистера Тейлора, директора Чикагской службы наблюдения, и его помощников — мистера Маколея и мисс Хэтч.

Последовали поклоны и рукопожатия.

— Это не совсем обычное заседание, назовем его экстренным. Если возникнет необходимость, мы соберем кабинет в полном составе. Дело в том, что мистер Тейлор поднял вопрос, который всех нас давно беспокоит. Я пригласил сюда мистера Тейлора и его помощников по совету министра внутренних дел Тома Хомера: дабы непосредственно познакомиться с информацией, которой он располагает, и предотвратить всякие интриги в будущем.

Некоторые из присутствующих понимающе улыбнулись.

— Мистер Тейлор полагает, что ситуация настолько серьезна, что он пошел на определенный риск, чтобы довести до нашего сведения свою точку зрения. А так как он более других осведомлен о положении вещей в стране, мы вынуждены со всей серьезностью отнестись к его предупреждению. Если я правильно понял мистера Тейлора: проблема загрязнения окружающей среды стала самой насущной из наших проблем. Вы что-то хотите сказать, мистер Купер?

Поднялся министр обороны.

— В министерстве обороны, как вы знаете, также весьма озабочены сложившимся положением. Поскольку здесь присутствуют лица, не имеющие доступа к секретной информации, я не могу углубляться в детали, но убежден, что наши враги внимательно следят за состоянием облачного слоя над нашими городами и понимают, в сколь опасном положении мы находимся. Даже допуская, что обстановка в больших городах может выйти из-под контроля, мы не должны упускать из виду международное положение. С одной стороны, мы должны принять меры, чтобы выжить в такой обстановке, чтобы, попросту говоря, дышать, с другой стороны, мы не должны забывать, что наши враги не дремлют.

— Том,— сказал президент, обращаясь к министру внутренних дел,— ты будешь председательствовать.

Хомер встал.

— Разумеется,— сказал он,— вопрос о безопасности государства очень важен, но я думаю, что не менее важно сейчас выслушать мистера Тейлора. Прошу вас, мистер Тейлор.

Тейлор медленно поднялся с места.

— Благодарю вас, мистер Хомер,— сказал он.— Я не компетентен высказываться по вопросам обороны и без-

опасности. Но слова мистера Купера и то, что мы слышали сегодня от его генералов, еще раз убеждает меня — они не поняли, о чем идет речь. Речь идет не просто об облачном слое. Это не просто облако — это смертоносный газ. Без всяких вражеских усилий мы уже выпустили на самих себя отравляющие вещества огромной силы. И этот газ не выходит из-под контроля. Он уже вышел из-под контроля. И уверяю вас, господин президент, что мы говорим не об ухудшении условий окружающей среды — эти слова употреблялись так часто, что к ним уже привыкли. Мы говорим о том, что находимся сейчас в условиях войны. Каждый из нас живет в мире, созданном из отходов жизнедеятельности своих соседей. Еще несколько лет назад мы могли избавляться от этих отходов раньше, чем они оказывали вредоносное влияние на наши жизни. Теперь же мы все находимся в постоянном конфликте друг с другом... Мы не успеваем избавляться от отходов.

Это настоящая война: мы достигли той грани, за которой человек не может делать, что хочет, не ставя под угрозу выживание окружающих. Мы сами стали источником опасности. Каждый человек должен думать о том, что он делает, а не о том, как влияет на него окружающая среда.

Поглядите на комнату, в которой мы заседаем. Она хорошо освещена, прохладна, наполнена свежим воздухом, все мы чисты и здоровы. Как же нам удастся поддерживать такое состояние? Биологи давно уже знают ответ на этот вопрос. Они утверждают, что жизнь — это превращение беспорядка, хаоса в порядок, но цена этого порядка — усиление хаоса вне биологической системы. Мы охлаждаем эту комнату, но за счет этого выбрасываем тепло в окружающую среду. Мы фильтруем воздух, но и фильтрация повышает концентрацию газов и пыли снаружи. К тому же и охлаждение, и фильтрация требуют затрат электроэнергии, а работа любого генератора энергии связана с выбросами в атмосферу. И чем тщательнее мы поддерживаем чистоту в наших... как их называет мой коллега, пузырях, тем грязнее становится окружающий мир и тем больше нагрузку испытывают наши фильтры и холодильники.

Наша главная проблема исходит из факта человеческого существования. Люди не могут быть пассивными жертвами обстоятельств, они активные преобразователи их. Если человеку холодно, он не добавит еще одно одеяло, а

включит электропечь. Если эта печь окажется недостаточно мощной, он приобретет помощнее. Если ему трудно дышать, он старается раздобыть новый, более эффективный фильтр; если уменьшается напор воды, он ищет электронасос; если падает напряжение в сети, он устанавливает регулятор напряжения. Вот в чем корень проблемы. Каждый индивидуум способен контролировать положение вещей в той частичке мира, благосостояние которой его волнует. Но что происходит с остальным миром — не входит в его расчеты. И мы сейчас говорим не только о комфорте. Не забудьте, что уже сегодня в шести крупнейших городах Соединенных Штатов, лишившись фильтра и респиратора, вы покончите счеты с жизнью.

Если не будет предпринято кардинальных мер, чтобы исправить положение, наши рекомендации тоже не спасут. Мы отступим несколько к прошлым условиям жизни, но через некоторое время неминуемо вернемся к современному положению. Мы должны отыскать понятный каждому руководящий принцип, чтобы пресечь те действия по защите человека от окружающей среды, которые губят эту среду. Мы должны убедить общество, что защита самого себя не ведет ни к чему, кроме неизбежной катастрофы для всех.

Эта проблема выходит за пределы моей компетенции. Но я очень надеюсь, что она находится в компетенции собравшихся. Сегодня мы вынуждены принять срочные меры, чтобы прекратить войну каждого против всех. И совершенно неважно в этой ситуации, что планируют русские, или что это означает для китайцев, или насколько это подорвет доверие к нам у наших союзников. Достаточно заглянуть на два месяца вперед, когда начнется отопительный сезон, и станет ясно, в сколь беспомощном состоянии окажется страна. Вот почему мы назвали цифру шестьдесят дней в наших рекомендациях. Через шестьдесят дней наступит полный крах всех энергетических систем.

И последнее: нельзя ждать ни минуты. Я не знаю, насколько близка наша система к срыву, пожалуй, никто не сможет сказать этого точно. Все наши основные города имеют отрицательный энергетический баланс. Им требуется круглосуточная подача энергии со стороны, так как их собственные станции не справляются с нагрузкой. А станции и не могут справляться, так как воздух и вода от-

равлены настолько, что каждый, кто может, вынужден устанавливать дополнительные устройства, об эффекте которых я уже говорил. И положение на западном побережье даже хуже, чем у нас.

Наши прогнозы не сбываются — действительность обгоняет их. Облачный слой полностью покрыл северо-восточную часть страны за два месяца до предсказанного нами срока. Толщина его увеличивается такими темпами, что мы не можем найти этому объяснения. Мы не предвидели, что возникновение сплошного слоя изменит схему выпадения осадков, в результате чего погибнет растительность на Скалистых горах.

Подобные непредвиденные явления будут возникать и далее, хотя бы потому, что никогда еще ничего подобного не случалось. Простите, что я отнял у вас столько времени, повторяя истины, которые вам, вероятнее всего, известны и без меня, — но заклиная вас, джентльмены, и вас, господин президент, — времени совсем не осталось.

Наступило краткое молчание. Затем Хомер произнес:

— Благодарю вас, мистер Тейлор. Я твержу об этом уже несколько лет. Господин президент, вы будете говорить?

— Не сейчас, Том.

Хомер обвел взглядом поднятые руки, но обратился к человеку, не протянувшему руки.

— Представитель Национального управления науки, доктор Клаусман, прошу вас.

Когда Клаусман поднялся, оказалось, что, стоя, он лишь немногим выше своих сидевших коллег.

— Господин председатель, господин президент, леди и джентльмены. Мистер Тейлор объяснил нам, что мы, это самое, не понимаем проблемы. Но она, это самое, разумеется, серьезная.

Он сделал паузу и обвел всех строгим взглядом из-под кустистых бровей.

— Но, это самое, мы разрешим, разумеется, срочно, надо провести исследования, это самое... немедленно.

Доктор Клаусман удовлетворенно опустил в кресло.

Наступило неловкое молчание. Хомер не сразу понял, что доктор завершил свое выступление.

— Благодарю вас, доктор. Вы хотите что-то добавить, господин президент?

— Обстоятельства требуют немедленного расследова-

ния,— сказал президент.— К сожалению, в выступлении мистера Тейлора эмоции превалировали над фактами. Однако я склонен отнестись серьезно к общему направлению его предупреждений. Цифры и расчеты, приведенные в письме, не всегда понятны для неспециалиста, и я должен признаться, что до сегодняшнего заседания не придавал им должного значения. Мы сейчас подверглись нападению ядовитых веществ. Кто за то, чтобы продолжать это совещание до того, как я соберу кабинет министров?

Поднялись пять рук.

— Я так и думал. Выступлению мистера Тейлора придают весомость и убедительность факты, на которых оно основано... Если факты соответствуют истине, а я полагаю, что мистеру Тейлору не было смысла вводить нас в заблуждение, то мы стоим перед проблемой, которая представляется сегодня более важной, чем вопросы национальной безопасности...

Со стороны министра обороны последовали громкие возражения.

— Позже, Боб,— прервал его президент,— ты выскажешься на кабинете. Я предлагаю прервать совещание и избрать чрезвычайную комиссию по изучению письма мистера Тейлора.

Клаусман ожил.

— Разумеется, это самое...— сообщил он,— не позже чем, это самое... через неделю.

— Нет, доктор, через час. Я хотел бы, чтобы комиссия была в Чикаго не далее чем послезавтра.

Клаусман был совершенно растерян, он принялся доставать из карманов листки мятой бумаги и невнятно бормотать имена известных ученых.

Президент пригласил Тейлора, Маколея и Бетти последовать за ним.

— Я немедленно соберу кабинет,— сказал он, когда они перешли в Овальную комнату.— Пусть вас не разочаровывает кратковременность совещания. Мне необходимо было должным образом встревожить нужных людей. Так что я благодарен вам, Тейлор. К тому же у нас есть ваше письмо, которое я использую. Еще раз обдумайте ваши жесткие рекомендации. Я позабочусь о Пентагоне.

С этими словами президент покинул помещение.

Секретарь президента Фарроу извлек Тейлора и его спутников из окружения обступивших их министров. Ма-

колей был разочарован. Ему так и не удалось высказаться.
— Мы организовали немедленную отправку вас в Чикаго,— сказал Фарроу.— Вы вылетаете на базу Уиллис на президентском вертолете, а оттуда на армейском вертолете в Чикаго.

Этим все и кончилось.

Только над Пенсильванией, под звездами безлунного неба, к ним вернулся дар речи.

— Президент произвел на меня приятное впечатление. А я голосовал против него,— проговорил Маколей.

— Я чувствую себя болтливым мальчишкой,— сказал Тейлор.

— Вы не правы,— Бетти положила ладонь на его руку.— Вы совсем не казались мальчишкой. Вы просто здорово выступили. Я знаю, я там была.

— Но я не смог... ну ладно, в любом случае спасибо на добром слове. Я думаю — что же они предпримут? И успеют ли они что-либо сделать?

Их разбудил капрал:

— Мы почти прилетели. Приземляемся в Мейгсе. Вас ждет машина.

Они посмотрели в окна. Вскоре в облаках возникло оранжевое зарево, и через некоторое время вертолет погружился в адскую желтую вату, покрывающую страну. Тейлор отвернулся от окна.

— Черт побери,— произнес он.— Что же они собираются делать?

РЕШЕНИЕ

Желто-серые облака плыли по экрану.

Красная точка в центре время от времени раздваивалась. Джо взял микрофон:

— Второй, сообщите высоту.

— Второй вас слышит. Высота пять пятьсот.

— Второй, поднимитесь до шести тысяч.

— Вас понял.

— Контрольная служба Денвера, вас вызывает Чикаго.

— Контроль Денвера на связи.

— По нашим данным, облачный покров распространился на триста миль к западу от Чикаго. Что вы можете сообщить?

— Станция на Лонг-Пике сообщает, что небо затянуто

облаками к востоку от гор. Приблизительная высота пять тысяч сто футов от уровня моря. Ближайшие строения Денвера нам еще видны.

— Спасибо, до связи. Контроль Нового Орлеана, вас вызывает Чикаго.

— Контроль Нового Орлеана слушает.

— Вы подняли свой наблюдательный самолет?

— Сможем это сделать не раньше полудня.

— Есть сообщения от гражданской авиации?

— Два сообщения. Сейчас мало полетов. По их данным, высота облака тысяча сто футов, оно поднимается к северу и востоку. Поступило сообщение с танкера о высокой степени загрязнения воздуха в Мексиканском заливе в двухстах милях от берега. Они идут только по радару. Да, наш мэр издал сегодня декрет о том, что респираторы выдаются за счет города всем, кто не может их купить, до четырех на семью. Имеется несколько смертных случаев.

— Спасибо за сообщения. Мы слышим их по телевизору. До связи.

Джо записал данные в блокнот, затем потянулся и снова взялся за микрофон:

— Контроль Сан-Франциско, Чикаго на связи.

— Контроль Фриско на связи. Говорите.

— Как нам известно, ваши самолеты сегодня не смогли подняться. Так ли это?

— Так точно. Ничего не могли сделать. Видимость не более ста футов. Это Джо говорит?

— Именно. А с кем имею честь?

— Табби на связи. Это моя последняя смена. Ухожу. У меня астма. У нас нет электричества. Работаем на аварийке.

— Плохо дело.

— Слабо сказано. В Калифорнии объявлено военное положение...

Связь неожиданно прервалась, заглушенная помехами.

— Фриско, Фриско, Чикаго на связи!

Никакого ответа. Джо поднял телефонную трубку:

— Послушайте, сделайте следующее. Вызовите в зал контроля Тейлора. Затем любой ценой свяжитесь с Сан-Франциско. Я тоже попытаюсь им дозвониться. Но сначала найдите Тейлора.

Он отпустил кнопку, затем набрал десятизначный номер.

— Сан-Франциско слушает,— отозвался мужской голос.— Мы обслуживаем только срочные государственные переговоры.

— Срочный государственный вызов. Говорит Контроль Чикаго. Мне необходимо связаться с нашей станцией в Сан-Франциско. Три-три-ноль-три.

— Ждите.

Вошел Тейлор. За ним Маколей и какой-то незнакомый мужчина. Джо протянул им руку и включил динамик. Послышался голос оператора:

— Ваш номер не отвечает.

Последовала пауза, потом зазвучали короткие гудки.

Джо повернулся к Тейлору:

— Я разговаривал с Табби. Это мой приятель в Сан-Франциско. Он сказал, что у них объявлено военное положение. И затем связь прервалась.

— В какой момент? — спросил Маколей.

— Как только он об этом мне сообщил. У меня такое впечатление, что кто-то разъединил нас.

— Этого еще не хватало! — воскликнул Тейлор.

— Есть и еще новости,— продолжал Джо, заглядывая в свой блокнот.— Давление и высота облачного слоя в Денвере уже такие же, как и здесь. В Новом Орлеане всего тысяча сто футов, но облако протянулось на двести миль в океан.

— Значит, от Скалистых гор до побережья,— сказал незнакомец.— Потребовалось пятнадцать дней, чтобы расползтись на полторы тысячи миль.

— Прости, Джо, я не представил доктора Кардуелла из университета Карнеги. Он помогает нам. А это Джо Фостер, начальник службы контроля.

— Рад познакомиться, Джо. Вы сами ведете весь контроль?

— Что вы! — Джо махнул рукой в направлении зала, где сидели сотрудники. Примерно половина мест была занята.— К тому же мы отвечаем лишь за воздушную разведку. Наземные службы на нижних этажах.

— Ясно,— сказал Кардуелл,— а что это вы говорили о военном положении?

— Надо будет в этом разобраться,— вмешался Тейлор.— Садитесь.

Он взял микрофон:

— Барбара, свяжи меня с заместителем министра, а

если его нет, то с самим министром Хомером. Дело чрезвычайной срочности. Погоди... — Он достал бумажник, раскрыл его, прочел имя на карточке. — Скажи там, что вызывает мистер Шарп. Да, именно так.

Не выпуская трубки, он спрятал бумажник в карман.

— Это пароль, — сказал он. — Они должны немедленно ответить.

— Страшно подумать, что творится, — сказал Джо. — Высота облака пять двести от Бостона до Денвера, и Денвер не исчез в тумане только потому, что стоит на возвышенном месте.

— Пожалуй, мы разобрались в том, что вызывает рост облака, — сказал Кардуэлл. — Есть такое понятие «альбедо» — это величина, характеризующая отражательную способность. Особенно высока отражательная способность у облаков, благодаря чему до Земли добирается едва ли пятая часть солнечной радиации. Наше облако отражает обратно в пространство около шестидесяти процентов солнечных лучей вместо обычных тридцати.

— Почему же тогда здесь так жарко? — спросил Маколей.

— Парниковый эффект. Некуда деваться теплу, излучаемому Землей. То, что в обычных условиях уходит вверх, теперь отражается от облачного слоя вниз. В абсолютных цифрах сейчас не жарче, чем обычно в августе, но наверху ситуация иная. На высоте пять тысяч футов существует сплошной отражающий слой. Ветра нет. Облако уже забралось и в Канаду, так что исчезла обычная разница в температурах, вызывающая движение воздуха.

— Но почему же слой становится толще? — спросил Джо. — Кстати, почему не отвечает Вашингтон?

— Что у вас там, Барбара? — спросил Тейлор. — Ясно. Как только пробьетесь, сразу сообщите мне.

Он положил трубку.

— Никак не может дозвониться. Не исключено, снова придется пользоваться радиосвязью.

— Мы думаем, — сказал Кардуэлл, — что облако все время поддерживается выбросами снизу. После определенного момента оно стало настолько мощным, что уже не в состоянии пропускать сквозь себя продукты выброса, которые подталкивают его, как тесто крышку кастрюли. Правда, это только гипотеза.

Звякнул зуммер. Тейлор взял трубку.

— Хорошо, Барбара,— сказал он.— Я буду говорить отсюда, из зала контроля. Жду...

Затем он обернулся к остальным и пояснил:

— Она дозвонилась. Ищут Хомера. Он в Белом доме.

Еще через минуту он сказал в трубку:

— Добрый день, говорит Шарп. Да, господин министр, это я, Тейлор. Вам что-нибудь сообщили из Калифорнии? Да, у нас есть новости. Наша станция там прекратила работу... пятнадцать минут назад. Нет, сэр. Совершенно неожиданно,— он обернулся к Джо.— Перед этим были помехи на линии?

Джо отрицательно покачал головой.

— Все было нормально, сэр. А затем нас разъединили. Да, кому-то это понадобилось. Может быть, вы сможете связаться с Сан-Франциско по телефону? Да-да, по телефону. Хорошо, я буду здесь... Я не уверен, что он меня понял,— сказал Тейлор, кладя трубку.— И непонятно, что им об этом известно.

— Может, нам связаться с телестудией,— сказал Маколей.— Эту тайну им не сберечь от телевидения.

— Идея! — Тейлор снова поднял трубку.— Барбара, соедини меня со студией Си-би-эс. С их коммутатором. Я там никого лично не знаю.

— Джим, а ты уверен, что ты правильно сейчас поступаешь? — спросил Кардуелл.

Тейлор настороженно поглядел на него.

— Бывает, сначала действуешь, а потом думаешь,— сказал он.— Наверное, я устал. Барбара, я передумал.

Он положил трубку.

— Я понимаю, сколь трудно сидеть здесь в неведении,— сочувственно произнес Кардуелл.

Тейлор кивнул.

— И все же нет смысла бездельничать,— сказал он.— Нас ждет работа.

Он поднялся, и в этот момент погас свет. Но контрольная панель только потускнела. Несколько аварийных ламп зажглось под потолком.

— Мы на аварийном снабжении,— сказал Маколей и взял телефонную трубку.— Барбара? У нас отключена электросеть. Немедленно предупредите всех сотрудников и передайте им приказ держать респираторы под рукой. Аварийное освещение работает. Хорошо. Сделайте так,

чтобы не было звонков домой. Мы ждем связи с Вашингтоном.

Джо щелкнул кнопкой селектора.

— Авария электросети,— произнес он.— Всем достать и держать под рукой респираторы. Работу не прекращаем.

Кое-кто из сидевших в нижнем зале подняли руки в знак того, что поняли.

Снова зазвонил телефон. Тейлор слушал около минуты, потом сказал:

— Что ж, ничего не остается, как ждать. Она пыталась связаться с оператором в Вашингтоне, но никакого ответа. Сейчас она ищет обходные пути.

Заговорил динамик:

— Чикаго, вас вызывает Балтимор. Балтимор на связи.

— Чикаго слушает,— сказал Джо.

— Чикаго, мне удалось связаться с Вашингтоном по телефону.

— Вас понял, Балтимор. Давайте Вашингтон.

Раздался щелчок, и послышался новый голос:

— Говорит оператор Белого дома. Попросите к аппарату мистера Шарпа.

Джо передал микрофон Тейлору, выключил динамик и включил наушники, которые надел Тейлор.

— Да,— сказал Тейлор.— Шарп слушает. Да, сэр. Мы не прекращали работы. У нас авария электросети, но... Хорошо, сэр. Одну минуту.— Тейлор обернулся к Джо с каким-то странным выражением лица.— Джо, можем ли мы связаться с базой ВВС Кэртленд в Альбукерки?

— Только если нам очень повезет,— сказал Джо.— Могут ли они сообщить нам частоту, близкую к нашей?

— Сэр,— сказал Тейлор в микрофон,— нам необходимо знать частоту приемника базы, близкую к нашей. Да, сэр, я не один. Нет, это надежные люди. Хорошо.— Он подождал, достал ручку и подвинул к себе листок бумаги. Записав, он произнес: — Мне все ясно. Хорошо, до свидания. Мы попытаемся. Джо, как вы думаете?

— Мне надо посоветоваться с главным инженером,— сказал Джо.

Он взял записку, вышел из комнаты, они увидели, как он идет по залу по ту сторону перегородки. Подойдя к дальнему столу, Джо наклонился к сидевшему за ним человеку. Через минуту тот вышел из зала, а Джо поднялся обратно.

— Энди говорит, что они это сделают,— сказал Джо.— Ему надо перенастроить приемник, передатчик и антенну. Но это не займет много времени. Нам уже случалось переходить на другие частоты.

— Погодите,— остановил Тейлор,— а как же мы будем поддерживать связь с Балтимором?

— Это возможно. Не беспокойтесь, шеф.

В зал вернулся Энди и помахал Джо. Джо взял микрофон, включил его, пристроил на груди и надел наушники.

— Я буду контролировать переговоры с таким расчетом, чтобы Вашингтон смог поговорить с Кэртлендом через Балтимор и через нас. Если, конечно, база откликнется.

Он нажал на кнопку.

— База Кэртленд, вас вызывает Служба наблюдения Чикаго. Вы меня слышите? Перехожу на прием.

Сквозь шумы прорвался слабый ответ:

— Кэртленд вас слушает.

— Кэртленд, у меня для вас важное сообщение.

— Какого рода?

— Президент Соединенных Штатов,— сказал Джо,— хочет говорить...

— С командующим базой,— подсказал Тейлор.

— С командующим базой.

В приемнике послышался другой голос:

— Говорит дежурный офицер. Мы не получали уведомления о вызове.

Джо передал микрофон Тейлору.

— Говорит Джеймс Тейлор, директор Чикагской службы наблюдения. Я нахожусь на связи с президентом, и он просил меня связать его с вашим командующим. Подождите...— Он слушал голос в своих наушниках.— Президент сказал, что хочет говорить с Сопливым Айком.

— Ждите,— был ответ.

— Господин президент, линия действует,— доложил Тейлор.— Командующего сейчас вызовут. Вы будете ждать? Хорошо. Наша линия не обеспечивает секретности переговоров. Слушаюсь.

Он передал микрофон Джо, который выключил его и нажал на несколько кнопок.

Из динамика донесся голос:

— Чикаго, генерал Блейк выйдет на связь немедленно.

Джо откинул рычажок и потом вернул его в исходное положение.

— Я вас слушаю, господин президент.

.....

— Я тоже рад вас слышать. Моя фамилия Шпигель, сэр. Генерал Блейк на связи.

.....

Голос Блейка произнес:

— Привет, Фред. Ну и вспомнил же ты кличку. Наверное, это самый глупый пароль за всю мою жизнь.

.....

— Да: связь есть. Нет, полеты мы отменили уже неделю назад.

.....

— Мы можем подзаправить вертолет в Рено и лететь оттуда. Но мы же ни черта не увидим: за Скалистыми горами сплошные облака.

.....

— Понял. Я думаю, что можно связаться с базой Эдвардс. Нет, мне трудно в это поверить. Должно быть какое-то разумное объяснение. А что сообщают из Портленда?

.....

— Сумасшедший дом, Фред. Не можете же вы потерять связь. Хорошо, Фред, я подниму вертолеты, тут же свяжусь по нашему каналу с базой Эдвардс и посмотрю, что они скажут. А почему ты мне не позвонил прямо?

.....

— А что, черт возьми, может сделать Сомс? Главное-командующий ты еще или нет?

.....

— Тогда я тебя понимаю,— услышали они голос Блейка после долгой паузы.— Ты отключил все секретные линии, чтобы Сомс тоже остался без связи.

.....

— Если дела плохи так, как ты говоришь, мы все равно ничего не сможем предпринять, если на нас нападут. То, что творится у нас, уже известно всему миру. Я попытаюсь связаться с Эдвардсом, надеюсь, что мне это удастся. Я выйду на тебя по этому каналу, как только что-нибудь узнаю. До связи, Фред.

Джо заговорил в микрофон:

— Господин президент, говорит Чикаго. Я был вынужден все слышать, так как поддерживал связь. Я могу доложить мистеру Тейлору? Мы будем держаться частоты

Кэртленда, но я не уверен, что нам удастся это на длительное время. Нам просто повезло... Я не знаю, сэр, может, час, может, два. Нет, сэр. Только одна частота одновременно. Спасибо.

Он переключил рычажок и сказал:

— Балтимор, мы пока кончили разговор. Оставайтесь на этой частоте.

— Вас понял, Чикаго. До связи.

Джо обернулся к остальным:

— Дела в Калифорнии плохи. Президент разрешил сообщить вам вот о чем: электроэнергии нет нигде — от нас до Вашингтона. Президент приказал переключить все резервные генераторы, как гражданские, так и военные, на питание только фильтрационных установок. Нам приказано поддерживать связь.

— Об остальном можно догадаться, — сказал Кардуелл. — Пентагон делает все, чтобы скрыть происходящее. Президент лишил военных связи, чтобы они еще чего не натворили. А жаль, у них большие резервы, они могли бы помочь стране.

— Что-то душно стало, — заметил Маколей.

— Не исключено, нам придется побыть здесь достаточно долго, — сказал Тейлор. — Надо постараться, чтобы хоть этот этаж остался пригодным для работы. Джо, проверь, сколько времени мы сможем на наших резервах поддерживать фильтр этого этажа, а также холодильник в кафетерии... — Лицо его было мрачным. — Господи, ведь в здании тысяч десять человек. Всем, кто работает на других этажах, прикажите немедленно надеть респираторы и собраться вниз. Учтите, лифты стоят. Объясните всем ситуацию и постарайтесь отправить людей по домам.

Зазвонил телефон. Прежде чем взять трубку, Тейлор обратился к Кардуеллу:

— Возьмите на себя эвакуацию. Это трудное дело.

Голос в трубке произнес:

— Это Служба наблюдения в Чикаго?

— Я вас слушаю.

— Говорит Служба наблюдений Детройта. Боюсь, что вы последняя действующая линия в стране. Вас пытаются вызвать Второй наблюдательный. Связать его с вами?

— Давайте. Мы его не слышим.

После нескольких щелчков послышался новый голос:

— Служба, говорит Второй.

— Второй, Служба слушает. У аппарата Тейлор. Это кто, Бейтс или Патерсон?

— Бейтс. У меня экстренное сообщение. Четвертый тоже пытается с нами связаться, наверное, по тому же поводу.

— Говорите, записываю,— сказал Тейлор.

Тейлор сделал знак Джо, который включил магнитофон, соединенный с телефоном.

— Вас понял. Я нахожусь на высоте девять тысяч пятьсот футов над долиной Миссисипи, примерно в шестидесяти милях к югу от Молина. Высота облака в среднем шесть тысяч футов. Но это еще не все! С севера на юг протянулась линия, к востоку от которой цвет облаков темно-оранжевый, а к западу прежний, грязно-желтый. Граница выражена нечетко — я как раз над ней. Оранжевая зона вторгается в желтую и все время растет со скоростью около десяти узлов. Что это такое, черт побери?

Тейлор закрыл глаза и откинулся в кресле.

— Второй,— сказал он.— Нам нужны снимки. Дайте нам пять минут, чтобы перестроить приемник. Затем начинайте передавать в видимом и инфракрасном спектрах.

— Вас понял. Кстати, я вижу громадный оранжевый пузырь, который поднимается над горизонтом в районе Чикаго.

— Вас понял. Второй, возьмите как можно больше проб воздуха.

Он увидел Джо в зале за перегородкой и постучал в стекло. Джо подошел к селектору и спросил:

— Что случилось?

Тейлор поманил Джо, чтобы тот поднялся.

— Джо, нам необходимо вернуться на свою частоту и наладить телеметрию. Там наверху что-то происходит.

Джо быстро вышел.

Через несколько минут снова загорелись экраны.

— Можете начинать,— раздался голос Джо в селекторе.

— Второй, вызывает Чикаго.

— Второй на связи. Быстро вы управились. Передаю снимки.

— Пройдите подольше вдоль этой границы и войдите

внутри оранжевого слоя. Возьмите пробы к востоку и к западу от границы, затем отыщите место для посадки — любое. Мы уж как-нибудь доставим вас на базу. Нам очень нужны пробы.

— Вас понял. Я сообщу, когда найду посадочную полосу. До связи.

— Погодите, Второй. При спуске в облако обязательно используйте респираторы и кислород.

— Вас понял. До связи.

Оранжевая пелена на экране перешла в желтую, точно как описывал пилот. По мере приближения к облаку она становилась все менее различима. Затем картина стала мутнеть и превратилась в оранжевое марево.

— Первая проба, к востоку от полосы,— сказал пилот.— Поворачиваю направо на запад. Проба вторая. Ну и воздух вокруг! Хорошо, что мы на кислороде. Проба третья. К западу, поднимаемся выше.

— Идите на запад и найдите место для посадки,— сказал Тейлор.— Можете предположить, где это будет?

— Постараюсь сесть на Гранд-Айленд. Там посадочная полоса на возвышенности, у меня останется горючего на двадцать минут. До встречи.

— Спасибо, Бейтс. Садитесь осторожнее. Нам нужны эти пробы. И не рискуйте собой.

— Мучос грацис,— последовал ответ.— До связи.

Вошел Джо и поглядел на экран. Пилот снова набирал высоту, и полоса между оранжевым и желтым облаками была видна очень четко.

— Это еще что? — спросил Джо.

— Мы прокрутим пленку позже, Джо,— сказал Тейлор.— Дай нам еще пять минут для записи данных с самолета, затем переключайся снова на частоту Кэртленда. Джо вышел.

Еще через полчаса вернулся Кардуелл.

— Джим,— сказал он,— творится что-то страшное.

— Подожди минутку,— ответил Тейлор,— пока я перемотаю эти пленки. Второй доложил нам об изменениях в облачном слое. Хорошо, что вы здесь. Я думаю, что догадываюсь, с чем это связано, но сначала я предпочел бы выслушать ваше мнение. А теперь смотрите.

На экране возникли кадры, снятые с самолета. Кардуелл молчал, пока самолет не углубился в облака.

— Достаточно,— сказал он.

— Узнаете цвет? — спросил Тейлор.

— Разумеется,— ответил Кардуэлл,— безопасное горячее. Я видел много полос этого цвета.

— Правильно. Высота облачного слоя шесть тысяч футов, и оранжевый цвет ползет к западу. Это вам о чем-нибудь говорит?

— Чем выше поднимаются облака, тем больше процент ультрафиолетовых лучей. Вероятнее всего, мы имеем дело с реакцией между продуктами выброса безопасного топлива и продуктами загрязнения воздуха, в которой ультрафиолетовые лучи служат катализатором.

— Каковы последствия? — спросил Тейлор.

— Очевидно, изменение цвета началось несколько часов назад, но мы не сразу об этом узнали. Надеюсь, что это не суть важно.

— Вылет Четвертого задержался, и они поднялись уже после того, как мы прекратили связь. Так что больше подтверждений мы не получим, исключая возможность наблюдений с гражданских самолетов.

— Не думаю, что хоть один самолет поднялся сегодня в воздух. С одной стороны, отказ энергосистем, с другой — все аэродромы к востоку от нас закрыты. Я слышал об этом по радио, когда был внизу.

— Как там?

— Все очень взволнованы. Обрадовались возможности уйти, беспокоясь за семьи. Мне помогал комендант здания, он руководил потоками людей на лестницах, чтобы избежать давки.

— Хорошо, что хоть эта операция прошла успешно. А что на улицах?

— Точно не скажу. Одна из девушек в канцелярии дозвонилась до дома, прежде чем отказала сеть... Где находится Доунер Гроув?

— На юго-западе, миль двадцать отсюда.

— Там тоже нет электричества. Разве в маленьких городках нет собственных электростанций?

— Когда как. Боюсь, что если даже они там и есть, то им не выдержать без дополнительной энергии,— ответил Тейлор.

— Все это может плохо кончиться,— сказал Кардуэлл.— Когда погас свет?

— Меньше двух часов назад. Точнее, полтора часа.

Паниковать еще рано, но лучше подготовиться к худшему.

— Необходимо найти радиостанцию — должна же быть хоть какая-нибудь информация. Мы так мало знаем, что творится в городе, будто Чикаго в ста милях от нас.

Вошел Маколей.

— Наши дела не так уж плохи, — сказал он. — Это здание рассчитано на автономное существование. Нам хватит энергии, чтобы функционировали фильтры на этом этаже и холодильники в кафетерии. Между залом контроля и кафетерием имеется лестница, и сейчас мои ребята изолируют ее от остальной части здания.

— Чикаго, вас вызывает Кэртленд, — послышалось в динамике.

Маколей подошел к панели.

— Кэртленд, мы вас слышим. Говорите.

— У нас есть сообщение для президента.

— Вас понял. Ждите, Кэртленд.

— Позови Джо, — сказал Тейлор, но тут же увидел Джо в нижнем зале. Он беседовал со своими сотрудниками. Тейлор постучал по стеклу.

Джо прервал разговор и быстро поднялся.

— Джо, Кэртленд на связи. Я позвал тебя, чтобы не привлекать к этому делу посторонних.

— Хорошо, — сказал Джо. — Балтимор, вас вызывает Чикагская служба наблюдения. Перехожу на прием.

— Балтимор вас слышит. Говорите, Чикаго.

— Связь с Белым домом есть?

— Да, ждите.

Джо переключил рычажки, надел наушники и стал ждать. Через несколько секунд он произнес:

— Кэртленд, президент на линии.

— Фрэд, это ты? — послышался голос Блейка.

.....

— У меня для тебя плохие вести.

.....

— Нет, мы не добились связи с базой Эдвардс. Наши вертолеты долетят туда только через час. Но случилось другое. Навахо. Индейская резервация.

.....

— Так и есть. На пути в Рено. Очевидно, у них не было респираторов. Никто об этом не подумал, а они не успели запросить помощи. Пилот вертолета совершил облет на

бреющем полете. Он видел людей, овец, собак, птиц...

Голос Блейка исчез, и Джо начал энергично переключать рычажки, чтобы настроиться вновь.

.....

— Ни одной живой души. Ни одной. Он опустился в Тьюбе. Но там в домах нет фильтров. Так что не было смысла оставаться. Сейчас он уже, наверное, приземлился в Рено. Можно подумать, что они это сделали нарочно. Нет, мы не знаем масштаба бедствия. Да, я пошлю еще вертолеты. Но я думал, что тебе лучше об этом узнать сразу.

.....

— Хорошо, доложу, как только что-нибудь прояснится. До свидания, Фред.

Джо обернулся к остальным, пытаясь что-то сказать, но голос не слушался его.

— Не надо, Джо,— сказал Маколей.— Мы все поняли. Джо сказал в микрофон:

— Кэртленд, президент отключился. До связи.

— Вас понял, Чикаго. Жуткие дела творятся. До связи.

— Давай попробуем найти какую-нибудь радиостанцию,— сказал Кардуелл.

Им удалось сделать даже больше. Электрики в противопогазах притащили снизу телевизор, и удалось подсоединить его к селектору, так что все, кто оставался в здании, могли слышать голос диктора. Работала аварийная телестудия.

Диктор сидел прямо перед камерой. На столе перед ним возвышался ворох бумаг.

— ...Упомянутые центры распределения пищи также начали получать запасы противогозлов различных типов. Если вам не удастся найти новый противогозл, мы расскажем, как самому сменить фильтр в старом. Возьмите карандаш и бумагу и запишите, что следует сделать.

Вам понадобятся полфунта столовой соли, полфунта пищевой соды, алюминиевая фольга. Постелите в миску алюминиевую фольгу и разведите, желательно в горячей воде, соль и соду. Поместите использованные фильтры в этот раствор и осторожно пошевеливайте их в нем в течение полутора часов. Затем тщательно промойте чистой холодной водой. Будьте осторожны, фильтры очень хрупки и могут легко прийти в негодность. Помните, что жидкость,

в которой вы промывали фильтры, ядовита. Не сливайте ее в умывальник — она может проникнуть в систему водоснабжения. Вылейте ее на землю. Промывайте в одном растворе не более пятнадцати фильтров.

Переходим к обзору местных событий на пятнадцать часов тридцать минут. Мэр призывает всех жителей покинуть улицы города. Мобилизована национальная гвардия. Не пользуйтесь телефоном. Действующие линии требуются для срочных переговоров. Пользующиеся телефоном без крайней необходимости будут подвергнуты аресту.

Специальные аварийные команды работают над восстановлением электроснабжения в районах города с минимальной нагрузкой на сеть. Энергия будет подана около семнадцати часов тридцати минут. Как только будет восстановлена станция Мидуэст, начнется подача энергии в остальные районы города. Жителей города просят не включать никакие электроприборы, в том числе холодильники, телевизоры, радиоприемники, централизованные фильтровальные установки.

Джо рассмеялся:

— Выключить радио и телевизоры! Интересно, к кому же он тогда обращается? Может, кроме нас, его никто не слышит?

— Все жители города должны оставаться в домах или перейти в фильтроубежища. Прослушайте адреса фильтроубежищ.

— Пока это нас не касается, — сказал Тейлор. — Думаю, они слишком большие оптимисты по части восстановления электроснабжения. Будем вести себя в расчете на долговременное пребывание без помощи извне.

— Правильно, — согласился Кардуелл. — Во всяком случае, похоже, что до утра мы здесь останемся непременно. Кроме того, надо позаботиться о спальных местах. Думаю, нас не осудят, если мы притащим снизу из приемных диванные подушки.

— Совершенно верно, — поддержал Кардуелла Тейлор. — Возьмите это на себя, а я пойду посмотрю, как дела у тех, кто остался в здании. Не забудьте вернуть потом подушки на место.

— Разумеется, — улыбнулся Кардуелл, — я только об этом и думаю.

В семь часов вечера они поужинали тем, что не успело

испортиться в выключенных холодильниках. Запасы в кафе-терии пока не трогали.

Диктор непрерывно повторял адреса фильтроубежищ. Но вдруг после некоторой паузы сказал:

— Внимание. Считаются вышедшими из строя семьдесят седьмое фильтроубежище на Юго-Западной авеню, пятьдесят первое на бульваре Гайд-Парк, все убежища между двадцать второй и сорок седьмой улицами...

По мере того как список удлинялся, в помещении стало тише и тише.

Маколей взглянул на Тейлора, который сидел с каменным лицом, уставившись на недоеденный сэндвич.

— Джим, мы знали, что первыми жертвами будут бедняки...— сказал он.

Тейлор явно старался держать себя в руках.

— Такое впечатление, что в первую очередь они закрывают убежища в районах бедноты.

— Мы не знаем, почему...

Тейлор взял сэндвич.

— Да, мы не знаем.— Он горько улыбнулся.

После паузы снова послышался голос диктора:

— В настоящее время существует уверенность, что в прибрежной части города подача электроэнергии начнется сразу после полуночи. Остальные районы получают энергию, как только будет восстановлена станция Мидуэст.

— Через каждый час они отодвигают срок на два часа,— сказал Кардуелл.— Насколько я понимаю, электричества все еще нет ни в одном районе. Впрочем, и ни в одном большом городе.

В дверях показался Джо:

— Мистер Тейлор!

Тейлор направился к двери.

— Пойдемте со мной,— кивнул он Маколею и Кардуеллу.— Может, поступили сведения от Четвертого.

Они вернулись к пульту в зале контроля. Работала связь с Белым домом. Сначала Тейлор поговорил с Вашингтоном, потом Джо соединился с Кэртлендом. Сигнал был слабым, но постоянным.

— Мак,— сказал Тейлор,— секретарь президента спросил меня, имеем ли мы связь с местными властями. Я ответил, что нет. Он посоветовал нам не покидать здания. У них есть сведения, что в Чикаго беспокойно, хотя об

этом не будет объявлено. Полицейским не поздоровилось. Правда, и бунтовщикам тоже. Кое-кто стал срывать противогазы с прохожих, а полиция открыла по ним огонь. В рядах национальной гвардии наблюдается дезертирство. У солдат семьи в пригородах, и они предпочитают заботиться о них.

— А вдруг они закрыли убежища в отместку...

— Мак,— ответил Тейлор,— об этом я даже думать не хочу. И тебе не советую. Если об этом думать, не останется ничего другого, как взять пистолет и идти восстанавливать справедливость. Но как разобрать, кто прав, а кто виноват? В любом случае нам следует оставаться здесь.

Из Кэртленда донесся голос Блейка:

— Фред, наши вертолеты прорвались. База Эдвардс не функционирует. Они набились в два ангара, там же много гражданских. Всю энергию из аварийной сети используют для фильтров и рефрижераторов. Продовольствия у них всего на три дня. Мы готовимся перебросить им по воздуху, что сможем. Но здесь ведь тоже целый город, который хочет выжить. Облачный покров у нас еще не сплошной, но фильтры уже необходимы. Мы лишились электроэнергии, которую получали из Денвера. Нельзя ли подключиться к секретным линиям? Мне надо посоветоваться с другими военными базами.

.....

— Этого я взять на себя не могу, господин президент. Это уж ты решай, Фред.

.....

— Это я уже уладил. Мы поднимем сегодня же ночью все исправные самолеты в Эдвардсе, чтобы вывезти оттуда как можно больше людей. Но это ведь только тысяча или чуть больше. А второго рейса нам не осилить. Нет ни связи, ни видимости. Мы и так еле отыскивали базу. Но ты не ответил мне на главный вопрос: игнорировать ли внешний мир?

.....

— Понимаю. А есть какие-нибудь новости из-за границы?

.....

— Значит, молчат? Хорошо, Фред, до связи.

Разговор закончился. Тейлор сказал:

— Я полагаю, что везде одно и то же. Все хотят выжить. Кто там?

Голос из холла повторил:

— Есть тут кто живой?

Маколей открыл дверь. За дверью стояла Бетти с большим чемоданом в руках.

— Бетти, ты что здесь делаешь?

— Мы... у нас кончились фильтры... поэтому я здесь. Мы принесли с собой консервы. Столько мертвых...— она зарыдала.

Маколей обнял ее за плечи и подвел к креслу.

— Мак, ты помнишь Пегги Ортс из машбюро?

— Конечно, Бетти, конечно. Успокойся.

— Мы шли по улице, вдруг кто-то сорвал с нее маску и убежал. Она старалась... старалась не дышать, сколько могла...

Маколей и Тейлор переглянулись.

— Ох,— Бетти подняла голову и вытерла слезы,— я так рада, что добралась до вас. Здесь есть воздух и свет. А везде совсем темно. Мы шли сюда ощупью.

— Бетти, кто «мы»?

— Нас четверо. Мы вместе снимали квартиру. Мы решили идти сюда, когда у нас кончились фильтры. Мы так боялись, что не дойдем.

Маколей приподнял чемодан.

— Ты хочешь сказать, что поднялась на сороковой этаж с этим чемоданом?

Бетти кивнула и снова заплакала.

— Проклятая жизнь! — воскликнула она.— Я не могу остановиться!.. Не говорите мне никаких добрых слов...— Она глубоко вздохнула.— У вас есть вода?

— Пойдем, я провожу тебя, Бетти,— сказал Джо.— У нас есть пожарный гидрант. А где остальные девушки?

— Они в приемной.

— Я пойду с вами,— сказал Маколей.— Надо будет раздобыть подушек и для них.

В кафетерии отодвинули к стенам столы и положили на пол подушки от диванов и кресел. Женское общежитие Бетти устроила в приемной Тейлора.

— Совсем забыл,— сказал Тейлор и пошел к себе в кабинет.

Вернулся он с двумя бутылками. Кто-то добыл из автомата газированной воды, бумажные стаканчики, и Тейлор пошел по кругу, осторожно наливая каждому на донышко. Потом поднял свой стаканчик и сказал:

— Леди и джентльмены. Прошу поднять бокалы за нашу несчастную страну.

Кое-кто из мужчин встал. Воцарилась тишина.

Тейлор глядел в свой стаканчик.

— Я не буду много говорить,— произнес он.— Но мне хочется подвести некоторые итоги. Нас здесь шестнадцать человек. Возможно, мы сегодня единственная ниточка, соединяющая Белый дом с последними, относительно незагрязненными районами юго-запада. Но не вбивайте себе в голову, что мы последние люди на Земле. Мы не последние и не собираемся ими становиться. К счастью, на свете есть более разумные страны, чем наша. Но на вопрос, почему мы прячемся здесь, когда погибает громадный город, я вам могу ответить лишь одно: даже если погибнет население больших городов, в стране все равно останется в живых около тридцати миллионов человек. Не будет промышленности, прекратится производство пищи. Наш долг — оставаться связующим звеном между страной и правительством, и когда все кончится, а это непременно кончится,— правительство благодаря нам будет информировано о том, что происходит вокруг, и это позволит ему действовать. А действовать надо будет энергично. Атомные станции останутся целы, а это основа нашей будущей экономики. Я не знаю, каково нам всем придется, но вы должны быть готовы к худшему, к тому, что восьми, а то и девяти человек из десяти не будет в живых, когда мы выйдем из этого дома.

Кто-то в дальнем конце комнаты сказал:

— Мистер Тейлор, город горит.

— Я знаю,— сказал Тейлор,— какие районы Чикаго могут гореть.

Он поднял бутылку и снова принялся обходить всех.

— Может, включим радио? — спросил кто-то.

— Если мы будем его слушать все время,— ответил Маколей,— то сойдем с ума.

Спросивший увеличил звук в приемнике. Но в ответ слышалось лишь сухое потрескивание.

— Они кончили передачу.

— Этого следовало ожидать,— сказал Кардуелл и допил виски. Он подошел к Тейлору, который сидел на диванной подушке, прислонившись к стене, и сказал, усаживаясь рядом: — Джим, вы не можете знать, какая часть города горит. Я думаю, горит весь город.

— Возможно, я слегка пьян,— ответил Тейлор.— Не ждите от меня разумных речей.

— Уже три часа ночи. У вас есть снотворное?

Тейлор кивнул и допил виски.

К ним подошел Маколей:

— Джим, знаешь, о чем я подумал? Все эти рекомендации, которые ты составлял... Не было времени выполнить их, даже если бы полностью с тобой согласились в Вашингтоне. Да и достаточны ли были ваши рекомендации?

— Возможно, и нет...— вздохнул Тейлор и обвел взглядом комнату.— Но это теперь не имеет никакого значения. Нам остается только ждать. Наши проблемы решаются сами.

— Да,— согласился Кардуелл,— но решения эти не из лучших.

ОКТАБРЬ

Окна подвала были аккуратно закрыты листами пластика и по краям обклеены лентой. Сквозь них тускло пробивался оранжевый свет, освещая кучу консервных банок в углу. Вдоль дальней стены лежали четыре матраца — один двуспальный, остальные узкие. Малышка спала на одном из узких матрацев. Лицо вокруг маски было грязным.

Тим и Майк играли в шашки на разлинованном мелом полу подвала медными и никелевыми монетами. Джуди сидела на стуле без спинки и читала комикс, время от времени протирая стекла противогоза подолом юбки. Рядом с ней на полу лежал целый ворох истрепанных книжек.

Грейс, которая пристроилась с шитьем за маленьким столиком, включила батарейный приемник в тщетных попытках что-то услышать.

— Ну и пускай,— сказал Тим.— Мы и без них обойдемся.

— Не говори так,— сказала Грейс.— Кто у вас выигрывает?

— Конечно, я,— проговорил Тим небрежно.

— Он всегда выигрывает,— радостно подтвердил Майк.— Твой ход.

Тим двинул вперед монетку и сказал:

— Пойду попробую наладить фильтр.

— Ты думаешь, у тебя получится и можно будет снять маску? — спросила Джуди.

— Игра не кончилась! — сказал Майк. — А можно я буду смотреть, как ты чинишь?

— Смотри, — сказал Тим.

Он поднялся и прошел в чуланчик, заваленный инструментом. В окошко там была вставлена решетка фильтра. Тим снял ее. Под решеткой оказался вентилятор, укрепленный в листе фанеры, которым было забито окно.

— Надо сделать так, чтобы вентилятор крутился. — Он обернулся и спросил: — Мама, я выйду наверх на минутку. Где у нас веревки?

— Смотри, чтобы тебя кто-нибудь не увидел, — сказала Грейс. — Веревки под умывальником.

Тим поднялся по лестнице из подвала и отодвинул засов. По периметру дверной коробки были прибиты куски садового шланга, чтобы не проникал воздух снаружи. Помещение за дверью было освещено оранжевым светом. Три стены его были целы, а четвертая, которая когда-то примыкала к телевизионной комнате, отсутствовала, только черные балки свешивались над проемом. Через проем можно было разглядеть сгоревший дом на противоположной стороне улицы. Тим осторожно подошел к проему, затем пробрался на бывшую кухню. Кухня сгорела не вся. Тим достал из-под умывальника моток веревки и вернулся в подвал. Майк последовал за ним в мастерскую.

— Мама, когда папа вернется? — спросила Джуди.

— Скоро, — ответила Грейс, не отрываясь от шитья.

— Можно я попью?

— Нет, дорогая, подожди, пока вернется папа. Поглядим, что он нам принесет.

— Ладно, — согласилась Джуди и снова углубилась в чтение.

Проснулась и захныкала Малышка. Грейс склонилась над ней и положила руку на лоб девочки над маской.

— Хорошо бы он нашел где-нибудь аспирин, — сказала она, — мама здесь, Малышка. Как у тебя натерто!

Она оттянула край маски и посмотрела на воспаленную полоску кожи.

Взяв с полки чашку, Грейс нацедила немного воды из бака в углу, вернулась к матрацу и помогла Малышке сесть.

— Не забывай, дорогая,— сказала она.— Пей быстро и не дыши.

Малышка кивнула. Грейс оттянула маску и поднесла чашку к губам ребенка. Малышка сделала несколько глотков и, когда маска надежно закрыла лицо, начала кашлять.

— Хочешь еще?

Джуди смотрела на облизывая губы. Затем снова уткнулась в книжку. Грейс положила ребенка на матрац.

— Хочешь еще подушку?

Хоботок маски закачался — «нет».

Грейс стояла на коленях у матраца, пока ребенок не заснул снова. Потом поднялась. Тим глядел на нее.

— Ей лучше?

— Надеюсь,— сказала Грейс.

Она вытерла слезы тыльной стороной ладони и вернулась к своей работе.

Тим еще раз взглянул на спящую сестру и направился в чулан.

Грейс все еще дремала на стуле, когда Тим тронул ее за плечо.

— Мама, посмотри! Мам, он работает! (Она открыла глаза, с трудом понимая, о чем говорит сын.) Я даже маску снимал!

Она поднялась и прошла за сыном. От оконной рамы к оси вентилятора тянулись две веревки, они проходили через железные блоки и непонятным для Грейс образом крепились к велосипедным педалям под сломанным стулом. Тим уселся на стул и стал крутить педали. Тут же закрутился и вентилятор, и она почувствовала, как ветерок колышет ее волосы.

— По крайней мере, в чулане будет воздух,— сказал Тим.— Можешь снять маску.

Он снял свою маску и положил ее рядом с матерью. Та в ужасе ахнула и протянула руку. Но Тим глубоко вздохнул.

— Не беспокойся, все нормально.

Когда Грейс стаскивала маску, руки ее дрожали. Воздух действительно был свежим.

— Тимми! — воскликнула она.— Как это хорошо для Малышки! Мы ее можем перенести сюда!

Слезы навернулись на глазах Тима. Он опустил голову, продолжая быстро крутить педали.

Они перенесли Малышку в чулан, а через час, когда после непрерывной работы Тима, Майка и Джуди воздух стал чистым во всем подвале, отнесли ее обратно. Дети не дали матери вертеть педали.

— Это наше дело,— сказал Тим.— У тебя другие заботы. А теперь я хочу посмотреть, надолго ли мы можем прекращать работу.

Они перестали крутить педали, и Тим закрыл фильтр одеялом. Прошел час, потом второй. Наконец Джуди начала кашлять.

— Я чувствую запах,— сказала она.— Давайте крутить снова.

Тим прошел в чулан и снял одеяло с фильтра. Обернувшись, он увидел, что Майк уже сидит на стуле.

— Давай сначала я,— сказал Тим.— Я самый сильный.

— Нет,— сказал Майк,— ты крутил последним.

— Ну ладно, только скажешь, когда устанешь. И не спеши. Видишь, воздуха хватило на два часа, так что спешить не надо.

Ручка на двери повернулась.

— Папа! — закричала Джуди и побежала вверх по ступенькам. Тим обогнал ее, надевая на ходу противогаз. Он жестом приказал ей отойти в сторону и открыл дверь. За нею стоял Питер с двумя сумками в руках.

— Привет, Тим, возьми сумки. У меня еще два пакета в тачке.

Тим взял сумки и спустился в подвал. Через минуту дверь снова открылась и быстро захлопнулась. Шурша пакетами, Питер спустился по лестнице. Он взглянул на Тима, уронил пакеты на матрац и бросился к сыну. Но тут увидел, что и Грейс сидит без маски, и Джуди, и Майк, крутящий педали в чулане.

Питер медленно стянул свою маску и принялся к воздуху. Потом кинулся к Тиму и, плача и смеясь, крепко прижал его к груди.

— Ну, мальчик,— повторял он,— ну, мальчик...

— Я слишком поздно догадался, как это сделать,— сказал Тим приглушенно.— Но теперь все в порядке.

Питер держал Тима за плечи.

— Тим, ты не понимаешь, что это значит? Это зна-

чит, что мне не надо больше снимать фильтры с мертвых!

— Папа, ты нашел орехи? — спросила Джуди.

— Нашел,— сказал Питер.— И аспирин принес.— И еще кусок самого сухого хлеба, который вам приходилось видеть в жизни. И запасные фильтры.— Лицо его стало грустным.— И много чего еще. Теперь мало осталось людей в развалинах.

— Дай мне аспирин, Пит,— попросила Грейс. Она взяла таблетки, налила воды из бака и разбудила Малышку, которая спала на спине: — Проснись, милая, выпей воды и прими таблетку, тебе сразу станет легче.

Девочка кивнула, закрыла глаза, сделала глубокий вдох и задержала дыхание.

— Милая,— засмеялась Грейс,— сегодня тебе не надо так делать. Просто пей.

Ночью Питер и Грейс без сна лежали на широком матрасе. Рядом тихо спали дети.

— Неужели все эти фильтры ты снимал с мертвых? — спросила Грейс.

— Да, и сам хоронил людей. Все, кто остался в живых, делают то же самое.

— Мы когда-нибудь увидим какую-нибудь другую семью?

— Обязательно. Сейчас снаружи уже не так страшно. Правда, однажды я видел бандитов, но они не возвращались в наш район. Он слишком выгорел. Мне кажется, что в двух кварталах отсюда какая-то семья ютится в бывшей прачечной. Но близко я не подходил. У многих есть оружие, люди боятся чужих...

— А почему ты больше не берешь с собой пистолет?

Питер обнял жену:

— Дорогая, я ненавижу его. Я никогда больше не возьму его в руки. Надеюсь, ты понимаешь меня. Я ведь не убийца, и если бы это было не ради тебя и детей, я никогда бы не смог нажать на курок. Я бы убежал. Это же хуже, чем на войне. Ведь нет никакой ненависти. Просто всего не хватало. Мне нужно было сохранить вас. Может быть, тот тоже хотел сохранить свою жену и де-

тей. Я сам слышал, как люди говорили: «Прости меня, господи!» — и нажимали курок.

— Если бы они сначала поговорили друг с другом!

Питер покачал головой.

— О чем говорить? Тянуть жребий? Но ты не можешь вернуться домой и сказать: «Простите, дорогие дети, нам придется уступить кому-то право на жизнь». Вспомни, как было. Фильтры кончились, их очистка уже не помогала. Людей убивали не ради пищи, а ради фильтров.

Грейс обхватила его руками и долго лежала с открытыми глазами, глядя, как за пластиковым окном разгорается оранжевый рассвет.

— Сегодня, наверно, луна,— сказала она.— Как бы я хотела ее увидеть!

Питер заснул. Вскоре и Грейс закрыла глаза.

Пластиковые щиты на окнах дрожали. Наверху начал завывать октябрьский ветер. Всю ночь снаружи что-то поскрипывало, шелестело, шепталось, все громче и громче.

Тепло стало уползать из домов. Холодный сквозняк рвался сквозь обгоревшие комнаты. Казалось, привидения бродят по улицам города, но это пришла зима.

Питер встрепенулся и сел. Его разбудил какой-то шум.

— Грейс, ты слышишь?

Проснулся и Тим, потом Майк и Малышка. Наконец и Джуди села, привычно протирая стекла противогаза.

— Папа! — сказал Тим.— Погляди на стену!

А на стене был яркий квадрат света размером с окно. И квадрат был не оранжевым, а светло-желтым. А за окном сверкало голубое небо.

Маколей остановился возле двух могильных холмиков во дворе и позвал:

— Эй, есть здесь кто-нибудь! Выходите!

Через несколько секунд наверху появился Питер. Он был без рубашки, в противогазе, с пистолетом в руке. Он стоял неподвижно целую минуту, потом снял противогаз и бросил его на землю, рядом звякнул пистолет.

Маколей показал на небо.

— Это настоящее,— сказал он.— Циклон добрался сюда ночью.

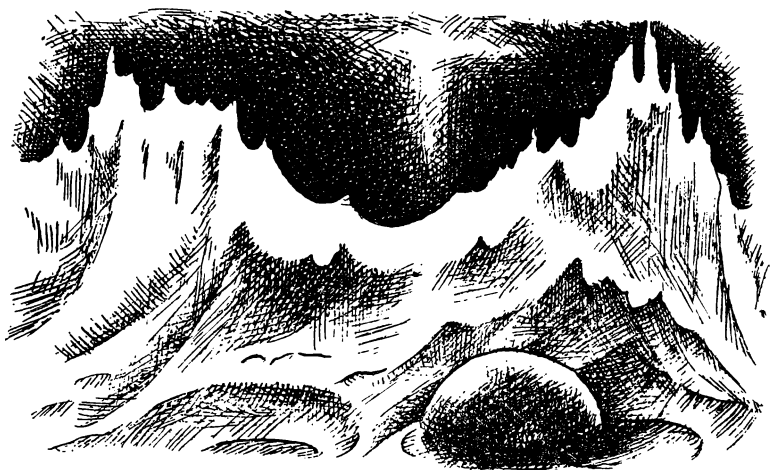
— Мистер,— сказал Питер,— простите, но я должен

позвать мою семью. К сожалению, мне нечего предложить вам выпить.

— Это не я сделал,— улыбнулся Маколей. Он подошел к Питеру и протянул ему карточку: — Здесь вы найдете инструкции — мы должны как-то организовать. Если сможете, приходите во второй половине дня в Линкольн-парк. Мы будем обсуждать вопросы питания. Там же будут врачи, если у вас есть больные. До встречи.

Маколей пошел дальше по улице. Питер обернулся и крикнул:

— Грейс! Дети! Выходите! Все кончилось.

Посвящается Стивену Спилбергу и самому очаровательному созданию, когда-либо прилетавшему из космоса на экраны кино,— Ипу, которого я так люблю.

Даина Чавиано

ФЕЯ НА ПОРОГЕ ЗЕМЛИ

Научно-фантастическая повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Зима. На Гарнисе очень холодно.

От бликов, отбрасываемых Сверкающими Горами, равнина вдали блестит и переливается. А вблизи, мягко падая, окрашивает все в голубые тона снег.

Под ледяным небом коченеет нагой, беззащитный ветер.

Внутри купола Ниса, переключив отопление на более высокую температуру, собирает грязную посуду и бросает ее в автоматический конвектор.

— Мама, можно я пойду на пруд?

Мать останавливается перед зеркалом и начинает внимательно рассматривать свое лицо.

— Сейчас нет, Томи,— отсутствующим голосом отвечает наконец она.— Идет снег.

— Возьму с собой обогреватель.

Ниса по-прежнему критически себя разглядывает.

— Почему бы тебе не посидеть дома и не почитать еще? Книга, которую я дала, тебе не понравилась?

— Очень понравилась. Я уже прочитал ее всю.

Ниса забывает о зеркале и переводит взгляд на сына.

— Но ведь я дала ее тебе только вчера! — удивленно восклицает она.

— Я уже прочитал ее всю,— снова говорит он.

— Ну что ж...

Она не знает, что сказать.

Вдалеке, вниз по склону горы, мчится ветер, набирает силу и скорость, как набирает вес и скорость катящийся с вершины в пропасть снежный ком.

— Так можно я пойду?

— Только обязательно возьми обогреватель.

Томи бежит надеть герметизированный костюм. Мать помогает ему запереть магнитные замки и, прежде чем опустить прозрачное забрало, целует сына.

— Ты меня слышишь? — спрашивает она.

Поворотом верньера он увеличивает чувствительность внешних микрофонов.

— Слышу.

— Знаешь... еще несколько дней назад я заметила: ты чем-то озабочен. В чем дело?

На лице Томи — полное непонимание.

— Не знаю. Я сделал что-нибудь плохое?

— Нет, Томи. Только... ты почти не разговариваешь, и тебя все время тянет наружу.

— Но ведь я не ухожу далеко, правда?

— Дело совсем не в этом! Просто снаружи так холодно, что...

— А здесь, под куполом, очень тесно.

Он злится. Это видно по его движениям, по сжатым

губам, по слегка нахмуренным бровям. Злится и даже не пытается этого скрыть.

— Ну ладно, все это не так уж важно,— пытается успокоить его Ниса.— Мне хочется, чтобы мы оставались друзьями: ты будешь мне рассказывать обо всех своих делах, а я тебе — о своих. Ведь мы, по-моему, улаивались об этом?

— Я-то тебе рассказываю про свои дела, а вот ты...

Он закусывает губу — она это видела уже много раз. Упрек в его взгляде так выразителен, что ей становится неловко.

— Что ты хотел сказать, Томи? Договаривай.

— Ничего. Можно, я пойду?

— Подожди, я хочу кое о чем тебя спросить. Почему то место так тебя интересует?

— Какое место?

— Пруд.

Он пожимает плечами.

— Там много скал, за ними хорошо прятаться. Когда играю в исследователей, на них можно залезать, искать расщепляемые материалы, чтобы заправить свой космический корабль, оставшийся без горючего. А еще за камнями можно прятаться от хищников, они встречаются то и дело; лазер у меня есть, но все же...

— Томи! О каких хищниках ты говоришь? Ведь планета мертвая!

— Это же игра! Неужели непонятно? Ты не слушаешь.

— Не слушаю? А что же, интересно, последние десять минут я делаю?

Томи снова хмурится.

— Я не о том,— тихо говорит он.— Так я пойду?

Ниса пристально на него смотрит. Уже несколько дней у нее такое чувство, будто Томи что-то от нее скрывает, но что именно, она пока понять не может. Однако она не будет приставать к нему с расспросами: когда Томи захочет, он расскажет ей сам. Расспросы только испортят отношения между ними.

Она ласково гладит его плечо.

— Я бы пошла с тобой, но хочу доделать перевод. Ставлю твой таймер, считая от этой минуты, на один час.

— Ну пожалуйста, мам!..

— Хорошо, на два. Как только зазвучит, возвращайся

назад. Подожди! Я синхронизирую домашний таймер с твоим.

Она ставит стрелку в обоих таймерах на одну и ту же цифру. На это уходит лишь несколько секунд, но Томи все равно нетерпеливо переступает с ноги на ногу.

— Ну, иди,— говорит она наконец.— Смотри только не провались в снежную яму!

Несколько мгновений Ниса провожает взглядом неуклюжую неповоротливую фигурку. Томи удаляется от купола медленно, неуверенно, словно никуда не спешит.

Ей смутно вспоминаются черты другого, взрослого лица, похожего на лицо Томи. Она пытается не думать об этом, но не получается; глаза ее наполняются влагой, и предметы, на которые она смотрит, затуманиваются.

2

вспомнить бы то что пытается всплыть в его голове тогда тревога пройдет но вспомнить никак не удастся и каждое утро остается страх после снов он их не помнит нет нельзя рассказывать маме о своих мыслях нельзя ни о чем ее расспрашивать она ведь плачет ночи напролет но все равно ему ничего не рассказывает он знает она думает о его отце своем муже друге возлюбленном он пропал два года назад в Сверкающих Горах искал там горячее для их космического корабля совершившего здесь вынужденную посадку мать все не может забыть отца и каждую ночь приходится ждать чтобы она перестала об отце думать только тогда можно заснуть но воспоминания матери все равно появляются в его снах и его будят это ему непонятно ведь она его не слышит а он наоборот ясно слышит свое имя у нее в голове когда отходит от купола или делает что-то не так нет не надо рассказывать ей свои глупые сны свое дурацкое желание вспомнить забытое потонувшее похожее на страшный сон который никак не вспомнишь но почему-то важное наверняка важное раз так рвется наружу это мучает его все время а попросить маму о помощи рассказать ей нельзя но потом все равно придется поговорить с ней о ее голосе который он слышит даже когда она молчит и она подумает тогда что он спятил или накажет его запретит на две недели гулять это было бы ужасно не ходить каждый день к тому месту куда его тянут воспоминания но непонятно какие воспоминания могут быть о месте которого ты не

видел и однако такие воспоминания могут быть у него были и потом он нашел это место и его узнал ведь он уже видел его во сне и ему стало страшно когда он убедился окончательно ведь вообще такое не нормально и конечно с ним происходят вещи очень странные жаль что отца уже нет и он уже никогда не вернется а то разговаривали бы как раньше и отец бы внимательно слушал все что он говорит обращался бы с ним как с равным но этого уже никогда не будет нужно со своими трудностями справляться самому чтобы мать не расстраивалась еще больше вот почему он не говорит ей о своих трудностях и ей не следовало бы упрекать его за это раз она не рассказывает ему о своих ну и умеет же она притворяться и если бы ее мысли не звучали у него в голове он бы никогда не узнал о ее переживаниях едва удержался и не сказал ей о них когда она стала спрашивать о его делах но если он будет осторожен она не узнает ведь она услышать его мысли не может она не слышит когда он молча зовет ее и он ни за что ей не скажет почему ходит играть к скалам у пруда ведь на самом деле он всего несколько раз играл в исследователей которые ищут горючее для своего корабля и в охоту на хищников ведь он никогда не видел живых хищников знал о них только из книг потому что родился в маленьком рассчитанном на одну семью космическом корабле прибыл в нем на эту планету когда ему было пять лет и он никогда не забудет как удивился снегу холодному ветру Сверкающим Горам эти горы казалось совсем близко но он до них не дошел и за два часа сколько ни идешь к ним они не приближаются ни на вот столечко не то что другие отдаленные предметы и в тот первый раз ему стало одиноко и страшно кругом снег и он заплакал и если бы отец не нашел его он конечно бы погиб это был единственный раз когда он увидел и что еще немного и отец тоже заплачет и от этого сам он испугался и заплакал еще сильнее и отец прижал его к груди будто чувствовал что скоро один из них умрет так в конце концов и произошло в то дурацкое утро когда отец поссорился с мамой она хотела улететь с этой планеты а он говорил что без горючего это невозможно и она сказала ищи горючее а он ответил легче сказать чем сделать а она сказала уже три года ждем корабля его все нет и этим снегом я сыта по горло и отец спросил ее ты думаешь я робот и не чувствую холода а она я почти готова в это поверить и он закричал ты ведь знаешь

что до Сверкающих Гор нужно добираться три дня а я не хочу вас оставлять одних а она сказала ты о нас не беспокойся мы не видели людей целых три года а уж три дня пройдут быстро а он три дня могут превратиться в десять двадцать тридцать дней расщепляемые материалы не лежат на поверхности меня дожидаясь ведь их надо искать и она ответила я не идиотка понимаю это и в конце концов отец собрался и ушел но не на десять двадцать тридцать дней или даже шесть месяцев а уже почти два года как его нет и может уже никогда не будет потому что теперь мама говорит ты мужчина в доме и должен мне во всем помогать она так долго плакала когда сказала это несколько месяцев назад ему тогда исполнилось девять лет не будь у них голограмм он бы наверно даже забыл лицо отца немного усталое такое серьезное и красивое потому что ведь это правда его отец был самым умным сильным и замечательным отцом во всей Галактике и как грустно что он пропал в Сверкающих Горах но кажется он Томи сейчас попусту тратит время ведь он уже здесь давно а ничего не делает только думает об отце нельзя терять ни минуты ведь сегодня нужно обязательно установить в пещере отопление и он не уверен что сумеет и нужно спешить таймер зазвонит меньше чем через два часа а еще за полчаса до этого мама начнет о нем думать и мысленно его звать и покоя уже не будет поэтому лучше поторопиться и поскорее дойти до склада но кружным путем за скалами иначе мама увидит сквозь прозрачную стену купола что он идет к складу.

3

Ниса смотрит на абзац, густо усеянный исправлениями и поправками (машина, следуя заданной программе, основательно поработала над текстом):

...Короткой зимой, что последовала тогда за теплым временем, цветов на деревьях было меньше и все как бы замерло на исполненный необычайной красоты миг, и никто не думал, что это предвестие смерти, которая наступит вскоре...

Она поднимает голову и сквозь окно смотрит вдаль. За несколько секунд взгляд ее обегает вершины Сверкающих

Гор, равнину, скалы и темные зевы пещер в них, нарушающие однообразную снежную белизну ландшафта.

«Прилетят ли сюда когда-нибудь? — думает она. — И вообще, узнают ли, что мы здесь?»

Книга (если это можно назвать книгой) соскальзывает с ее колен на пол. Легкий шорох отвлекает Нису от грез, она наклоняется и поднимает с пола тонкую гибкую пластину, на которой снова проступило заглавие, на языке древних обитателей этой планеты означающее: «Циклы и цивилизация».

Ниса вспоминает последние переведенные ею слова, и, как обычно, книга «читает» ее мысли: заглавие исчезает, а на его месте появляется абзац текста.

Ниса диктует дальше:

...Грвдр решил отложить другое, что предстояло сделать в городе, и подготовить зимовальни прежде, чем придет долгий холод...

Она замолкает и снова смотрит в окно.

«Я пошла бы искать тебя, Люлио, — думает она, — хоть и знаю, что найти тебя и увидеть твое уже окоченевшее лицо — всего лишь тщетная мечта».

Опять всплывают картины прошлого. Глубоко вздохнув, она пытается отодвинуть воспоминания, уйти с головой в работу:

...Невозможно было поверить, что весь народ илонов погиб, ибо известно: страшным зилибара́м и после долгих эпох холода удавалось оставаться живыми...

Беззвучно падают похожие на белые перья снежинки.

«Если прилетят, то, может, посадят корабль где-нибудь недалеко отсюда, на этой равнине, и мы с Томи пойдем к ним и вернемся на Землю...»

Она закрывает глаза.

«Ходить по зеленой траве, отыскивать в лесах глухие тропинки, где слышны голоса деревьев; в горах кричать только для того, чтобы услышать эхо — в каменистых горах, где пахнет дикими козами; нырять в безмолвную синь океана; подняться в шумный ресторан на крыше самого высокого здания в городе: вокруг будет много людей и ароматы кушаний...»

Снег падает и падает, но закрытые глаза Нисы этого не видят; она слышит шум ливня на Земле, низвергающе-

гося на сосны, ощущает горячий ветер, поднимающий вихри сухих красных и желтых листьев, которые кажутся голодным муравьям и влюбленным сверчкам настоящими ураганами; чувствует жар солнца, вечно изливающего свое тепло на волны, которые одна за другой, будто самоубийцы, разбиваются о берег; видит облака в утреннем небе, похожие на фантастических рыб, на птиц, собирающихся взлететь, на шляпы с голубыми вуалями или на диковинные оранжевые растения. Эта тоска по птичьим гнездам, солнцу и бабочкам вытесняет сегодня в ней все остальные чувства...

Она открывает глаза, и перед ней опять только снег. Вселенная — снова поток ледяных миазмов, несущих с собой разложение и смерть.

Скрип кресла окончательно возвращает Нису к действительности, и она опять склоняется над столом:

...Но илоны чуть было не забыли, что любой зилибар может создать вокруг себя твердый панцирь и внутри него под толстым слоем снега пережидать долгие зимы, а они, илоны — существа, состоящие всего лишь из воздуха и тепла...

Снаружи воеет ветер, и миллионы снежинок безжалостно наваливаются на другие их миллионы.

4

Пещера очень большая, и в ней сыро; но как ни ярится на равнине ветер, проникнуть в нее он не может.

Томи снует по пещере, сосредоточенно размещая унесенные тайком обогреватели. Через полчаса, самое большее, настойчиво зазвучит, зовя его домой, повторяющийся музыкальный мотив, и хочешь не хочешь, а придется сразу отправиться в обратный путь; но по-настоящему заставит его вернуться не звук таймера, а как бы несуществующий и, в то же время, ясно слышимый сигнал ее страха, который сейчас пронзит его мозг. Целый час ушел только на то, чтобы перенести обогреватели со склада сюда, в пещеру, и хорошо бы успеть до того, как он уйдет, всё установить и наладить.

Запаса энергии в трех обогревателях хватит на тридцать лет. Пожалуй, один обогреватель он поместит у входа, другой — в центральном гроте, а третий — у пролома, через который в пещеру проникает холод.

Томи Томи не уходи слишком далеко Томи не провались в снежную яму Томи

Он трясет головой, пытается отогнать мысли матери, хотя знает, что ничего из этого не выйдет: теперь ее мысли будут всплывать у него в голове через приблизительно равные промежутки времени.

Сосредоточившись настолько, насколько это сейчас для него возможно, он принимается включать обогревательные аппараты. Мама много раз проделывала это при нем: нажимаешь красную кнопку; три секунды ждешь; ставишь стрелку на цифру «20», немного ждешь; открываешь все пять камер прибора; нажимаешь синюю кнопку...

Томи Томи не уходи слишком далеко от дома Томи помни что отец

— Мамочка, замолчи!

лежит где-то в снежной яме в Сверкающих Горах ведь я одна Томи

Сколько ни кричи, все равно не заглушишь у себя в голове ее голос.

Как странно, что он слышит мысли матери, а она его мыслей не слышит! Ведь столько раз, когда они ели вместе, он обращался к ней беззвучно — и все напрасно!

Но тут уж ничего не поделаешь, и он продолжает свою работу уже со следующим обогревателем: нажимает красную кнопку, три секунды ждет, ставит стрелку на «20», ждет снова, открывает пять камер...

Он не понимает, почему ему так хочется поставить обогреватели именно в этом месте, не знает, чего ради рискует получить нагоняй от мамы, если той станет известно, что он растрчивает жизненно важные запасы на изменение климата внутри полого камня; однако он многого не понимает, поэтому просто-напросто повинуетя порыву.

Торопитесь, торопитесь!
Близки призрачные ветры!
Близки дальние сверканья!
Близки отблески и свет!
Торопитесь, торопитесь!
Дети, дети, все — домой!

Пора возвращаться.

Он еще раз торопливо обегает пещеру, ее проходы и закоулки. Нужно все проверить — в последний раз.

Торопитесь, торопитесь!

— Знаю! — кричит он сердито, и крик его перекачивается в пещере.

Томи Томи нужно возвращаться два часа прошло таймер еще никогда не звонил так громко Томи почему не возвращаешься Томи

Со всех ног он бросается бежать по темным переходам. Скорей бы ощутить перемену, которая вот-вот должна здесь произойти! Он много сделал для этого, и как хорошо было бы, если бы все началось при нем!

Торопитесь, торопитесь!

Близки призрачные ветры!

На концах свисающих с потолка сосулек появляются дрожащие капли. Томи издает ликующий крик: завтра в пещере будет лето.

Близки дальние сверканья!

Близки отблески и свет!

Торопитесь, торопитесь...

Задыхаясь, он несется по последнему переходу и выскакивает наружу. На мгновение оборачивается и снова бросает взгляд на темный зев пещеры, который теперь дышит как-то по-другому.

Пещера очень большая и сырая, но тепло в ней копится сейчас так же быстро, как тысячу веков назад.

5

— «...Она перевернула в детской комнате все коробки и ящики, перетрясла всю одежду и вывернула в ней все карманы. Строго говоря, она не была огоньком, однако казалась им благодаря исходившему от нее неяркому сиянию; но когда она остановилась передохнуть, стало видно, что это фея, и величиной всего с кулак...»

Томи перестает читать вслух. Взгляд его возвращается к началу абзаца, и теперь он читает то же самое, но уже про себя.

— Почему ты замолчал? — спрашивает Ниса.— Читай, пожалуйста, дальше.

Томи опять начинает читать вслух:

— «...Она была похожа на очень красивую маленькую куколку, и звали ее Медный Колокольчик. Платье на фее было тоже очень красивое, и в руке она держала прозрачный лепесток...»

Она замолкает снова.

— Что с тобой происходит? — спрашивает тихо, но встревоженно Ниса.

— Мамочка...

— Что?

— Феи существуют?

— Ты меня спрашиваешь об этом второй раз за неделю, и я второй раз говорю тебе: нет.

— Но в этой книге написано, что на острове, где...

— Томи, предметы могут существовать двойко: в реальной жизни и в воображении. Как ни жаль, но в реальной жизни фей никогда не существовало, они существовали только в воображении людей.

— Ты знаешь... мне показалось...

Крылья его носа раздуваются.

— Показалось? Что?

— Что я видел фею.

— Вот как?..

Ниса не знает, что сказать. Будет ли толк, если она попытается объяснить сыну, что такое детские галлюцинации?

— Возможно, — говорит она наконец. — Иногда что-то вылетает наружу из нашего воображения.

— Фея, которую я видел, вылетела. Те, которые вылетели из воображения, тоже могут выполнить любое желание?

Ниса в растерянности.

— Я открою тебе один секрет. Если ты хочешь чего-нибудь очень сильно, какая-нибудь добрая фея обязательно тебе поможет.

— У меня есть одно желание, сильное-пресильное.

— Но и ты должен будешь помочь фее.

— Ну конечно! Ведь феи такие маленькие и слабые, и если не помогать им, они мало что могут сделать, правда?

— Совершенно верно.

— А если я попрошу... м-мм... белую собаку, вроде тех, что на картинках в книгах... она сможет мне ее принести?

Ниса прикусывает губу. Не хочется разрушать волшеб-

ный мир, в котором живет Томи, но и не хочется обманывать сына.

— Есть одно досадное обстоятельство, о нем я тебе еще не говорила. Дело в том, что мы не на Земле; ты родился на космическом корабле и не знаешь...

— Я видел голографические фильмы.

— Дело не в этом. Мы с тобой живем на Гарнисе, планете, удаленной от Земли на несколько световых лет. Если бы папа нашел расщепляемые материалы, мы бы уже давно вернулись на Землю.

— Но папа пропал в Сверкающих Горах.

— Да, папа пропал, и мы теперь одни-одинешеньки на пороге Земли.

— На пороге Земли?

— То есть очень близко от нее.

— Так насчет фей...

— Феи родились в воображении землян. Поэтому попасть на Гарнис феям очень трудно.

— Но ведь одну я видел.

— Даже если одна фея и рискнула совершить такое далекое путешествие, очень сомневаюсь, чтобы она могла в чем-нибудь тебе помочь.

— Почему?

— Волшебство феи почти всегда действует только на том месте, где она родилась.

— Так что если я попрошу у нее собаку...

— ...то не получишь, потому что все собаки, какие существуют в Галактике, находятся на Земле.

Томи молчит и что-то обдумывает.

— То есть, — медленно произносит он наконец, — ничего перенести с одной планеты на другую она не может?

— Не может.

— Значит, просить у нее я могу только то, что находится на планете, где нахожусь я?

— Конечно.

— А как ты думаешь... смогла бы она вернуть нам папу?

— Пойми: папа никогда не вернется!

Она говорит это так резко, что у Томи перехватывает дыхание. Замерев в кресле, он с изумлением смотрит на мать. Потом, набравшись духу, говорит запинаясь:

— Фея... могла бы... отправиться в Сверкающие Горы и...

— Томи, читай дальше! Потом сможешь пойти поиграть.

Он понимает: на самом деле она не верит, что эти существа, родившиеся в человеческом воображении, существуют или, во всяком случае, что они есть на Гарнисе.

6

надо постараться чтобы мама ничего не заметила ведь пока ей еще не известно что он унес со склада три обогревателя а ему не хочется знать почему он их разместил в пещере около замерзшего пруда и включил ведь самое важное для него этот голос который в последние дни звучит в голове почти все время мама занята домашними делами или думает о папе никак не выяснишь чей это голос *я еще не проснулась я еще ничего не понимаю* вот он снова и кажется что это голос сумасшедшего у которого мысли путаются *зима кончается однако город по-прежнему спит* но где же фея ведь он ее видел всего три дня назад на следующий день после того как прочитал в одной книжке если бы не эта книга он бы даже не знал про фей и перепугался бы увидев такое странное существо *страшно холодно может зилибары не вылезут из своих нор* потом он искал ее много раз но так и не нашел а вообще-то настоящая ли это фея ведь он читал что феи это прекрасные женщины *зилибаров полным-полно как до этой зимы* голос в голове у него говорит о чем-то непонятном страшном *где-то далеко какая-то опасность Грвдр о ней не знает* иногда он спрашивает себя правильно ли что он все это скрывает от матери но ведь она если даже рассказать ей не поверит ведь не поверила когда он сказал про фею а самое плохое что она тогда запретит ходить в пещеру он не знает как объяснить ей почему важно чтобы он там был подольше и слушал беззвучные голоса иногда правда ему становится страшно *нужно скорее разбудить всех* и тогда он едва удерживается чтобы не выбежать не закричать и не позвать на помощь добрую фею чтобы та защитила его и отыскала папу который не вернулся со Сверкающих Гор и чтобы избавила от шума в голове этот шум начинается едва он входит в пещеру а иногда даже дома *скоро появится трава* похоже шум этот нужен просто для того чтобы он отупел и не мог искать фею которая помогла бы найти отца и защитила от того кто кричит в голове *беда*

беда зилибары проснулись все громче и громче и он даже почти не слышит из-за этого мыслей мамы когда та думает о папе ее друге ее любимом он знает только что она сейчас в безопасности в куполе готовит еду или переводит а он в это время рискует жизнью ищет фею *Гредр наверняка предупредил бы нас в случае опасности* откуда этот голос не со дна ли пруда или может из-под тех камней в пещере этот голос громче когда к ним подойдешь вплотную *страшные зилибары из округа Вул* больше он не хочет слушать лучше вспоминать другие времена счастливые времена на пороге Земли как мама называет Гарнис *в том округе холоднее чем в Уаюо* каждый день папа рассказывал ему истории с тех гибких пластин в них говорилось об удивительных то ли государствах то ли городах то ли племенах отец не знал как правильнее их называть и называл все время по-разному но не смог ни разу показать ни какого-нибудь дома ни оружия ни разумного существа этой планеты они все давным-давно умерли а мама расшифровала и поняла *далеко высоко близ страны туч* их язык и он Томи тоже выучил несколько очень сложных знаков *что-то плохое может угрожать нам илонам* если мы не обнаружим вовремя еще немного и он бросится вон из пещеры и побежит к маме расскажет о голосе сумасшедшего который говорит о каких-то чудовищах незнакомых местах бесконечных зимах но его это невидимое существо не слышит сам он ни о чем кроме феи не может думать а слышит чьи-то мысли и страхи хотя никого о них не спрашивал а что если нужно *остерегаться спящих зилибаров* может тот услышит его вопрос извините я не знаю кто вы но не видели ли вы где-нибудь поблизости фею

7

Ниса отрывает взгляд от облаков, которые окутывают вершины Сверкающих Гор, и снова осторожно, двумя пальцами берет со стола тонкую пластину. Вспоминает утро, когда, ликующе улыбаясь, к ней подошел Люлио.

«Ты не поверишь! — Что такое? — На этой планете была жизнь! — Жизнь? Что ты имеешь в виду? — Разумную жизнь. Не знаю, гуманоидную, линзовидную, газообразную, но, несомненно, разумную. — Почему ты так уверен? — Вот что я нашел. — Что это? — Тот же самый вопрос я сразу задал себе, но посмотри хорошенько: гибкая

пластина с ладонь величиной, сделана из какого-то материала, который...— Люлио, эта пластина могла попасть сюда таким же путем, как мы.— Как мы? — На космическом корабле, прибывшем с какой-то другой планеты.— Нет, те, кто ее сделал, жили на этой планете.— Откуда ты знаешь? — Я нашел целый склад таких пластин.— Нашел здание? — Нет. Я исследовал местность в южном направлении и около какой-то скалы увидел несколько... пожалуй, можно назвать их тюками. Вскрыл один, и — вот, пожалуйста. Таких пластин там тысячи.— Вообще-то, Люлио, они похожи на небольшие куски тонкого картона.— Верно. Знаешь, что мне кажется? — Не имею ни малейшего представления.— По-моему, это книги.— Книги? — Или что-то вроде наших микрофильмов, светоконденсаторов или мультикниг. Видишь знаки? — Вижу.— Смотри, что сейчас произойдет.— Ой! — Видела? Они меняют форму.— Но как? И почему? — Повинуясь моей воле. Нужно только задать мысленно вопрос: «А что дальше?» — и знаки на пластине меняются.— Очень странно. Языка мы не знаем, а пластина, похоже, понимает нас великолепно. Я попытаюсь расшифровать эту письменность, перевести текст.— Если удастся, будет замечательно. И я страшно рад, что у тебя, пока мы ждем корабль, будет интересное занятие.— Ждем корабль, которого никогда не дождемся...— Прошу тебя, Ниса, давай верить, что наши сигналы бедствия услышали! — А если все-таки не услышали? Ведь нужно подумать и о Томи.— Как раз о нем я и думаю. Нашему сыну не придется позабыть о том, что он сын рода человеческого: пройдет сколько-то лет, и... — ... и, когда нас с тобой уже не будет...— Ниса! — Прости меня, Люлио. Сегодня же начну работать над переводом, это поможет отвлечься от мыслей о Земле. Чем теперь будешь заниматься ты? — Мне есть чем заняться. Ведь я нашел и еще кое-что...— Что? — Пока не пойму. Какие-то штуковины, механизмы, таблицы с разноцветными полосками, герметически закрытые, наполненные каким-то газом трубки... Хотелось бы разобраться во всем этом.— Времени разобраться у тебя будет предостаточно.— Что верно, то верно.— Люлио, мы здесь уже два года и оба понимаем: горючего для корабля нам взять неоткуда. Если ближайшая космическая станция, на Циноэ, нас не услышала, маловероятно, чтобы нам удалось отсюда выбраться — во всяком случае, в ближайшем будущем.— Знаю, Ниса, но в этом районе космоса движение

оживленное, с Земли и на Землю, и, может быть, долго ждать нам не придется...— Хочу надеяться, что интуиция тебя не обманывает... Люлио, ты думаешь, они высокоразвитые? — О ком ты? — Об этой цивилизации, что ты открыл.— Трудно сказать, Ниса. Простейшие изделия одной цивилизации на первый взгляд могут показаться крайне сложными представителю другой. К тому же у меня еще не было времени их изучить...— Но, по крайней мере, материалы, из которых они изготовлены, уже о чем-то говорят.— От окончательных выводов пока воздержусь.— По-моему, есть две возможности, Люлио. Первая: они настолько опередили нас в развитии, что продукты их деятельности останутся для нас непонятными до тех пор, пока мы сами не достигнем того же уровня.— А вторая? — Быть может, их цивилизация не поднялась выше уровня наших древних рабовладельческих, феодальных или капиталистических обществ, однако само начало развития настолько отлично от земного, что, несмотря на всю примитивность их культуры, нам трудно ее понять.— Прекрасно. Но ты забыла о третьей возможности.— Какой, Люлио? — Быть может, на этой планете никакой цивилизации в нашем смысле слова никогда и не было.— Что ты имеешь в виду? — Попробуй представить себе общество разумных существ, чье развитие определили ситуации и материальные объекты, в корне отличные от тех, которые на нашей планете привели к созданию человечеством единой и великой цивилизации.— Какого рода ситуации и материальные объекты? — Откуда мне знать? На этот счет у меня нет даже гипотезы. Есть одна мысль, но она еще толком не оформилась...— Люлио, за этими разговорами мы забыли обо всем остальном. Нам еще обедать, Томи скоро прибежит и будет кричать, что умирает с голоду.— Хочешь, приготовлю я? — Нет, лучше достань тарелки.— Те, блестящие? — А почему бы и нет? Ведь сегодня праздник...»

Тишина.

Сплошной белой пеленой снаружи падает снег.

не бойтесь я только хочу узнать не видели ли вы фею
просыпайся Вакуль я слышу далекий голос будьте так
любезны скажите не видели ли вы фею *зачем ты так меня*

трясешь не начинается ли лето я хочу только чтобы вы помогли мне разыскать фею мое сознание сотрясает крики кого-то такого же сильного как голодный зилибар не знаю о чем ты говоришь меня зовут Томи я ищу фею я тоже слышу Тесса тогда ответь мне он слышит наши мысли Вакуль фею будьте добры ничего не подделает Тесса придется ответить пусть немного странную но фею кто ты нам непонятно чего ты хочешь я мальчик меня зовут Томи я ищу фею что такое мальчик что такое фея мальчик это такой как я а фея рождается в воображении людей и иногда из него вылетает ничего не понимаю Вакуль не спятивший ли это зилибар я не зилибар я даже не знаю кто такие зилибары а где вы прячетесь почему я вас не вижу ваши голоса тоже меня пугают я здесь один я не прячусь я в городе Эске я не знаю где город Эске в округе Уаио около озера Друвиль я не знаю где это я родился на корабле что такое корабль в нем путешествуют по Галактике что такое Галактика ты шутишь может тебе трудно расслышать мои мысли нет не трудно тогда ты должен понимать что я не шучу понимаю но что такое Галактика все звезды которые мы видим и те которые мы не видим значит Галактика это Большой Мир в нем все мертвое и все живое что воспринимает илон не понимаю не важно мы знаем что ты маленький твои мысли путаются понять их трудно кто вы меня зовут Тесса а его Вакуль мы двое илонов не понимаю с тобой очень трудно разговаривать наверно потому что мне только девять лет может быть взрослые поняли бы вас лучше не мучай его Тесса и не торопи тогда все пойдет быстрее как же мне вас понять подожди мальчик ты говоришь что родился в том в чем путешествуют по Большому Миру это значит что твои предки мои кто родители мои папа и мама прибыли издалека они родились на Земле где на планете которая называется Земля а я родился на космическом корабле потому что путь был очень долгий мы видим огромное блестящее а внутри много сложных устройств как вам удалось это увидеть через твою память тогда я покажу вам папу и маму почему вы молчите в чем дело они огромные я маленький поэтому они кажутся мне большими у них странный вид нам кажется что им чего-то не хватает не должно ли у них быть больше лиц рук ног а сколько должно быть а какие вы сами наш вид может тебя испугать наверняка безобразные как существа в книгах которые

мама взяла на Циноэ мы не безобразные я уже большой и не испугаюсь у нас есть кое-что чего нет у твоих родителей что потом ты узнаешь я вас найду не найдешь ты не знаешь где мы я буду вас искать ты не знаешь местности мама знает она поможет у нее есть карта всего Гарниса кто тебе сказал название нашей планеты мама прочитала его на тонких пластинах зеленоватого цвета это наши летописи летописи илонов кто такие илоны существа как мы так значит вы и есть илоны почему это тебя так удивило папа и мама говорили что илоны умерли народ илонов никогда не умирал а где все илоны если они живы зимой мы спим где в зимовальнях но ведь вы Тесса и Вакуль уже не спите когда зима кончается и должно прийти время цветов деревьев плодов животных мы просыпаемся но зима еще продолжается а вы климат уже начал меняться я этого не замечаю может быть на твоей планете времена года меняются сразу не знаю будь осторожен почему зилибары проснутся тоже кто это такие самые страшные чудовища нашей планеты чем они страшны давным-давно они едва было не уничтожили всех илонов как от них защищаться поговори с отцом расскажи ему отец пропал наверно он погиб как это произошло он пошел в горы искать горючее для корабля и не вернулся почему твой отец пошел за горючим так далеко думал что может быть его там найдет но ведь в горах опасно наверно он этого не знал нам очень жаль из-за него я и ищущу фею что такое фея фея существует в воображении людей но иногда что такое люди люди живут на Земле это мужчины женщины и дети как я что такое фея она в твоих мыслях похожа на человека но в то же время она не такая фея похожа на женщину что такое женщина моя мама женщина не понимаю чего не понимаешь подожди Вакуль я кажется поняла у людей как и у нас два пола мужчины и женщины как ты и я ну вот вы и поняли значит фея женщина дело не в этом феи не то чтобы совсем не существовали а если они на самом деле не существуют тебе никогда фею не найти они существуют в воображении и одна оттуда вылетела я ничего не понимаю вылетела как в сказке про подожди Вакуль наверно фея просто придумана наверно это фантазия вроде историй про старых уврадам которые мы рассказываем маленьким илонам я сам видел фею а ты уверен что это была фея конечно уверен нам в это поверить трудно мама считает что фея мне померещилась может и вправду

померещилась а я знаю точно что я ее видел Вакуль мы встретили зизиль что такое зизиль это тот кто может превращать мертвое в живое не понимаю на нашей планете за все время было не больше двадцати зизилей и почти все они были старые илоны это мне сейчас не интересно я ищу фею кажется ты не понял мы говорим что ты тоже зизиль никакой я не зизиль вовсе нет зизиль потому что выдуманное ты превратил в реальное я увидел фею потому что она вылетела из моей головы а мама говорит она думает что тебе это показалось но ты читаешь наши мысли даже когда мы этого не хотим а такое может только зизиль мне обязательно нужно найти ту фею мы не понимаем зачем тебе фея только она может вернуть мне папу но ведь ты говорил что твой отец погиб фея может исполнить любое желание лишь бы оно было связано с планетой на которой ты с ней находишься не понимаем долго объяснять но это так не понимаем может чтобы понять это нужно быть родом с Земли или быть маленьким землянином так или иначе мне нужно и дальше искать ее это сейчас опасно почему вот-вот проснутся зилибары мне нужна фея ты зизиль поэтому ты сможешь обмануть зилибаров как у тебя для этого есть только одно средство тебе придется сосредоточить свою психическую энергию и заставить зилибаров поверить что они окружены илонами они не поверят что я илон тогда заставь их поверить что они окружены землянами как это сделать стони рычи мысленно издавай самые страшные звуки какие только можешь а если они не уйдут то наверняка испугаются и спрячутся помогите мне разыскать ту фею мы тебе поможем как вы поможете если никогда ее не видели покажи нам фею попробую обязательно скажем тебе если ее увидим вы лучше скажите ей что я ищу ее очень сомневаюсь Тесса чтобы мы могли помочь ему нет Вакуль если он зизиль и смог превратить мертвое-несуществующее в живое-существующее то у живого-существующего должны быть свойства которые вообразил зизиль не понимаю о чем вы говорите вы меня сведете с ума не беспокойся маленький землянин это мы разговаривали друг с другом я должен идти мама одна остерегайся зилибаров и зови нас если мы тебе понадобится прошу вас не забудьте про фею не бойся не забудем я буду думать о вас Тесса и Вакуль

— Мама, прости меня. Больше я так никогда не поступлю.

Снаружи вьюга поднимает облачка снега. Начинается буря.

— Мама, почему ты со мной не разговариваешь? Послушай, что я тебе скажу. Два года я искал фею и наконец увидел ее снова. Значит, она и вправду вылетела из моего воображения наружу.

Снежная буря расправляет крылья и взмывает, разъяренная, во всем своем наводящем ужас великолепии.

— Фей на Гарнисе нет,— отвечает наконец мать.— Папа умер, ты это понимаешь?

— Может, папа и умер, но фею я видел.

Буря усиливается, и фибропластовому жилищу придется собрать все свои силы, чтобы противостоять ее натиску.

— Даже не верится, что тебе почти двенадцать! Фей не существует.

— Хорошо, не существует. Докажи это.

На несколько мгновений ветер замирает, подбирает свои когти, когти охотничьего белого сокола, и обнюхивает теплые стены купола перед тем, как ринуться в решающую атаку.

— Нам, жителям Земли,— начинает объяснять Ниса,— всегда приходилось преодолевать разные трудности, и, возможно даже, трудностей этих было слишком много. Чаше всего преодолеть их быстро не удавалось. Иногда даже не удавалось преодолеть их вообще. Тогда люди начинали искать способы себя утешить. Так появились представления о богах и других сверхъестественных существах: гномах, ведьмах, феях. Особенно феях: ведь их волшебные палочки обладают способностью делать практически все, что возможно в материальном мире. Напрасно я не рассказала тебе это два года назад, в первый же раз, когда ты меня спрашивал о феях; но я никак не думала, что ты можешь в них поверить. За пределы человеческого воображения феи не выходили никогда. В действительности, Томи, фей нет, не было и никогда не будет.

Холод опять плотно облегает стены купола. Буря возобновляет свой натиск, она уверена, что не устоять перед

ней этому жилищу, хоть оно и цепляется за грунт планеты из всех сил.

— Я наткнулся на запись папиного голоса, она была на складе.

— Разве я разрешала тебе слушать?

— Но это книга, которую писал папа. Ничего плохого в ней не может быть!.. Я ее слушал несколько раз, и, по-моему, он думал так же, как и я.

Томи включает магнитофон. Ветер снова набирает силу.

— «...воображение человека могущественно настолько, что могущественней его во Вселенной одно: сама Вселенная...»

Буря сотрясается до самых своих ледяных корней, но не хочет понять, что ей не опрокинуть купола.

— Ты поняла, что он хотел этим сказать? — продолжает, выключив магнитофон, Томи. — Что Вселенная богаче воображения!

Но холод словно не слышит воя бури, терпящей поражение.

— Фей нет, — упорствует Ниса. — Они существуют только в человеческом воображении.

— Они есть, есть! Послушай, что он говорит дальше.

— «...космос больше нашего воображения: ведь он вмещает воображение в себя, ведь существовать воображение может, только если существует он. Таким образом, во Вселенной может быть найдено все, что рождалось в воображении людей, и даже то, что люди не могут вообразить...»

По равнине рассыпаются громовые раскаты: это сердце бури раскалывается на множество отдельных вихрей, которые вот-вот развеются.

— Не хочу больше слушать! — кричит мать. — Уже несколько месяцев ты... такой невыносимый, даже поверить трудно, что ты мой сын. Думай про себя что хочешь, а говорить об этом вслух в моем присутствии запрещаю.

— Хорошо, мама. Говорить не буду, буду думать про себя.

Буря умерла, разбилась о несокрушимые стены их жилища.

Теперь, после смерти бури, новый аромат обволакивает далекие, уже столько столетий утопающие в снегу горы.

Собрав пластины, Ниса выключает печатающее устройство. В своей комнате с приоткрытой дверью Томи клует носом над последней книгой, которую она принесла для него со склада. Какой-то он стал странный, уже несколько месяцев сам на себя не похож. И все из-за того, что два года назад ей взбрело в голову дать ему почитать ту несчастную книгу. С тех пор его и не оставляют мысли о феях и о том, как ему разыскать отца. Не заболел ли он?

Она молча смотрит на Томи. Его голова клонится к открытой книге.

Нет, он здоров. Она прекрасно знает, что он нормальный ребенок.

На цыпочках она уходит в свою комнату и закрывает дверь. С облегчением сбрасывает туфли, и ступни ее погружаются в мягкий поролон. Ниса усаживается у окна.

Да, Томи нормален для тех условий, в которых протекала его жизнь со дня рождения — то есть, по земным меркам, условий совершенно ненормальных.

Она прижимается лицом к стеклу. Горы, однако, остаются такими же далекими.

Увы, у нее сын-невротик!

Смеркается, но и в тусклом вечернем свете снег блестит до невозможности ярко.

Сын-невротик, сын-невротик... в ее воображении Томи превращается в нечто фантастическое.

Что будет с ним после ее смерти? Ему скоро исполнится двенадцать, а он не видел ни одного человека, кроме отца и матери.

Ей показалось, будто за окном промелькнула какая-то тень.

Еще плотней прижимает она лицо к стеклу, взгляд ее обезумело мечется.

Только снег и сумрак, ничего больше.

Но ведь что-то она видела! Неужели это ей только показалось?

Она надевает герметизированный костюм и выходит в ночь, к беззвездному небу, в вечный холод.

Пруд — это лед и вода. Лед — видимая поверхность, а вода — глубоко на каменистом дне. За прудом высятся несколько скал, в них всех множество пещер.

Она направляется к скалам. Туда Томи ходит играть.

Вдруг она останавливается.

— Томи, ты здесь?

Нет, конечно: ее сын крепко спит. Ведь она сама закрыла дверь, когда лицо его погрузилось в поисках сна в подушку.

Но сидела она к двери спиной. Может, он вышел крадучись и она не заметила?

Ниса кусает губы. Если Томи в пещере, она его обязательно увидит. А если он спит...

Она идет дальше. Медленно, чтобы ее шагов не было слышно.

«Мама!»

Она останавливается: это Томи позвал ее. И она кричит в микрофон:

— Томи, ты здесь?

Никакого ответа.

На этой половине Гарниса окончательно воцаряется ночь.

«Мама!»

— Томи!

Ниса поднимает руки ко рту, но их останавливает прозрачная пластмасса шлема.

И только тут она понимает, почему нет ответа: она слышит не ушами. Голос Томи звучит у нее в голове!

«Мама, возвращайся!»

Но она по-прежнему идет к скалам.

«Не надо, мама, не ходи туда!»

Ниса останавливается. Ей кажется, что она сходит с ума.

«Возвращайся домой, мама, возвращайся скорей!»

Ниса уже у входа в одну из пещер, которых так много в этих скалах.

«Мама, возвращайся!»

Вход в пещеру низкий, внутри нее шлем то и дело стучается об обледенелый потолок.

«Мама, очень тебя прошу!»

Туннель приводит ее в огромный пустой грот, пол которого покрыт льдом. В правой стене грота начинается новый туннель.

«Возвращайся, мама!»

Чем дальше, тем этот новый проход уже. Новый грот. Новый туннель.

«Мама, здесь опасно, ходить одной здесь нельзя!»

Не может быть, чтобы ей слышался голос Томи, просто шалят нервы.

Проходы, гrotты, залы, естественные лестницы, замерзшие водоемы, заканчивающиеся тупиками туннели... Ниса выходит наружу.

«Мама, теперь сразу домой, возвращайся скорее, мама!..»

Она не спеша окидывает взглядом весь западный склон огромной массы камня, высящейся между ней и куполом, и тут замечает еще одну пещеру, в стороне от других.

«Мама, не входи туда!»

Она смотрит на термометр: температура на два градуса выше, чем снаружи. Что бы это значило?

Она осторожно протискивается вперед. Как нервирует этот голос, звучащий у нее в голове!

Шесть шагов. Семь. Восемь. Термометр показывает уже 63° ниже нуля. Но разве такое возможно? Ведь на этой проклятой планете температура никогда не поднимается выше 85°!

«Мама, остановись!»

Ниса опять останавливается. Зал, в котором она оказалась, огромный: луч света из фонаря на шлеме едва достигает противоположной стороны.

не боится ли он что она обнаружит нет-нет Вакуль я уверена это только из-за зилибаров разве ты не помнишь как мы его предупреждали о них

«Мама, заклинаю тебя, возвращайся!»

Ниса бросает взгляд на шкалу термометра: — 40°. И температура продолжает повышаться. *ведь зилибары начнут передвигаться когда температура поднимется до точки замерзания воды*

Ниса исследует безмолвствующий зал. Уже — 36°.

«Мама, остановись, мама, почему ты меня не слушаешь?»

Уже — 23°.

Ниса видит в стене начало совсем узкого хода. Может, это вход в новый туннель? Как пробираться через него, ползком?

может быть она не слышит как он зовет ее

Уже — 18°.

Яркий луч из фонаря на шлеме светит в темноту узкого хода.

«Ой, мама, не надо, не надо, мама!..»

Уже — 9°.

*но что она собирается делать она сошла с ума женщина
вернись даже в мыслях не приближайся к этому логову*

Ниса наклоняется и заглядывает в узкий ход. Обычно в герметизированном костюме не бывает жарко, однако сейчас с нее ручьями льет пот. Да, она явно сошла с ума: например, эти голоса — нее в голове...

Она отшатывается: внутри хода что-то шевельнулось — пожоже, камень. Но кто его привел в движение?
*один уже проснулся и теперь надо ждать худшего ведь
и другой зилибар поднялся и направляется сюда*

Свет фонаря пронзает тьму, натыкается на выступы каменных стен, отражается от них. Как хорошо, что замолчал наконец этот голос, который, кажется..

Она цепенеет от ужаса, глаза ее широко открываются: повинуясь неведомой силе, камень поднимается с места, где лежал, повисает в воздухе, а потом начинает медленно двигаться по направлению к ней.

Ниса подается назад. Камень, покачиваясь, выплывает из узкого хода. Он явно хочет повиснуть над головой Нисы, и Ниса пятится, не останавливаясь ни на миг.
совсем растерялась ведь она не знает как отразить нападение зилибара изголодавшегося пока спал

Одно неосторожное движение Нисы, и камень повисает прямо над ней. А потом падает.

Шлем раскалывается как яичная скорлупа.
*может быть она потеряла сознание а может быть умерла
но так и не обнаружила обогревателей которые ее сын
разместил чтобы вернуть к жизни нашу планету зилибары
рыщут в поисках добычи а она*

11

Хаос исчезает и уступает место запахам, звукам, свету.
— Томи...

— Как ты себя чувствуешь, мама?

Ниса не может понять, что видят ее только что открывшиеся глаза.

— Дай руку.

Теперь в ладонях у нее что-то теплое — будто в гнездо села птица.

Как ты себя чувствуешь, мама? — повторяет Томи.

От света ее глазам больно.

— Задерни занавески.

Боль слабеет.

— Так?

— Так хорошо. Подойди ко мне.

Снова ощущение, будто в ее ладонях дрожит птичка.

— Что, что случилось, мама?

— Подожди минутку, дай я приду в себя.

Мало-помалу тело ее начинает чувствовать постельное белье, подушку, теплый матрац. Оказывается, она снова в состоянии двигаться, снова ощущает руки, колени, поясницу, ступни...

Она смотрит на сына: глаза озабоченные, серые, и, кажется, вот-вот заплачут.

— Мне хорошо.— И на лице у Нисы появляется вымученная улыбка.— Уже ничего не болит.

Но словно тысяча бичей хлещет по ее лбу, а в ушах то ли гудение, то ли глухой рокот.

— Мама, скажи, что с тобой произошло?

Ниса пытается вспомнить.

Что она может ему сказать? Что отправилась на поиски тени? Что обнаружила пещеру с температурными аномалиями? Что все время слышала, как он беззвучно зовет ее, умоляет скорей вернуться? Что чья-то невидимая рука подняла и понесла без единого звука тяжелый камень?

— Откуда ты знаешь, Томи, что что-то случилось?

— Я заснул и увидел сон... страшный сон. Если бы я не проснулся быстро, что-то обязательно бы произошло.

— Что должно было произойти?

— Не знаю... не помню. Проснулся с криком. В окно моей комнаты рвался ветер, казалось, будто он что-то хочет мне сказать. Потом я услышал звук.

— Какой звук? Снаружи?

— Нет, внутри, в твоей комнате.

— Рассказывай дальше.

— Звук был такой, будто к нам в купол проникла тысяча сверчков.

Выражение лица у Нисы прежнее.

— Помнишь, как мы с папой изучали животных Земли? — продолжает Томи.— Так вот: это было как звук, который издают сверчки, когда влюблены.

Лицо Нисы кажется маской из серебристого льда.

— И что ты сделал?

— Я лежал и слушал. Мне было страшно.

— Но ведь в конце концов ты пришел ко мне, да?

— Я пошел к тебе, но звук исчез. Подошел к твоей двери, но из комнаты уже ничего не было слышно. Я вошел. Ты лежала на постели, а твой герметизированный костюм был поврежден.— На ресницах Томи блестят слезы.— Что с тобой произошло, мама?

Ниса пытается подняться. Томи ей осторожно помогает.

— Я смотрела в окно, и мне показалось, что я кого-то увидела.

Мальчика прямо подбрасывает.

— Кого ты увидела? Ведь на Гарнисе никого, кроме нас, нет.

— Я прекрасно это знаю. Но все равно мне показалось, будто я увидела какую-то тень, и я пошла посмотреть, что это такое. Вышла не сразу: ведь надо было надеть костюм. А когда вышла, ничего не увидела. И отправилась в пещеры за прудом.

— В какую из них?

— Да во все заходила. А потом что-то упало мне на голову, и я потеряла сознание.

Зрачки у Томи сужаются. Мать что-то скрывает, непонятно что именно.

— Похоже, в пещере был обвал,— объясняет она.— На меня упал камень.

Ниса начинает снимать с себя герметизированный костюм. Ей стыдно, что она говорила неправду.

— Но если ты потеряла сознание, как ты смогла добраться домой?

От растерянности Ниса открывает рот, но тут же овладевает собой.

— А еще говоришь, что много читаешь! — насмешливо произносит она.— Разве ты не знаешь, что многие люди, когда им грозит опасность, действуют, не отдавая себе отчета в своих поступках? Инстинкт самосохранения невероятно силен.

Она уже наполовину освободилась от костюма и видит на правой стороне шлема большое коричневое пятно.

— Так или иначе, домой я добралась. А теперь нужно заняться раной. Наверно, она очень глубокая, раз вытекло столько крови.

— О какой ране ты говоришь?

— Да вот же, на правом виске! Я тогда почувствовала, будто...

Она смотрит в зеркало и цепенеет от страха.

Там, где она до сих пор ощущает жестокую боль, уже почти и следа не осталось от того, что, судя по всему, было огромным разрывом тканей. И, прямо перед ее измученными глазами, то, что еще оставалось от раны, исчезает, оставляя чуть заметный шрам.

12

нужно следить за каждым своим движением каждым словом ведь мать внимательно наблюдает за ним с того как она его называет несчастного случая но на самом деле никакой это не несчастный случай неправду тогда сказала она а он правду он в то время читал замечательную книжку про планету Марс населенную тихими хрупкими существами с шарфами из тумана и плывущими по песку лодками он заснул и ему стали сниться геометрически правильные древние города где живут эти существа в серебряных масках они не поверили землянам и запрятали тех в сумасшедший дом но он Томи уже был не Томи а исследователь Спендер он убежал от своих чтобы увидеть марсианский город и прочитать древние книги и голоса мертвых предков марсиан печально пели с металлических страниц и затишали навсегда а потом он уже был не Спендер не землянин который хочет сохранить остатки марсианской цивилизации а настоящий марсианин и срывал плоды с хрустальных стен купался в розовом канале где жидкость была не вода а сладкое вино из марсианского винограда потом вышел под лучи неяркого марсианского солнца и нагой вошел в позолоченную лодку она чуть скрипнула он крикнул огненным птицам и те подняли лодку к облакам и ужасный холод обжег его смуглую марсианскую кожу но он открыл бутылку и синий туман рыцарским плащом окутал его всего и тогда-то он и увидел город посреди скал в пустыне и птицы опустили его лодку на песок перед пещерами и неизвестно откуда взявшийся страх начал грызть его как хищный зверь правда хищных зверей он никогда не видел но у землян инстинкт преследуемого передается по наследству а он Томи генетически такой же как его предки и его тревога во сне росла МАМА ВОЗВРАЩАЙСЯ не-

понятно почему у него вырвался этот крик ведь он знал что она далеко НЕ НАДО МАМА НЕ ХОДИ ТУДА и странное ощущение удушья будто ему выжигают легкие будто не дают дышать ВОЗВРАЩАЙСЯ МАМА ИДИ СКОРЕЕ ДОМОЙ ВОЗВРАЩАЙСЯ не дают искать маму по пещерам МАМА ВОЗВРАЩАЙСЯ СКОРЕЙ ее не могло быть там но его интуиция говорила что она там МАМА ЭТО ОПАСНО ОДНОЙ ТУДА ИДТИ НЕЛЬЗЯ МАМА он чувствовал что ей становится страшно и вдруг все понял МАМА ВОЗВРАЩАЙСЯ БЫСТРЕЙ МАМА он знал что спит и старался проснуться чувствовал что если не проснется произойдет что-то страшное УМОЛЯЮ МАМА ПОКА НЕ но было уже поздно очень поздно для него для матери для отца МАМА УМОЛЯЮ ВОЗВРАЩАЙСЯ СЕЙЧАС ЖЕ но мама не появлялась и он полный отчаянья бежал по туннелям где воздух был сырой и теплый ОСТАНОВИСЬ МАМА ПОЧЕМУ ТЫ МЕНЯ НЕ СЛУШАЕШЬ надо было предотвратить это страшное но возможно еще предотвратимое и наконец теперь после стольких предостережений Тессы и Вакуля он увидел хищника этой планеты увидел зилибара страшного хотя тот был прозрачен почти невидим открытую пасть зилибара она была в пене ОЙ МАМА НЕТ НЕТ НЕТ УМОЛЯЮ МАМА и от крика проснулся у себя в постели потный задохнувшийся под зеленым шелковым одеялом все что он рассказал потом матери была чистая правда и зачем только она сказала неправду когда пришла в себя но это не имело значения все равно он уже знал что произошло и теперь ему нужно очень внимательно следить за каждым своим словом или поступком ведь только сегодня он обнаружил какая мысль мучила его столько месяцев скрывалась в закоулке его сознания силилась всплыть но теперь может благодаря тому несчастному случаю как его называет мама загадка разгадана мысль была о ремонте приемопередатчика отец давно бы уже починил ведь когда Томи был еще совсем маленький отец часто открывал приемопередатчик и устранял мелкие неисправности а потом приемопередатчик сломался совсем родители только раз послали радиogramму на нужной частоте и в нужном направлении но теперь он знает какие детали нужно заменить другими пригодными со склада там есть запасной комплект пусть маме будет приятный сюрприз хоть она его и обманула ее жаль она такая грустная и снова плачет

каждую ночь как после гибели отца а теперь приемопередатчик будет у них снова и они смогут сообщить о себе на Циноэ на Верди на Феникс на Лилипут на все ближайшие космические станции и тогда за ними прилетят правда до этого надо обязательно найти фею которую видел три года назад тем более что потом Тесса и Вакуль сказали ему что он зизиль и потому смог силой мысли создать настоящую фею способную творить чудеса о которых говорится в волшебных сказках вот он наконец в складе прошел так что мама не заметила вот на полках коробки золотистые серебристые зеленые синие прозрачные а вот и коробка с радиодеталями как раз такие ему и нужны стоит закрыть глаза и он ясно видит в воображении схему контуры контакты все блоки передатчика как у него это получается он сам не знает и то что случилось должно было бы его испугать но ему уже надоело бояться этой своей способности

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

13

Ниса лежит на диване, дремлет. Ее левое веко начинает дрожать. Она гримасничает, и тик прекращается.

Томи у себя в комнате возится с разобранным приемопередатчиком. Иногда сопит раздраженно, но потом снова работает молча.

Ниса в полусне не слышит, как Томи подходит к ней:

— Мама!

От неожиданности Ниса вздрагивает.

— Что случилось?

— Посмотри, — и он что-то ей протягивает.

— Да, это наш приемопередатчик, который не работает.

— Я его починил!

— Умоляю, Томи, перестань, мне совсем не до смеха.

— Проверь сама.

Она досадливо передергивает плечами, а потом ставит ящик на столик у дивана. Нехотя включает, и все лампочки на панели загораются.

Брови у Нисы от изумления ползут вверх.

— Не может быть!

Руки ее начинают двигаться по клавиатуре. Купол наполняется звуками, напоминающими музыку.

— ...груза... транспортируемого... на... Феб-два... далее... направляемого... на... Верди...— расшифровывает Ниса сообщение, проходящее в виде электромагнитных волн через космос.

— ... заново... чтобы... вернуться... на... Землю...

По щекам ее начинают течь слезы.

— Мама,— укоризненно говорит Томи,— ты и теперь будешь плакать?

Ниса открывает глаза и смотрит на сына, но не обвиняет его и не бросается целовать, как поступил бы со своим спасителем любой спасенный. Вместо этого она отворачивается и начинает остервенело стучать клавишами, накапливать данные, и те появляются на экране с поистине сверхсветовой скоростью. Ниса проверяет, исправляет, суммирует и получает наконец то, что ей нужно. Теперь она знает направление движения и скорость корабля, радиogramму которого приняла. Зная теперь, где корабль окажется через двое или трое суток, она бросает туда крик о помощи.

Томи уходит к себе в комнату — пусть мать делает с приемопередатчиком все, что она захочет.

Ниса передает радиogramму второй, третий, четвертый раз.

Томи появляется снова, уже в герметизированном костюме.

— Куда ты? — спрашивает, глядя на него, Ниса.

— Играть.

— Скажи, как тебе удалось его починить?

— Сам не знаю. Стал на него смотреть и вдруг понял, какие детали надо заменить... Сделал это для тебя.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты ведь каждую ночь плачешь, и тебе так хочется вернуться на Землю...

Он умолкает не договорив.

— Откуда тебе это известно?

— Э-э... м-мм... так мне казалось.

Ниса смотрит на него, лицо ее ничего не выражает.

«Не верит ни одному моему слову»,— думает Томи.

— Так или иначе, скоро мы улетим,— говорит она тихо.

— Можно мне идти?

Ниса подходит к нему и переставляет стрелку таймера на костюме.

— Вот так. Далеко не уходи.

Она провожает его взглядом, и наконец он скрывается в вихрящемся снеге. Ниса вдруг осознает, что не будь атмосфера на Гарнисе такой же, как на Земле, она, когда был поврежден ее костюм, погибла бы, и от одной этой мысли по телу ее пробегает дрожь.

Она подходит к справочному компьютеру и запрашивает координаты станции Циноз: на всякий случай следует повторить радиограмму еще несколько раз.

14

Порывы ветра несут снег в расщелины, в разинутые рты пещер.

мы Тесса и Вакуль мы Тесса и Вакуль мы Тесса и Вакуль мы так давно ждем тебя маленький землянин столько времени ничего о тебе не знаем ведь ты не отвечаешь

Томи входит в темноту центрального грота. Стены в пещере мокрые.

я не мог ответить был занят чинил для мамы приемопередатчик нам не удалось найти твою фею мы думаем она исчезла или спряталась мы не знаем что с ней случилось мама теперь радуется она думает не только об отце ее любимом муже друге и не только обо мне а еще о разном и моя голова теперь свободна это хорошо для тебя для нас для работы которую мы вот-вот начнем вы мне о ней ничего не говорили твои мысли были заняты приемопередатчиком и ты нас не слышал я хочу вам помочь не нужно помогать это опасно но когда мы закончим ты все узнаешь а то я могу помочь это опасно потом мы тебе обо всем расскажем ты только должен нам кое-что обещать что через пятнадцать дней мы придем к твоему дому и кое-что тебе покажем но только ты и твоя мать не должны до этого улетать с нашей планеты не понимаю что вы собираетесь мне показать и почему нельзя сказать маме что вы к нам придете сейчас мы тебе объяснить не можем но если ты нас не слушаешь ты и твоя мать будете жалеть об этом до конца вашей жизни и пока не пройдут пятнадцать дней вы ни в коем случае не должны покидать планету иначе произойдет нечто ужасное а сейчас мы не можем тебе

об этом сказать но ты должен нам верить а твоя мать пока не должна знать ничего обещай нам что ты ей не скажешь не знаю как мне быть

Торопитесь, торопитесь,
Близки призрачные ветры,
Близки дальние сверканья,
Близки отблески и свет.
Торопитесь, торопитесь!
Дети, дети, все — домой!

я ухожу а то скоро моя голова услышит как мама зовет меня ты не должен уйти не обещав нам ладно я обещаю ничего не говорить ничего не делать не улетать с Гарниса раньше чем через пятнадцать дней

Торопитесь, торопитесь!

мне нужно идти не забудь про свое обещание мы илоны не прощаем нарушенных обещаний я не нарушу

...Близки отблески и свет.
Торопитесь, торопитесь!

«Две минуты как звучит таймер, Томи, а тебя нет, ты заигрался снова. Выключаю передатчик. Теперь все корабли в этом районе космоса и все ближайшие к Гарнису станции знают о нас и знают также, что, хотя твой отец погиб, мы с тобой живы».

мы дадим о себе знать не позже чем через десять дней если все пойдет хорошо ведь это опасно очень опасно для всех
теперь я ухожу до свиданья до десятого дня до свиданья до свиданья до свиданья до свиданья

Томи отправляется назад, и голоса в его голове умолкают. Он знает: опасность может подстергать его за каждым камнем.

15

Ниса держит в руках «книгу», над которой работала после ужина. Пластина матовая, почти не блестит. Ниса бросает взгляд на переведенный абзац:

...той силой, которая позволяла им, обновляя полуживое вещество, лечить раненых, умножать пищу и даже возвращать жизнь погибшим в бою воинам, если клетки тела у тех не повреждены,

а зимой именно так почти всегда и бывало. Зизили без труда находили те места, откуда шли путающиеся мысли, рождаемые мозгом этих умирающих...

Она перестает читать.

Снаружи в стены купола бьет буря.

...ибо холод предохраняет от распада хрупкие клетки мозга, и почти-умершие посылают из-под снега свои мысли, пытаются ими сообщить, что их жизнь в опасности...

Ниса перестает работать, поднимается и идет в комнату Томи. Садится на край его постели. Рот у мальчика полуоткрыт, лицо умиротворенное.

Ниса встает и возвращается в большую комнату, где работала. Собирает со стола пластины, выключает печатающее устройство, потом, зевнув, идет в свою комнату. Снимает одежду и бросает ее на ковер.

Наверняка скоро за ними прилетят. Уже три дня, как она отправила радиограмму, и, может, даже не пройдет и недели...

Нисе холодно, она накрывается одеялом.

Но что, если радиограмма, которую они с Томи слышали, была послана не человеком? Что, если послал ее электронный мозг из тех, что управляют космическими кораблями во время дальних полетов, когда экипаж и пассажиры находятся в состоянии анабиоза? Что, если такой мозг, приняв радиограмму, но не зная, что с ней делать, ничего сам не предпримет и лишь сохранит радиограмму в своей памяти для людей на корабле, которые проснутся, возможно, в десятках световых лет от Гарниса?

Закрыв глаза, она устраивается в постели поудобней.

Нет, что за глупости приходят ей в голову! Ведь электронный мозг любого корабля работает по сложной программе, учитывающей возможность и чрезвычайных ситуаций, возникающих после приема радиограммы с просьбой о помощи. Программа прикажет кораблю отклониться от намеченного курса и разбудит людей на борту... тогда мы не сможем обмануть зилибаров и добраться до дома землян и маленький землянин так никогда и не узнает про

Ниса садится в постели: опять эти голоса!

мы были вынуждены обмануть его иначе бы он рассказал матери

— Зажгись! — истерически кричит Ниса свету в комнате. — Боже мой! — шепчет она. — Кажется, я теряю рассудок!

Она вскакивает с постели, быстро надевает свой комбинезон и выбегает из спальни. Одно за другим обходит все помещения в куполе, оставляя свет в каждом из них включенным. Голоса, звучащие у нее в голове, слабеют, но не исчезают совсем.

нам сейчас было необходимо обмануть ее потому что она нам нужна о как она нам нужна

— Хватит же, хватит, а то я...

Ниса затыкает уши, но это не помогает.

Купол наполняют прерывистые мелодичные звуки. Ниса бежит в большую комнату, где стоит приемопередатчик.

— корабль... Терра... Нова... со... станции... Липут... курсом... на... Марландию... принял... радиogramму... с... планеты... Гарнис... системы... звезды... Эпсилон... созвездия...

У Нисы вырывается радостный вопль, слышный во всех помещениях купола.

— доставляем... горючее... и... продукты... на... Эскалибур... чрезвычайное... положение... второй... степени... просим... дать... оценку... своему... положению... в... случае... чрезвычайного... положения... первой... степени... изменением... курс... и... направимся... к... Гарнису... в... противоположном... случае... сохраним... курс... на... Эскалибур...

— Что происходит, мама?

Закутанный в простыню, на нее смотрит из дверного проема Томи.

— Радиogramма! — кричит мать с таким видом, будто одно это слово все объясняет.

— в... случае... чрезвычайного... положения... первой... степени... мы... прибудем... на... Гарнис... через... семь... дней... в... случае... чрезвычайного... положения... третьей... или...четвертой... степени... мы... прибудем... на... Гарнис... через... восемнадцать... дней... после... посещения... Эскалибура...

— Что это, мама?

— ...приветствуем... землян... экипаж... корабля... Терра... Нова...

— Что это такое, мама? — спрашивает раздраженно Томи.

— Это они,— не замечая его тона, тихо говорит мать.— Летят за нами.

— А когда они прилетят?

— Через семь дней.

— Что? Когда?

Ниса ошеломленно на него смотрит и не сразу осознаёт, что его тон угрожающий.

— Что-нибудь не так? — испуганно спрашивает она.

— Никуда я через семь дней не полечу!

Глаза у Нисы мечутся как птицы в клетке.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал!

— Кораблю, чтобы подобрать нас, придется изменить курс. Время для своих капризов ты выбрал самое неподходящее.

— Никакой это не каприз. У меня есть причины не улетать пока... и ты не улетишь тоже.

— Послушай, Томи: корабль, принявший нашу радиограмму, летел к планете, где группа людей оказалась в чрезвычайном положении второй степени; но мы в чрезвычайном положении первой степени. Поэтому я пошлю еще одну радиограмму, чтобы...

— Что это значит, чрезвычайное положение первой и второй степени?

— Это специальные термины. Чрезвычайное положение второй степени — это когда кислорода, воды и пищи должно хватить экспедиции на время от пятнадцати до тридцати дней и нет непосредственной возможности возобновить запасы. Похоже, что на Эскалибуре группа людей оказалась именно в таком положении.

— И ты хочешь сказать, что наше положение хуже? У нас воды и пищи на двадцать лет. И атмосфера на Гарнисе такая же, как на Земле. Ты хочешь их о б м а н у т ь?

— Нет, Томи. Существует жизненно важный параметр, который определяет различие между чрезвычайным положением, первой и второй степени.

— И что же это за параметр?

— Биосфера,— тихо говорит она.

— А какая, интересно, у Гарниса биосфера?

— Крайне опасная.

— Ты прекрасно знаешь, мама, что Гарнис необитаем. Мы здесь живем уже восемь лет и ничего опасного ни разу не встретили.

— Объяснять тебе все я не намерена,— раздраженно отвечает Ниса.— Раз я сказала, что биосфера планеты опасна, значит, она опасна. Я снова пошлю радиограмму.

Томи поворачивается и, хлопнув дверью, запирается в своей комнате.

— Грубиян! — негромко говорит Ниса и садится к приемопередатчику.

16

ответьте ответьте Тесса и Вакуль дело очень серьезное срочное прошло уже четыре дня ответьте где бы вы ни были что случилось маленький землянин Томи мы очень заняты мама отправила радиограмму поэтому через шесть или семь дней за нами прилетят и помешать этому я не могу ты обещал что не улетишь да обещал но это трудно я не знаю что сказать маме разве что сказать ей о моем с вами уговоре нет нет нет надо придумать что-то другое если бы появилась фея тогда может не мечтай о несбыточном мы должны действовать исходя из того что возможно но тогда мы ничего не придумаем Тесса уже скоро начинать а мы еще не готовы что нам делать я не знаю Вакуль может все это бросить подумай что ты сказала бросить теперь уже невозможно я не понимаю о чем вы говорите Тесса и Вакуль почему вы мне не объясните ведь я маме ни за что не скажу нельзя нельзя нельзя через семь дней я улечу с Гарниса и так никогда и не узнаю ни твоя мать ни ты не должны улетать так скоро другого выхода нет как сделать чтобы мы не улетели нужно чтобы корабль который называется Терра Нова не сошел со своего курса как сделать чтобы Терра Нова не сошла со своего курса ведь мама уже два часа как послала радиограмму с ответом это очень просто нужно держать сознание открытым тогда ты узнаешь что надо сделать нельзя больше тратить ни минуты прошло уже два часа а слова летят со скоростью света и корабли тоже летят быстро поэтому курс ему менять нелегко и если Терра Нова его изменит то вернуться на прежний курс ей будет трудно мы это знаем маленький землянин Томи мы самое большое через один-

надцать дней. придем к тебе домой и ты кое-что увидишь но запомни я внимательно слушаю как только мы скажем ты сразу должен будешь открыть дверь я понял ни ты ни твоя мать не должны этому препятствовать дверь должна открыться сразу иначе будет поздно а повторить все заново невозможно а теперь открой свое сознание и пусть оно остается открытым

17

Вот-вот взойдет солнце, и звезды уже исчезают, пожираемые его светом. Более яркие держатся дольше. Начавшаяся накануне вечером, прерывавшаяся ночью, битва между солнцем и звездами сейчас, утром, возобновилась. Между светом и тьмой, где разворачивается она, развевались и сновидения Нисы. В них Ниса снова и снова шла куда-то и опять возвращалась, в них она слышала все новые и новые голоса.

Нет, оставаться на этой планете нельзя. Она все время чувствует угрозу у себя за спиной. Томи быть здесь тоже опасно. И голоса эти, которые уже три месяца раздаются в ее голове...

Томи будто подменили, он стал совсем другим, говорит как-то странно, смотрит на нее то зло, то испуганно, что-то от нее скрывает...

Почему Томи не хочет улетать с Гарниса? Будто чья-то чужая воля овладела его сознанием. И непонятно еще вот что: кто спас ее жизнь тогда, около пещер, и почему? В любом случае тому, кто делает добрые дела, но сам при этом прячется, доверять трудно.

Усилием воли она вырывает себя из состояния полусна-полубодствования и прислушивается. Нет, это ей не кажется: кто-то ходит крадучись по темным помещениям купола.

Она выскальзывает из-под одеяла и при слабом свете звезд, проникающем через окно, начинает искать одежду. Быстро одевшись, идет на цыпочках к двери большой комнаты. Приемопередатчик включен, кто-то сидит около него и нажимает на тускло освещенные лампочками шкалы клавиши.

— Зажгись! — кричит Ниса.

Миг — и комната ярко освещена.

— Томи?! Почему... почему ты встал? Что ты здесь делаешь?

— Мне что-то слышалось, и я пришел посмотреть,— отвечает он.

— Что ты делаешь с передатчиком? — кричит она. — Почему он включен... — она смотрит на часы у себя на руке, — ...в полшестого утра? Мне ясно одно: мой сын ведет себя как психически больной! Встает в пять утра, включает без разрешения приемопередатчик... Сейчас же в постель!

— Нет.

Глаза у Томи испуганные, но голос его звучит твердо.

— Сейчас же!

— Нет.

— Томи...

— Я передал только раз, — говорит он почти шепотом, с трудом перебарывая страх. — Нужно повторить.

— Кому ты передал?

— Кораблю «Терра Нова».

Она открывает от удивления рот, теряя дар речи.

— Я отменил твою радиogramму.

— Что-о?!

— Я сообщил, что у нас чрезвычайное положение четвертой степени, и, таким образом, предшествовавшая радиogramма теряет силу...

Ниса смотрит на приемопередатчик и видит, что он по-прежнему включен.

— Прекрасно, — говорит она. — Ты отменил мою радиogramму. А я отменю твою.

— Мама!

Голос Томи одновременно грозит и умоляет, но мать его почти не слышит. А потом она начинает моргать, как будто ей мешает видеть какая-то паутина: приемопередатчик парит примерно в двух метрах над полом — чего, разумеется, не может быть.

— Томи... — не отрывая взгляда от приемопередатчика, шепчет она.

— Я тут, — отзывается сын. — Прости, но больше ты к нему не притронешься.

Приемопередатчик поднимается еще на несколько сантиметров и с грохотом падает к ней под ноги.

— Он... разбился! — в ужасе восклицает она.

— Раньше чем через двадцать дней за нами не прилетят, — говорит Томи.

— Зачем ты сделал это? — И она вдруг осознает, что он силен и что ей отныне придется с этим считаться. — В чем дело? Почему нам нельзя улететь через семь дней?

— Не имею права тебе сказать. Я обещал не говорить.

— Обещал? К о м у? Мне ты ничего такого не обещал. Не может ведь быть, чтобы...

— Не спрашивай меня больше ни о чем! — кричит Томи. — Ничего не могу тебе объяснить! Оставь меня в покое!

Два прыжка — и он уже в своей комнате. Ниса слышит щелчок магнитного замка и, окаменев, смотрит на обломки приемопередатчика у себя под ногами.

Что происходит с ней и Томи? Голоса... Нет, они не плод ее фантазии. И Томи определенно имеет к ним отношение... Боже, ведь он поднял приемопередатчик, не прикоснувшись к нему!

Нет, это не плод ее фантазии, как не был им камень, поднявшийся, чтобы упасть ей на голову в пещере...

Ниса входит к себе в спальню и закрывает дверь.

Так больше продолжаться не может. Они с Томи уже на грани безумия.

18

В вечерние сумерки зимой лучше всего почитать. В такое время человеку нужней всего крыша над головой и тишина. Мать и сын дожидаются наступления ночи, Томи погружен в чтение любимой книги (она на микрофильме), а Ниса — в свои мысли. Чуть слышный щелчок: сменился кадр микрофильма.

Со своего дивана Ниса наблюдает за Томи. Так, как сейчас, должно было бы быть всегда. Так было раньше, и изменилось всё три года назад, когда у Томи началась эта одержимость феями. Неужели это у него так никогда и не пройдет?

Она снова переводит взгляд на экран и читает: «...и скажи, не знаешь ли ты, куда подевали мою тень?

«Ответом ему был нежный перезвон золотых колокольчиков. Это язык фей...».

Спасибо хоть, что Томи, если о феях и думает, теперь о них не говорит.

Она опять отрывает взгляд от экрана. Может, он просто принял что-то за фею? Может, какое-нибудь естественное явление на Гарнисе приводит к тому, что ты слышишь голоса, видишь какие-то тени?.. Может, какие-то виды радиации здесь вызывают видения, особые состояния сознания? Только этим и можно объяснить, что...

Она снова смотрит на сына.

Что ни говори, в его трудностях виновата она. Это по ее вине Люлио отправился на Сверкающие Горы, откуда не вернулся, а потеря отца не могла не повлиять на Томи. У него нет ни отца, ни друзей, и можно ли после этого удивляться, что голова у него забита бог знает чем?

На экране новый кадр, и Ниса торопится прочесть.

« — Никаких писем я не получаю, — сказал он высокомерно.

— Но тогда их получит твоя мама.

— У меня нет мамы, — сказал он.

— Тогда меня не удивляет, что ты плакал».

Да, она виновата перед Томи. И еще как виновата! Его прогулки, воображаемые друзья, галлюцинации — все это лишь...

Взгляд ее останавливается на зеркале. Она раздвигает волосы на лбу и нащупывает неглубокий шрам.

К чему ей пытаться и дальше себя обманывать? Камень ударил ее сам; рана кровоточила, а потом, прямо на глазах у нее, затянулась; Томи сумел починить приемопередатчик, устройства которого не знала даже она, а потом разбил его, дав ему упасть почти с потолка, куда поднял его абсолютно непонятным образом. Все это она видела собственными глазами. Нет, то, что происходит на Гарнисе, галлюцинациями не объяснишь.

Она закрывает глаза. У нее больше не осталось сил. Томи отмалчивается, на вопросы не отвечает, а ведь дела их совсем плохи...

Снова щелчок: сменился очередной кадр.

« — Мне кажется, Венди, что из дому я убежал в день, когда родился...»

Прежде они с Томи были близкими друзьями, он ей рассказывал обо всех своих заботах, она ему — обо всех своих. А потом все изменилось. В чем тут дело, ей до конца понять так и не удалось...

« — Все произошло потому, что я услышал, как мои отец и мать, — тихо продолжал мальчик, — говорят о том,

кем я буду, когда стану взрослым, а я становиться взрослым не хочу, ни за что!»

Она подходит к окну. Так никто и не прилетел! Должны были прибыть вчера, но их нет. Радиограмма Томи, отменяющая первую, наверняка принята, и, если это так, за ними теперь прилетят только через две недели.

Ниса смотрит на отражение Томи в зеркале. Она чувствует: что-то произойдет. Томи не хочет улетать, чего-то ждет. Придется и ей ждать.

Глядя на лицо сына, Ниса добреет. Лицо у него такое грустное! Еще четырех лет, наверное, не прошло с тех пор, как он, глядя на нее блестящими глазами, спрашивал: «Я увижу фею? Увижу фею?» А она ответила ему: «Засмейся, и ты ее увидишь», и они оба стали смеяться... Если бы можно было поговорить с ним по-настоящему, тогда, может, она бы его поняла, но пока ей ничего выяснить не удается...

«— Знай же: когда впервые рассмеялся первый ребенок на свете, смех его разбился на тысячу осколков. Из них-то и произошли феи...» — читает она на экране.

Ну ладно, хватит терзать себя! Томи сейчас спокоен. Не позднее чем через две недели прилетит корабль. О чем еще в их положении можно мечтать?

«— И это значит,— продолжал мальчик,— что у каждого ребенка должна быть своя фея.

— Должна быть? Почему ты так говоришь? Может, на самом деле никаких фей нет?

— Дело совсем не в этом. Просто нынешним детям хочется быть умнее всех, и поэтому они перестают верить в фей, но каждый раз, когда ребенок говорит: «Я не верю в фей», одна из фей умирает».

Довольная тем, что в доме царит мир, Ниса, улыбнувшись, идет в свою комнату.

Ей и в голову не приходит, что все это — лишь затишье перед бурей, и какой!

скорее Тесса ведь если мы задержимся ветер и солнце могут разрушить лед мы обещали прибыть через пятнадцать дней завтра будет уже поздно все погибнет планета останется без защиты мы должны сделать все что можно

даже если это будет стоить нам жизни мы чтобы нас не обнаружили окружим себя психической защитной стеной и Грвдр из-за этого обязательно заметит наше отсутствие все это очень плохо Вакуль ведь наш вождь Грвдр наверно подозревает нас а сколько труда нам стоило скрыть присутствие маленького землянина Томи и его матери не бойся Тесса найти их все равно не смогут мы с тобой сильные вспомни даже полусонные мы смогли повлиять на могучую волю зизилия Томи смогли добиться чтобы он защитил нас от холода я это знаю Вакуль можешь не напоминать но вспомни также что обогреватели он размещал повинаясь собственной интуиции какая бывает у зизилей молчи Тесса не упоминай нашего с тобой вмешательства в судьбы нашего народа ведь если мы допустим чтобы в нашей психической защите появилась брешь Грвдр сможет через стражей Вула найти нас и все узнать прошу тебя Вакуль замолчи и сосредоточься путь у нас еще долгий очень долгий и ветер воет так как не был никогда словно начинается новое оледенение не произноси этого слова ведь если мы достигнем цели оледенений больше не будет а теперь вверх Вакуль лишь бы нам не попасть в какой-нибудь воздушный поток не видно ни зги ты в самом деле можешь найти дорогу да Тесса хотя иногда ее и теряю вот сюда скорее скорее Тесса вон туда за те горы я слышу его Тесса слышу а теперь внимательней здесь могут прятаться зилибары а я так устала я тоже но лучше отдохнуть потом а сейчас скорее скорее вперед спустимся вон за теми скалами ой около этой скалы город он пришел сюда и уснул молчи сосредоточься и подумай что мы можем сделать ой он спит крепко спит тогда Тесса время пришло я закрываю свое сознание для всего кроме нашей цели закрываю сознание для всего кроме нашей цели закрываю сознание для всего кроме нашей цели **ПОДНЯТЬСЯ ПОДНЯТЬСЯ** он выходит Тесса он выходит нам это удалось любовь моя завтра мы отдохнем завтра на нашей планете начнутся новые времена

Ветер хищно грызет скалы, обнажает древние повер-хности, хлещет по телу ночи, свистит свистом призрачных птиц, бессонных фурий.

— Томи, ты спать не собираешься?

Мальчик сидит неподвижно на диване.

— Сегодня я спать не буду,— говорит он.

Мама останавливается и смотрит на него.

— Что ты сказал?

— Сегодня я спать не буду,— повторяет Томи.

Она смотрит на него растерянно, почти умоляюще.

— Почему?

— Я жду.

— Не думаю, чтобы «Терра Нова» прилетела сегодня.

— Я не ее жду.

— Вот как?..

Мать кусает губы, она не знает, что говорить и делать дальше.

— Могу я остаться в комнате? — спрашивает она наконец.

— Если хочешь...

Ниса садится с ним рядом.

Лицо Томи, полное напряженного ожидания, тем не менее спокойно. Он умеет ждать.

— Ты уверен, что я тебе не мешаю? — спрашивает она, чтобы как-то прервать молчание: выражение лица Томи вызывает в ней смутную тревогу.

— Уверен.

Дверь сотрясается от удара.

— Что это?!

— Сядь,— говорит ей Томи.— Это просто камень.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Может, ты мне все-таки скажешь?..

— Мама,— взгляд его останавливается на ней,— если хочешь быть здесь, не разговаривай, пожалуйста.

Время тянется невыносимо медленно.

Теперь мальчик не отрывает взгляда от темного окна. Ниса наблюдает за ним, и смутная тревога, которую она испытывает, растет.

скоро мы доберемся до места Тесса и ветер который сегодня сковывает холодом спящие семена завтра будет срывать плоды с

— Какой ужас! — шепчет Ниса.— Именно этого ты и ждал?

Она поворачивается к Томи и с трудом сдерживает крик: глаза у ее сына как два черных провала.

когда будем совсем близко закричим и может быть он нас услышит Тесса и Вакуль я вас слышу я Томи я вас ждал где вы где вы где вы

Ниса не слышит безмолвного зова Томи и, естественно, не может понять выражения его лица.

— Давай спать, Томи,— тихо говорит она.— Уже два часа ночи.

это очень опасно для нас всех ведь зилибары могут почуять нас и

— Томи...

Она тянет его за рукав.

— Оставь меня в покое!

начинаем Тесса собери все свои силы пусть холод вечен Вселенная все равно сильнее

— Томи,— голос у Нисы срывается,— очень прошу, послушайся меня хоть раз...

Он не обращает на ее слова никакого внимания. Идет к двери купола, но Ниса догадывается, что он хочет сделать, перебегает бесшумно к распределительному щиту и включает магнитные замки. Язычки входят в пазы, и когда Томи оказывается у двери, она уже заперта.

через несколько минут маленький землянин Томи ты сможешь принять в своем доме нас и самый дорогой подарок вам от нашей планеты

— Выключи замки, мама.

— Ты что, думаешь, я не слышу голосов?

Он смотрит на нее изумленно.

— Ты слышишь голоса? — переспрашивает он.— В с е голоса?

— Их двое, два чудовища из страшного сна.

Томи облегченно вздыхает: его она не слышит.

скорее иначе все пропало поблизости зилибары мы слышим как они

Голоса в голове у Нисы то замирают, то снова звучат отчетливо.

вот-вот кровь начнет свое движение МНЕ НЕ ДОБРАТЬСЯ ДО КУПОЛА ЕСЛИ НЕ СМОГУ ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ ОТ он возвращается к жизни

Мать и сын, замерев, вслушиваются в голоса, которые то и дело прерываются: похоже, что все внимание тех, кому голоса принадлежат, обращено сейчас на что-то совсем другое.

И УЖЕ НИКОГДА НЕ УВИЖУ ИХ СНОВА И ОНИ НЕ

**УЗНАЮТ ЧТО СО МНОЙ БЫЛО ЧТО ПРОИЗОШЛО
И НЕ СМОГУТ ВЕРНУТЬСЯ**

Томи пристально смотрит на мать, но лицо у нее совершенно спокойное: этого голоса она не слышит.

ЗАБЛУДИЛСЯ НА ЭТОЙ СТРАШНОЙ ПЛАНЕТЕ ДАЛЕКО ОТ ЗЕМЛИ И НЕ МОГУ ДАЖЕ ПОМОЧЬ СЫНУ ТАКОМУ

— Мама!!! Это он!!!

Томи подбегает к матери и крепко-крепко обнимает ее. Ниса его сухо спрашивает:

— Что происходит?

Из-за двери купола доносится звук, похожий на стрекот тысячи обезумевших от любви сверчков.

открой же дверь маленький землянин Томи впусти нас

Мальчик бросается к распределительному щиту, но слишком поздно: вырвав щит из стены, Ниса размахивается и о ту же самую стену ёго разбивает. Осколки разлетаются во все стороны.

— Мама!

У Томи вид загнанного в угол хищника, и Ниса инстинктивно пятится.

Томи дрожащими руками поднимает с пола разбитый щит.

— Замок... замок...— повторяет он, всхлипывая.
скорее скорее открой дверь открой сейчас же иначе случится страшное СЛОВНО БУРЯ ВОКРУГ МЕНЯ Я НИЧЕГО НЕ ВИЖУ И НЕ СЛЫШУ ВСЕ КАК В ТУМАНЕ
открой маленький землянин Томи открой или будет поздно
больше нам это не удастся

Стрекот сверчков становится оглушительно громким.

— Умоляю! — рыдая, говорит Томи и поднимает к матери мокрое от слез лицо.— Ты должна помочь мне открыть замок!

— Он сломан,— холодно отвечает она.— Я знаю, как его починить, но не надейся, что это сделаю.

Он бросается к ней и трясет ее за плечи:

— Ты что, вправду не понимаешь? Не понимаешь, кто замерзает там, гибнет сейчас от холода?

— Два чудовища, которые...

— Мой отец! Мой отец там!

Лицо у Нисы становится белым как мел.

— Ты сошел с ума,— говорит она тихо.— Твой отец давно умер.

земляне нам илонам нужна ваша помощь вы умеете сохранять тепло в своих жилищах несмотря на холод снаружи вместе мы сможем сделать чтобы наша планета не умирала больше никогда Я ОКРУЖЕН ТУМАНОМ НИЧЕГО НЕ ВИЖУ ТОЛЬКО ТЕНИ ВОКРУГ И У МЕНЯ БУДТО НЕТ КОЖИ что такое маленький землянин Томи почему ты не открываешь может быть ты хочешь чтобы он снова замерз но это будет уже навсегда ведь тогда он постепенно будет умирать по-настоящему а не замерзнет мгновенно как в той снежной лавине которая его засыпала

— Сейчас же открой эту дверь!

Ниса пытается убежать к себе в комнату, но руки подростка клещами вцепляются в нее, и она вынуждена отступить.

— Ну! Скажи, как ее открыть!

— Нет! Не допущу, чтобы это вошло в наш дом. Неужели ты не понимаешь, что они тебя обманывают? Не знаю, что ты слышишь, но говорю тебе... *поздно маленький землянин Томи вот-вот будет уже поздно и мы не сможем никогда больше*

Томи закрывает глаза, удаляет все, что не нужно, из своего сознания и сосредоточивается. «Скорее, скорее! Магнитные полюсы внутренних проводников двери меняются на противоположные! Язычки вон, язычки вон, язычки вон!»

Взгляд Нисы мечется между бледным лицом сына и выскальзывающими из двери язычками замка.

— Томи!

Она бросается к двери и ее загораживает.

«Скорее, скорее! Молекулы сплава, из которого сделана ручка двери, идут вверх! Скорее, скорее!»

Ручка двери медленно поворачивается, а сильный порыв ветра довершает остальное.

Ветер врывается через открывшуюся дверь, и Ниса издает вопль: в воздухе, уже внутри купола, висят два похожих на светлячков огонька и освещают высокую человеческую фигуру.

мы зизили мы зизили мы совершили почти невозможное превратили умирающую плоть в живые клетки мы наполнили себя лучистой энергией и ты нас видишь маленький землянин видишь двух зизилей

«Светлячки» уже внутри купола, один повисает перед самым лицом Нисы, и она ясно видит его странные очер-

тания. От нее крошечное существо летит в открытую дверь.

— Теперь ты мне веришь, мама? Веришь?

Но Ниса не может вымолвить ни слова: она прижалась лицом к теплой груди мужа, едва прикрытой ветхим герметизированным костюмом.

— Да, Томи, да...

На Гарнисе и вправду оказались феи, и они вернули отца домой.

Рэй Брэдбери

ЗЕЛЕНОЕ УТРО

Когда солнце зашло, он присел возле тропы и приготовил нехитрый ужин; потом, кладя в рот еду и задумчиво жуя, слушал, как потрескивает огонь. День был похож на тридцать других: с утра пораньше вырыть побольше аккуратных ямок, потом сыпать в них семена и носить воду из прозрачных каналов. Сейчас, скованный свинцовой усталостью, он лежал, глядя, как в небе один оттенок темноты сменялся другим.

Его звали Бенджамен Дрисколл, ему был тридцать один год. Он мечтал о том, чтобы весь Марс зазеленел, покрылся высокими деревьями с густой листвой, рожающей воздух, больше воздуха; пусть растут во все времена года, освежают города и душное лето, не пускают зимние ветры. Дерево, чего-чего только оно не может... Оно красит природу, простирает тень, роняет плоды. Или становится царством детских игр — целый небесный мир, где можно ла-

зить, играть, висеть на руках... Средоточие пищи и радости вот что такое дерево. Но большинство деревьев — это живительный холодок для легких и ласковый шелест для уха, который ночью, когда лежишь в снежно-белой постели, баюкает тебя.

Он лежал и слушал, как темная почва собирается с силами, ожидая солнца, ожидая дождей, которых все нет и нет... Приложив ухо к земле, он слышал поступь грядущих годов и видел видел, как посаженные сегодня семена брызжут зеленью, как ветка за веткой рвутся к небу, цепляются за него и тянутся ввысь, и весь Марс становится солнечным лесом, светлым фруктовым садом.

Рано утром, едва маленькое бледное солнце всплывет над складками холмов, он встанет, живо проглотит завтрак с дымком, затопчет головешки и выйдет в путь с рюкзаком, выбирая места, копая, сажая семена или саженцы, осторожно уминая землю, поливая — и дальше, насвистывая и глядя в ясное небо, а оно к полудню все ярче и жарче...

Тебе нужен воздух, — сказал он своему костру. Костер — живой румяный товарищ, который шутливо кусает тебе пальцы, а в прохладные ночи, теплый, дремлет рядом, щуря сонные розовые глаза... — Нам всем нужен воздух. Здесь, Марсе, воздух редкий. Чуть что, и устал. Все равно что Андах, в Южной Америке. Вдохнул и не чувствуешь. Никак не надышишься.

Он тронул грудную клетку. Как она расширилась за тридцать дней! Да, им нужно развивать легкие, чтобы вдохнуть побольше воздуха. Или еще сажать деревья.

— Понял, зачем я здесь? — сказал он. Огонь стрельнул. — В школе нам рассказывали про Джонни Эплсида. Как он шел через Америку и сажал яблони. А ведь мое дело поважнее. Я сажаю дубы, вязы и клены. Всякие деревья: осины, каштаны и кедры. Я делаю не просто плоды для желудка, а воздух для легких. Только подумать: когда все эти деревья наконец вырастут, сколько, сколько от них будет кислорода!

Вспомнилось прибытие на Марс. Подобно тысяче других, он всматривался в тихое марсианское утро и думал: «Как-то я здесь освоюсь? Что буду делать? Найдется ли работа по мне?»

И потерял сознание.

Кто-то сунул ему под нос пузырек с нашатырным спиртом.

Он закашлялся и пришел в себя.

— Ничего, оправитесь, — сказал врач.

— А что со мной было?

— Здесь очень редкий воздух. Одни его переносят, а вам, мне кажется, лучше возвратиться на Землю.

— Нет! — Он сел, но в тот же миг в глазах у него потемнело, и Марс сделал два оборота у него под ногами. Ноздри расширились, они принудили легкие пить ничто. — Я свыкнусь. Я останусь здесь!

Его оставили в покое: он лежал, дыша, словно рыба на песке, и думал: «Воздух, воздух, воздух. Они хотят меня отослать из-за воздуха». И он повернул голову, чтобы видеть холмы и равнины Марса. Присмотрелся и сразу заметил: куда ни глянь, сколько ни смотри — ни одного дерева, ни единого. Волнами уходит вдаль черный перегонной, а на нем — ничего, ни одной травинки. «Воздух, — думал он, шумно вдыхая бесцветное ничто. — Воздух, воздух...» И на верхушках холмов, на тенистых склонах, даже возле ручья — ни дерева, ни травинки.

Ну конечно!

Ответ родился не в сознании, а в горле, в легких. И мысль, словно глоток чистого кислорода, сразу взбодрила. Деревья и трава. Он поглядел на свои руки и повернул их ладонями вверх. Он будет сажать траву и деревья. Вот его работа: бороться против того самого, что может ему помешать остаться здесь. Он поведет свою частную, «садовую» войну с Марсом. Древняя марсианская почва... Ее собственные растения прожили столько тысячелетий, что вконец одряхлели. А если посадить новые виды? Земные деревья — ветвистые мимозы, плакучие ивы, магнолии, величественные эвкалипты. Что тогда? Можно лишь гадать, какие минеральные богатства таятся в здешней почве — нетронутые, потому что древние папоротники, цветы, кусты, деревья погибли от изнеможения.

— Я должен встать! — крикнул он. — Мне надо видеть Координатора!

Полдня он и Координатор говорили о том, что сажать. Пройдут месяцы, если не годы, прежде чем начнутся плановые посадки. Пока что продовольствие доставляют с

Земли замороженным, в летающих сосульках; лишь несколько общественных садов зеленеют хлореллой.

— Так что пока,— сказал Координатор,— действуйте сами. Добудем семян, сколько можно, кое-какое снаряжение. Сейчас в ракетах плохо с местом. Боюсь, поскольку первые поселения связаны с рудниками, ваш проект зеленых посадок не будет пользоваться успехом...

— Но вы мне разрешите?

Ему разрешили. Выдали мотоцикл, он наполнил багажник семенами и саженцами, выезжал в пустынные долины, оставлял машину и шел пешком, работая.

Это началось тридцать дней назад, и он ни разу не оглянулся. Оглянуться — значит пасть духом: стояла необычно сухая погода, и вряд ли хоть одно семечко проросло. Может быть, битва проиграна? Четыре недели труда — впустую? И он смотрел только вперед, шел вперед по широкой солнечной долине, все дальше от Первого Города, и ждал — ждал, когда же пойдет дождь.

...Он натянул одеяло на плечи: над сухими холмами пухли тучи. Марс непостоянен, как время. Пропеченные солнцем холмы подернулись ночным инеем, а он думал о богатой черной почве — такой черной и блестящей, что она чуть ли не шевелилась в горсти, о жирной почве, из которой могли бы расти могучие, исполинские стебли фасоли, а спелые стручки — ронять огромные, невообразимые зерна, сотрясающие землю.

Сонный костер укутался пеплом. Воздух дрогнул: вдали прокатилась телега. Гром. Неожиданный запах влаги. «Сегодня ночью,— подумал он и вытянул руку проверить, идет ли дождь.— Сегодня ночью».

Что-то тронуло его бровь, и он проснулся.

По носу на губу скатилась влага. Вторая капля ударила в глаз и на миг его затуманила. Третья разбилась о щеку.

Дождь.

Он сел. Одеяло съехало, и по голубой рубашке забегали темные пятна: капли становились крупнее и крупнее. Костер выглядел так, будто по нему, топча огонь, плясал невидимый зверь; и вот остался только сердитый дым. Шел дождь. Огромный черный свод вдруг треснул, и шесть аспидно-голубых осколков полетели вниз. Он увидел десять

миллиардов дождевых кристаллов, они замерли в воздухе ровно на столько времени, сколько было необходимо, чтобы их запечатлел электрический фотограф. И — мрак, вода.

Он промок до костей, но сидел и смеялся, подняв лицо, и капли стучали по векам. Он хлопнул в ладоши, вскочил на ноги и прошелся вокруг своего маленького лагеря; был час ночи.

Дождь лил непрерывно два часа, потом прекратился. Высыпали чисто вымытые звезды, яркие, как никогда.

Бенджамен Дрисколл достал из целлофановой сумки сухую одежду, переоделся, лег и, счастливый, уснул.

Солнце медленно взошло между холмами. Лучи вырвались за ограду, тихо скользнули по земле и разбудили Дрисколла.

Он чуть помешкал, прежде чем встать. Целый месяц, долгий жаркий месяц он работал и ждал, работал... Но вот он поднялся и впервые стал лицом в ту сторону, откуда пришел.

Утро было зеленое.

Насколько хватает глаз, к небу поднимались деревья. Не одно, не два, не десяток, а все те тысячи, что он посадил, опуская в землю семена и саженцы. И не мелочь какая-нибудь, нет, не поросль, не хрупкие деревца, а мощные стволы, могучие деревья, высотой с дом, зеленые-зеленые, огромные, пышные, деревья с отливающей серебром листвой, шелестящие на ветру, длинные ряды деревьев на склонах холмов, лимонные деревья и липы, секвойи и мимозы, дубы и вязы, осины, вишни, клены, ясени, яблони, апельсиновые деревья, эвкалипты — подстегнутые буйным дождем, вскормленные чужой волшебной почвой. На его глазах тянулись новые ветви, лопались новые почки.

— Невероятно! — воскликнул Бенджамен Дрисколл.

Но долина и утро были зеленые.

А воздух!

Отовсюду, словно живой поток, словно горная река, струился свежий воздух, кислород, источаемый зелеными деревьями. Присмотрись, и увидишь, как он переливается в небе хрустальными волнами. Кислород — свежий, чистый, зеленый, прохладный кислород превратил долину в дельту реки. Еще мгновение, и в поселке распахнутся двери, люди выбегут навстречу чуду, будут его глотать, вдыхать полной грудью, щеки порозовеют, носы озябнут,

легкие заново оживут, сердца забьются чаще, и усталые тела полетят в танце.

Бенджамен Дрисколл глубоко-глубоко вдохнул влажный зеленый воздух и потерял сознание.

Прежде чем он очнулся, навстречу золотистому солнцу поднялось еще пять тысяч деревьев.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Ванслова. ПРЕДИСЛОВИЕ	5
------------------------------------	---

РАССКАЗЫ

Рэй Брэдбери. И ГРЯНУЛ ГРОМ... <i>Перевел с английского Л. Жданов</i>	13
Нильс Нильсен. НОЧНАЯ ПОГОНЯ. <i>Перевел с датского Р. Рыбкин</i>	27
Кемень Деже. ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ. <i>Перевела с венгерского Г. Лapidус</i>	43
А. Лентини. ДЕРЕВО. <i>Перевел с английского Р. Рыбкин</i>	50
Томас Сальвадор. МАРСУФ НА ПЛАНЕТЕ СПИРЕО. <i>Перевел с испанского Р. Рыбкин</i>	53
Кордвейнер Смит. ИГРА С КРЫСОДРАКОНОМ. <i>Перевел с английского Р. Рыбкин</i>	67
Збигнев Долецкий. ПОД БЕЛЫМИ ОБЛАКАМИ. <i>Перевел с польского В. Приходько</i>	82
Лестер Дель Рей. КРЫЛЬЯ НОЧИ. <i>Перевела с английского Н. Галь</i>	88
Збинек Черник. ДОРОГА К НАЧАЛУ ВЕКОВ. <i>Перевела с чешского Е. Аронович</i>	109
Эмио Донаджо. УВАЖАТЬ МИКРОБЫ. <i>Перевел с итальянского Л. Вершинин</i>	115
Джон Браннер. ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СОСТОЯНИИ ЛУННОЙ ПОВЕРХНОСТИ. <i>Перевел с английского Р. Рыбкин</i>	119
Любен Дилов. ЕЩЕ РАЗ О ДЕЛЬФИНАХ. <i>Перевела с болгарского Т. Прокопьева</i>	122
Рохелио Льюпис. СКАЗОЧНИК. <i>Перевел с испанского Р. Рыбкин</i>	135
Ондржей Нефф. МОБИ ДИК. <i>Перевела с чешского Т. Осадченко</i>	142

Дж. Эзертон. НЕЖДАННО-НЕГАДАННО. *Перевел с английского*
Р. Рыбкин 154
Роберт Силверберг. ТРУ-РУ-РУ. *Перевел с английского В. Вебер* 159

П О В Е С Т И

Уильям Т. Пауэрс. НЕЧЕМ ДЫШАТЬ. *Перевел с английского*
И. Можейко 185
Даина Чавиано. ФЕЯ НА ПОРОГЕ ЗЕМЛИ. *Перевел с испанского*
Р. Рыбкин 247
Вместо послесловия:
Рэй Брэдбери. ЗЕЛЕНОЕ УТРО. *Перевел с английского Л. Жданов* 296

Научно-художественное издание

Для среднего и старшего возраста

НОЧНАЯ ПОГОНЯ

Сборник научно-фантастических повестей
и рассказов

Составитель Р. Л. Рыбкин

Ответственный редактор *Н. И. Белая*. Художественный редактор *Ю. Н. Стальская*. Технический редактор *Т. П. Тимошина*. Корректоры *Т. В. Беспалая*,
А. П. Саркисян

ИБ № 11192

Сдано в набор 02.10.88. Подписано к печати 10.03.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. кн.-журнальная № 2. Шрифт таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,8. Уч.-изд. л. 15,73. Тираж 100 000 экз. Заказ № 845. Цена 1 р. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушеvский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Scan, DJVU: Tiger, 2013

1руб.